ИНСТИТУТ К. МАРКСА И Ф. ЭНГЕЛЬСА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЛЕТОПИСИ МАРКСИЗМА

III

1927

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО РСФСР

Институт К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА

АРХИВ К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА

P1510

КНИГА ПЕРВАЯ

От редакции. ОТДЕЛ ПЕРВЫЙ. **Статьи и исследования.** А. Деборин.—Очерки по истории диалектики. Очерк первый. Диалектика у Канта. Э. Цобель.—К истории Союза Коммунистов.—Кельнская община Союза до мартовской революции. Д. Рязанов.—Международное Товарищество Рабочих. I. Возникновение Первого Интернационала. ОТДЕЛ ВТОРОЙ. **Из неопубликованных рукописей Маркса и Энгельса.** К. Маркс и Ф. Энгельс о Фейербахе: 1. Предисловие редактора. 2. Тезисы о Фейербахе. 3. Проект предисловия к „Немецкой идеологии". 4. Фейербах. (Идеалистическая и материалистическая точки зрения.) ОТДЕЛ ТРЕТИЙ. **Из переписки Маркса и Энгельса.** В. Засулич и К. Маркс 1. Предисловие редактора. 2. В. Засулич—К. Марксу. 3. Ответ Маркса: а) первый черновик; б) второй черновик; в) третий черновик; г) четвертый черновик; д) К. Маркс — В. Засулич. Письма Ф. Энгельса к Э. Бернштейну: 1. Предисловие редактора. 2. Письма. 3. Примечания. ОТДЕЛ ЧЕТВЕРТЫЙ. **Критика и рецензии.** А. Удальцов.—К теории классов у Маркса и Энгельса. А. Неусыхин.—Новый опыт построения систематической истории хозяйства. Ф. Ротштейн. — Новая литература о чартизме. **Рецензии.**

Стр. 497. Цена 4 рубля.

КНИГА ВТОРАЯ

Ф. ЭНГЕЛЬС. **Диалектика природы.** (Русский и немецкий тексты.) Предисловие Д. Рязанова.

Список цитированных произведений.— Указатель имен.

ПРИЛОЖЕНИЕ. **Иностранная литература о Марксе, Энгельсе и марксизме (1914—1926).** Библиографический опыт. Сост. Э. Цобель и П. Гайду.

Стр. 504. Цена 6 рублей.

КНИГА ТРЕТЬЯ

ОТДЕЛ ПЕРВЫЙ. **Статьи и исследования.** А. Деборин. — Очерки по истории диалектики. Очерк второй. Диалектика у Фихте. Е. Тарле. — Лионское восстание. ОТДЕЛ ВТОРОЙ. **Из литературного наследства Маркса и Энгельса.** Д. Рязанов. — От „Рейнской Газеты" до „Святого семейства" (вступительная статья.) К. Маркс. Критика философии права Гегеля. — Подготовительные работы для „Святого семейства". — Гимназические работы (с предисловием К. Грюнберга). ОТДЕЛ ТРЕТИЙ. **Материалы и сообщения.** К. Грюнберг. Бруно Гильдебранд о рабочем союзе в Лондоне. Ф. Шиллер. Георг Вебер, сотрудник парижского „Vorwärts". Постгет. Документы I Интернационала. Е. Косминский. Книга протоколов Генерального Совета I Интернационала. Ю. Стеклов. Письма Бакунина к Ритцу. ОТДЕЛ ЧЕТВЕРТЫЙ. **Критика и рецензии.** И. Луппол. Интерпретация марксизма в Америке. А. Гуральский. Проблемы революции в новейшей социологии. Лукач. Мозес Гесс. Косминский. Обзор литературы по истории рабочего класса в Англии. Волгин. „Исторический" памфлет против коммунизма. *(Печатается.)*

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

(Предполагаемое содержание)

ОТДЕЛ ПЕРВЫЙ. **Статьи и исследования.** Д. Рязанов. — Ленин, как теоретик пролетарского государства. А. Деборин. — Очерки по истории диалектики. III, Диалектика Шеллинга. П. Фридолин. — Восстание Чьомпи. В. Максимовский. — Вико. ОТДЕЛ ВТОРОЙ. **Из литературного наследства Маркса и Энгельса.** К. Маркс. — Великие люди эмиграции. Критические замечания об А. Вагнере. Ф. Энгельс. — Конспект т. I „Капитала" ($2^1/_2$ л.). Дополнения к „Диалектике природы". К. Маркс. Математические рукописи. ОТДЕЛ ТРЕТИЙ. **Письма и документы.** Дело политического управления в Берлине и др. К. Маркса. Сообщение Трейна.—Письма Николая-она к Марксу. ОТДЕЛ ЧЕТВЕРТЫЙ. **Критика и рецензии.** Е. Косминский. Энгельс и Бюрэ.—А. Тальгеймер. 6 рецензий на немецкие диссертации.—И. Рубин. О книге Муса. — С. Красный. О новом издании Жоффруа. П. Виноградская. О книгах по Марксу в годы изгнания. — Ц. Фридлянд. О Матьезе.

ИНСТИТУТ К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЛЕТОПИСИ МАРКСИЗМА

(ЗАПИСКИ ИНСТИТУТА К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА)

III

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА ★ 1927 ★ ЛЕНИНГРАД

Отпечатано
в 1-й Образцовой типографии
Госиздата. Москва, Пятницкая, 71.
Гиз. № 19032. Главлит. № 80212.
Тираж 4000.
Зак. № 335

А. ДЕБОРИН

СПИНОЗИЗМ И МАРКСИЗМ

(К 250-й годовщине смерти Спинозы)

Имя великого Бенедикта Спинозы пользуется среди русских марксистов огромным уважением.

Отношение русских марксистов к Спинозе определяется не только пиэтетом к нему, как к великому мыслителю, оказавшему огромное влияние на весь дальнейший ход развития научно-философской мысли человечества. Имя Спинозы нам дорого потому, что он один из первых в новое время поднял знамя свободомыслия и атеизма и что спинозизм на протяжении истекших 250 лет являлся синонимом всего передового и прогрессивного, синонимом материализма, свободомыслия и безбожия. Уже одного этого было бы достаточно, чтобы обеспечить ему бессмертную славу среди потомков и в особенности среди самого передового класса современности — среди рабочего класса. Однако между спинозизмом и марксизмом существует еще более тесная связь. Марксизм, по мнению многих, представляет собою якобы только определенное экономическое учение и учение об историческом развитии общества. В действительности же дело обстоит гораздо сложнее, ибо как экономическое учение, так и теория исторического материализма являются результатом и выражением определенного философского мировоззрения и связанного с ним научного метода исследования. Марксизм в этом последнем смысле сводится к диалектическому материализму. Без материализма, как общефилософского мировоззрения, и диалектики, как метода, нет марксизма. Такова та точка зрения, на которой стояли Маркс и Энгельс и вслед за ними Г. Плеханов и В. Ленин.

Но в какой связи находится диалектический материализм со спинозизмом? — спросит наш неосведомленный читатель. Чтобы выяснить этот вопрос во всем его об'еме, следовало бы написать обширную работу. Поэтому в настоящей краткой статье нам по необходимости придется ограничиться только несколькими основными пунктами, а для подкрепления нашего утверждения мы приведем соответствующие цитаты из работ Г. Плеханова, который с достаточной полнотой выяснил вопрос о родстве марксизма со спинозизмом.

В конце девяностых годов прошлого столетия, в связи с «Проблемами социализма» Эд. Бернштейна, возникла международная дискуссия по вопросу о философских основах марксизма. Эд. Бернштейн и Конрад Шмидт отстаивали тот взгляд,

что марксизм должен быть философски обоснован на кантианстве. С тех пор гносеологическая схоластика и бессодержательный этический формализм Канта действительно стали официальным философским credo немецких социал-демократов.

Русская же марксистская философская мысль пошла по иному направлению, примыкая непосредственно к подлинному философскому учению основоположников марксизма [1]), — к диалектическому материализму. В деле дальнейшего развития философии особенно много потрудился Г. Плеханов.

Основоположники марксизма в молодости прошли школу Гегеля и заимствовали у него его метод — диалектику, переработав ее на материалистический лад. Что же касается мировоззрения, то они примкнули к учению Л. Фейербаха, к его материализму, пропустив его сквозь призму диалектики. В Германии в настоящее время основательно забыты как Гегель, так и Фейербах. Впрочем, гегелевскую систему еще излагают так или иначе в учебниках, с высоты кафедр, но о гегелевском методе публика или не имеет никакого представления, или же очень смутное и во всяком случае превратное. Фейербах уже потому заслужил забвение, что он был материалистом, а материализм, как это проповедуют все профессора философии, ни в малейшей степени не является философским учением, философским мировоззрением. Филистеры всех стран ныне так же презрительно отзываются о материализме, как в былые времена отзывались о спинозизме. Они для этого имеют тем больше оснований, чем меньше они знают что-либо о материализме.

Спинозизм в наше «просвещенное» время реабилитирован, но он реабилитирован лишь в той мере, в какой его удалось исказить, т.-е. превратить путем всевозможных интерпретаций в идеалистическую систему философии. Эти интерпретаторы заслуживают благодарности потомства, ибо благодаря их «стараниям» Спиноза спасен от забвения.

Однако, по нашему глубокому убеждению, спинозизм вовсе не является идеалистической системой, а «хитрость разума» исторического, обманув бдительность консулов, захотела, чтобы самое передовое, самое революционное и насквозь материалистическое учение современности — марксизм — оказалось так или иначе в известном родстве с спинозизмом. Разумеется, здесь речь идет о марксизме лишь в той части, в какой он является философским мировоззрением.

Один из лучших знатоков марксизма, Г. Плеханов, пишет по вопросу о связи марксизма со спинозизмом следующее: «Гуманизм Фейербаха сам оказывается не чем иным, как спинозизмом, освобожденным от его теологической привески. И именно на точку зрения этого спинозизма, освобожденного Фейербахом от его теологической привески, перешли Маркс и Энгельс, когда разорвали с идеализмом. Но освободить спинозизм от его теологической привески значило обнаружить его истинное, материалистическое содержание. Стало быть, спинозизм Маркса-Энгельса и был новейшим материализмом» [2]).

---

[1]) Правда, еще задолго до возникновения спора о значении Спинозы для марксизма, в немецкой литературе выступил со своей известной работой J. Stern, пытаясь перебросить мост между марксизмом и спинозизмом, но его попытка не встретила сочувствия; к-тому же она оказалась действительно неудовлетворительной.

[2]) Г. Плеханов, Сочинения, т. XVIII, стр. 189.

Маркс и Энгельс никогда не стояли на точке зрения вульгарного материализма Фохта и Молешотта. Вульгарный механический материализм является оборотной стороной идеализма. Первый отожествляет душевные процессы с физическими, второй — физические процессы с духовными, нематериальными. Как механический материализм, так и все виды идеализма приходят к монизму, но это — монизм абстрактный, метафизический. Спинозизм же стоит на почве конкретного монизма. Он впервые преодолел как дуализм, так и абстрактный монизм. Субстанция Спинозы представляет собою диалектическое единство противоположностей; она двуедина, будучи одновременно и протяжением, и мышлением, вещественной и духовной природы.

В то время как идеалистический монизм антиномию бытия и мышления разрешает путем устранения бытия и сведения его к мышлению, спинозизм принципиально отвергает идентичность бытия и мышления, настаивая на их единстве. Принцип тожества был выдвинут идеалистической философией в противовес учению Спинозы о единстве мышления и бытия, что не помешало, однако, впоследствии интерпретаторам комментировать собственное учение Спинозы в духе тожества. Великие немецкие идеалисты Фихте, Шеллинг и Гегель из оппозиции к Спинозе понимали абсолютное как суб'ект-об'ект, в смысле их тожества, а не единства.

«Абсолютное есть суб'ект-об'ект, — тожество мышления и бытия, — пишет Г. Плеханов. — Так учил Шеллинг, так учил Гегель. И в то же время абсолютное есть «я», бесконечный суб'ект духа. На таком его понимании энергично настаивали и Шеллинг, и Гегель. Оба они осуждали Спинозу, который, по их словам, не сумел возвыситься от понятия субстанции до понятия самосознания. Однако субстанция Спинозы, имевшая два атрибута,— мышление и протяжение, — имела то преимущество, что, в самом деле, была суб'ект-об'ектом, единством мышления и бытия. «Возвыситься» от нее до самосознания. т.-е. представить ее себе, согласно требованию Шеллинга и Гегеля, как абсолютное «я», как дух, значило свести ее к одному из ее атрибутов, именно к мышлению. У кого все сводится к мышлению, тот, конечно, монист. Но его монизм не решает вопроса об отношении суб'екта к об'екту, мышления к бытию, а уклоняется от его решения, совершенно произвольно зачеркивая одно из условий задачи. Фейербах, бывший сначала восторженным учеником Гегеля, впоследствии заметил эту слабую сторону идеалистического монизма, и тогда он стал материалистом» [1]).

Фейербах, подобно Спинозе, утверждал, что мир суб'ективных явлений составляет лишь другую сторону мира явлений об'ективных. В этом смысле Фейербах всецело стоял на точке зрения единства суб'екта и об'екта, мышления и бытия. Но эта точка зрения Фейербаха целиком была воспринята Марксом и Энгельсом. Как Фейербах, так и марксизм рассматривают спинозизм как материализм, облеченный в теологический костюм, ибо то, что Спиноза называет субстанцией, или богом, является не чем иным, как природой.

Природа составляет великое целое, в котором все находится во взаимной связи. Человек также составляет лишь часть этого единого целого, часть природы, за пре-

[1]) Г. Плеханов, Сочинения, т. XVIII, стр. 165.

делами которой ничего нет. Природа, как целое, есть предельное понятие, и наше познание направлено к установлению причинных связей и законов природы. Великой заслугой Спинозы является изгнание им из научного обихода принципа телеологии. И в этом отношении марксизм, как и всякое научное познание, всецело примыкает к спинозизму. Говоря о естествознании XVIII века, когда высшей всеобщей идеей естествознания была мысль о целесообразности естественных процессов, Энгельс подчеркивает: «Нужно считать огромным достоинством и честью тогдашней философии, что она не поддалась влиянию ограниченной точки зрения тогдашнего естествознания, что она — начиная от Спинозы и кончая великими французскими материалистами — настойчиво пыталась об'яснить мир из него самого, предоставив детальное оправдание этого естествознанию будущего» [1]).

Спиноза первый из мыслителей нового времени с необычайной глубиной и убедительностью доказал, что нет никаких трансцендентных сил, управляющих миром, что нет верховного разума, преследующего в мире свои цели, что мир может и должен быть понят из самого себя, что природа никем не создана и что все в ней совершается по необходимым законам. Об'яснение явлений мира при помощи воли божией Спиноза высмеивает с непревзойденным по тонкости сарказма искусством. Сама воля божия об'является им asylum ignorantiae, служащим еще и в настоящее время принципом об'яснения явлений природы в концепциях многих философов, свысока смотрящих на дерзкого мудреца, посягнувшего на права бога. Теологи и метафизики, говорит Спиноза в своем прибавлении к первой главе «Этики», «приходят в изумление при виде строения человеческого тела и, не зная причины такого искусного произведения, заключают, что оно создано и устроено таким образом, что одна часть не причиняет вреда другой, не механическими силами, а божественными или сверх'естественным искусством. Отсюда и происходит, что кто ищет истинных причин чудес и старается смотреть на естественные вещи как ученый, а не удивляется им как глупец, того повсюду считают и провозглашают еретиком и нечестивцем те, перед кем чернь преклоняется, как перед истолкователями природы и богов. Они ведь знают, что при уничтожении невежества уничтожается также и изумление, т.-е. единственное доступное для них средство для доказательства и охранения их авторитета».

Таким образом, Спиноза полагал, что авторитет теологов и власть тиранов покоится на невежестве народа, который умышленно держат в темноте и обмане, чтобы он «за свое порабощение сражался, как за свое благополучие», как выражается в другом месте мыслитель. Мы ныне, благодаря марксизму, проникли глубже в основы «авторитета» и «власти». Но тем не менее утверждение Спинозы остается в известной степени справедливым в том смысле, что невежество, суеверие и религиозные предрассудки являлись и являются еще в настоящее время средствами порабощения народа. Великий освободительный лозунг, провозглашенный Спинозой в XVII веке, был подхвачен французской революционной буржуазией в XVIII веке и имеет еще известное актуальное значение для рабочего класса современности, который для своего освобождения от порабощения нуждается прежде всего в об'ективном научном исследовании мира, чему учил Спиноза. И

---

[1]) Ф. Энгельс, Диалектика природы («Архив К. Маркса и Ф. Энгельса», кн. II, стр. 161).

в этом отношении, стало быть, Спиноза близок нашему времени, близок марксизму. Марксизм является «родом спинозизма» в части своего общефилософского мировоззрения и по своим общенаучным тенденциям. Но марксизм — наследник спинозизма также и в том смысле, что он продолжает провозглашенную великим мыслителем борьбу против всяческого суеверия, против религиозных предрассудков — за атеизм.

Выше было уже подчеркнуто, что система Спинозы проникнута строжайшим детерминизмом, в чем, между прочим, также проявляется ее научный и материалистический характер. В теснейшей связи с всеобщим детерминизмом находится и отрицание Спинозой свободы воли. Помешанные, болтуны, дети и многие другие убеждены, что они говорят по свободному определению души, между тем как они не в силах сдержать одолевающий их порыв говорливости, говорит Спиноза. «Таким образом, и самый опыт не менее ясно, чем разум, учит, что люди только по той причине считают себя свободными, что свои действия они сознают, а причин, которыми они определяются, не знают, и что определения души суть, далее, не что иное, как самые влечения, которые бывают различны сообразно с различными состояниями тела» [1]).

Положение о том, что люди сознают свои действия, но не знают причин, которыми они определяются к действию, и что на основании сознания своих действий они считают себя свободными, — это положение целиком разделяется марксизмом. Однако неправильно было бы думать, что отрицание свободы воли ведет к фатализму, в чем, между прочим, часто упрекают марксизм. Здесь не место вдаваться в анализ этого вопроса. Достаточно только сказать, что Спиноза в общем дает правильное диалектическое решение вопроса. Идея свободы неразрывно связана с идеей необходимости. Под свободой, говорит Спиноза, мы понимаем то, что существует в силу необходимости своей природы. Таким образом, если марксизм учит, что свобода есть не что иное, как познанная необходимость, то это положение, которое было на немецкой почве развито Шеллингом и Гегелем, примыкает непосредственно к учению Спинозы. Отрицание свободы воли было связано у Спинозы с его общественными стремлениями. Если все действия людей причинно обусловлены, то они так же подлежат изучению, как все об'екты природы. К ним не следует подходить с обычными моральными мерками, а их следует изучать как необходимые явления, как естественные факты.

Но Спиноза поднялся высоко над своими современниками еще в ином отношении. Он рассматривает мораль и право не как субстанциальные «реальности» и не как естественные свойства вещей, а как относительные, чисто человеческие понятия. И в этом вопросе Спиноза стоит в сущности на материалистической точке зрения.

Сущность человека, как и всякого существа, составляет стремление к самосохранению, которое является основанием добродетели. «Действовать абсолютно по добродетели есть для нас не что иное, как действовать, жить, сохранять свое существование (эти три выражения обозначают одно и то же) по руководству разума на основании стремления к собственной пользе» [2]). Добром и злом мы называем то, что

---

[1]) «Этика», ч. III, теорема 2, схолия. (Перевод Н. А. Иванцова).

[2]) «Этика», ч. IV, теорема 24.

способствует сохранению нашего существования, т.-е. в зависимости от того, доставляет ли нам вещь удовольствие или неудовольствие.

Все учение Спинозы проникнуто бодрой жизнерадостностью и отвращением ко всему тому, что направлено к порабощению человека и к подавлению его естественных влечений и страстей. Наслаждайся жизнью сам и давай наслаждаться ею другим людям — вот девиз Спинозы. «Мудрецу следует, говорю я, поддерживать и восстанавливать себя умеренной и приятной пищей и питьем, а также благовониями, красотою зеленеющих растений, красивой одеждой, музыкой, играми и упражнениями, театром и другими подобными вещами, которыми каждый может пользоваться без всякого вреда другому».

Мы стремимся к нашей пользе. Это исходный пункт человеческой деятельности. Для осуществления наших потребностей и целей мы приспособляем внешнюю природу к нашей пользе. Таким образом, человек осуществляет свою власть над природой, стремясь подчинить ее себе. Подчинить же себе природу мы можем лишь постольку, поскольку мы познаем ее законы и действуем в согласии с ними, а не вопреки им. П о з н а н и ю принадлежит поэтому в человеческой жизни огромное значение. Оно является руководителем в жизни людей. И в этом смысле р а з у м у принадлежит почетная роль руководителя жизни, так как только он один является обладателем об'ективной истины, об'ективного познания природы.

Так как одной из важнейших задач для человека является подчинение его пользе природы, то очевидно, что индивидуум не обладает достаточными силами для этого, ибо, как выражается Спиноза, могущество внешних причин природы бесконечно превосходит силы человека, которые весьма ограничены. Поэтому, хотя мы и не имеем, как говорит Спиноза, абсолютной возможности приспособлять внешние нам вещи к нашей пользе, относительное подчинение природы нашим потребностям возможно, — но не индивидуальными, а коллективными силами. «Всего полезнее для людей — соединиться друг с другом в своем о б р а з е ж и з н и, — говорит Спиноза, — и вступить в такие связи, которые удобнее всего могли бы сделать из всех одного, и вообще людям всего полезнее делать то, что способствует укреплению дружбы» [1]).

В другом месте философ доказывает, что наивысшее благо заключается в том, чтобы человек, вместе с другими индивидуумами, достиг единства духа с природою в целом, для чего прежде всего необходимо об'ективное познание природы. Для этой же цели, т.-е. для достижения наивысшего счастья, необходимо «организовать общение, которое обеспечило бы возможно многим возможно легкое и надежное достижение» намеченной цели. Поскольку же при помощи т е х н и к и «многие трудные вещи превращаются в легкие, и мы таким образом оказываемся в состоянии выиграть время и создать себе удобства в жизни, то и механика ни в каком случае не должна оставаться в пренебрежении». Но не только техника и механика, а все наши действия и все науки, должны быть направлены к одной цели — к достижению наивысшего человеческого совершенства, и все то в науках, что не подвигает нас к этой конечной цели, должно быть отброшено как бесполезное.

Итак, все человеческие действия и все наши науки должны быть направлены к пользе и счастью человека, к достижению наивысшего совершенства. А это возможно осуществить посредством подчинения природы человеку и посредством органи-

[1]) «Этика», ч. IV, Прибавление, гл. XII.

зации такого общества, в котором бы «души и тела всех составляли как бы одну душу и одно тело». «Таким образом, — говорит Спиноза, — вне нас существует многое, что для нас полезно и к чему вследствие этого должно стремиться. Из числа этого ничего нельзя придумать лучше того, что совершенно согласно с нашей природой. В самом деле, если, например, два индивидуума совершенно одной и той же природы соединяются друг с другом, то они составляют индивидуум вдвое сильнейший, чем каждый из них в отдельности. Поэтому для человека нет ничего полезнее человека; люди, говорю я, не могут желать для сохранения своего существования ничего лучшего, как то, чтобы все таким образом во всем согласовались друг с другом, чтобы души и тела всех составляли как бы одну душу и одно тело, чтобы все вместе, насколько возможно, стремились сохранять свое существование и все вместе искали бы общеполезного для всех» [1]). «Поэтому, — говорит мыслитель в другом месте, — пусть сатирики, сколько хотят, осмеивают дела человеческие, пускай проклинают их теологи, пускай меланхолики превозносят, елико возможно, жизнь первобытную и дикую, презирают людей и приходят в восторг от животных, — опыт все-таки будет говорить людям, что при взаимной помощи они гораздо легче могут удовлетворять своим нуждам и только соединенными силами могут избегать опасностей, отовсюду им грозящих» [2]).

Мы знаем, что Спиноза был идеологом демократических элементов класса буржуазии; исходным пунктом для него является индивидуум с его стремлением к самосохранению и личной пользе. Возможно, что Спиноза считал возможным достижение «наивысшего счастья» человека в условиях буржуазного общества. Но нет сомнения, что требование его организовать такие связи и такое общение, которые «могли бы сделать из всех людей одного», гармонически согласовать коллективные силы человечества для счастливой жизни на земле, — что это требование выходит за пределы буржуазного общества и пророчески предвосхищает наступление нового социалистического общества. Стало быть, общественный идеал Спинозы сближает его ныне с самым передовым классом современного общества — с пролетариатом.

Однако справедливость требует сказать, что Спиноза исходит из отвлеченного индивидуализма, из человека, как он дан природой. Его призывы к счастливой жизни, в основе которой должно лежать познавательное созерцание, в сущности обращены к избранным, к мудрецам. Есть большая доля истины в его психологическом анализе человеческих страстей и мотивов, которые управляют их индивидуальной жизнью. Можно сказать, что в своем учении об аффектах он дал непревзойденный до сих пор по глубине и убедительности анализ механизма человеческой личности, но Спиноза не связал человека с обществом. Он отдавал себе отчет в том, что общество полезно для человека, что оно основано на взаимном обмене услуг, что только в обществе человек может достигнуть высшего счастья, что для своего самосохранения он нуждается в общественной организации, но он не видел и по условиям своего времени не мог видеть, что сам человек изменяется в зависимости от условий общественной жизни, — словом, что человек является не только существом природы, но и существом общественным.

---

[1]) «Этика», ч. IV, теорема 18, схолия.
[2]) Ibid., ч. IV, теорема 35, схолия.

«Общество, — говорит Спиноза в «Теологико-политическом трактате», — весьма полезно и в высшей степени необходимо не только для того, чтобы обезопасить жизнь от врагов, но и в видах сбережения многих вещей». Если бы люди не желали оказывать друг другу взаимную услугу, то им недостало бы ни уменья, ни времени поддерживать и сохранять себя, так как не все способны ко всему. Сил и времени, говорю, ни у кого не хватило бы, если бы он один должен был пахать, сеять, жать, молоть, варить, ткать, шить и делать многое другое для поддержания жизни. Не говорю уже об искусствах и науках, которые также в высшей степени необходимы для совершенства человеческой природы и для ее блаженства». Таким образом, Спиноза превосходно понимает значение общества для индивидуума, для прогрессивного развития личности, для всестороннего улучшения жизни и выявления способностей человека. Без общества и вне общества нет никакой культуры, нет наук и искусств, нет того самого р а з у м а, который играет у Спинозы роль руководителя и укротителя страстей.

Если бы все люди руководствовались в своей жизни разумом, то общество не нуждалось бы в законах, которые сдерживают страсти. Но люди, полагает Спиноза, о т п р и р о д ы обуреваемы страстями и душевными аффектами, а вовсе не живут согласно разуму, — вот почему необходимы в обществе власть и законы, сила и принуждение. Таков натуралистический и рационалистический подход Спинозы. Он видит в человеке существо природы, наделенное низменными страстями и аффектами. Для того, чтобы держать толпу, народ, в повиновении, необходимы законы и власть. Р а з у м один делает человека с в о б о д н ы м. Люди, действующие по законам разума, не нуждаются в законах государственных. Но таких людей очень мало. Это м у д р е ц ы, избранники рода человеческого. Если бы общество состояло из таких мудрецов, оно не нуждалось бы ни в государственных установлениях, ни в законах, ни во власти, ни в каких бы то ни было авторитетах.

Но натуралистическая и рационалистическая точка зрения Спинозы все же для своего времени составляла огромный шаг вперед, ибо он совершенно эмансипировался от религиозной и моральной трактовки проблемы права и государственного устройства. Спиноза имеет дело в сущности с чисто материальными условиями и факторами, лежащими в основе государства. Основу государства составляют не религиозные и моральные законы, а чисто физические, естественные условия, законы природы. Преимущество Спинозы, как политического мыслителя, состоит в том, что при изучении общества и государства он обращается к человеческой природе, отвергая моральные и религиозные принципы, которые должны освятить общественный строй и дать ему оправдание. Но в этом натурализме, на почве которого стояли и французские мыслители XVIII столетия, заключается вместе с тем и слабая сторона учения Спинозы. Он исходил из физических и механических понятий, которые одинаково применялись им как при изучении природы, так и при изучении человека, общества и государства. Общество и государство являлись для него в сущности естественными механизмами, частями природы. Никакого качественного различия между природой и обществом для него не существовало.

Марксизм в этом отношении далеко ушел от спинозизма. Согласно материалистическому пониманию истории человек есть продукт о б щ е с т в е н н ы х о т н о ш е н и й. С изменением общественных отношений изменяется и «природа» человека, его представления и понятия. Марксизм вскрыл истинные законы обществен-

ного развития; он преодолел и натурализм Спинозы. Тем не менее Спиноза, вследствие его общей материалистической тенденции в понимании общества и государства, является одним из мыслителей, идеи которого в своем дальнейшем историческом развитии подготовили основы марксистского учения об обществе. Достаточно сказать, что для Спинозы институт собственности не является чем-то естественным, ибо в естественном состоянии собственности вообще не существует. Собственность является институтом, свойственным гражданскому состоянию. Спиноза дошел даже до понимания того, что определенные формы собственности имеют огромное, если не решающее, значение для определенных государственных форм. Впрочем, подробное выяснение этого вопроса завело бы нас слишком далеко.

Резюмируя сказанное, мы считаем нужным еще раз подчеркнуть, что марксизм по своему общефилософскому мировоззрению примыкает к учению Спинозы, являясь, по выражению Г. Плеханова, родом спинозизма [1]). В общем и целом Спиноза стоит на материалистической точке зрения, как в своем учении о природе, так и в части, касающейся человеческого существа, его «души» и аффектов, общества и государства. Но его мировоззрение является продуктом определенной исторической эпохи. Этим обстоятельством определяется как его специфическая терминология, так и то, что в некоторых частях своей системы Спиноза отступает от материалистической концепции.

«Историческое значение и достоинство Спинозы, — говорит правильно Л. Фейербах, — состоит в том, что, в противоположность христианской религии и философии, он обожествлял природу, провозгласив ее богом и виновником человека, в то время как христианская религия и философия провозгласили человеческое существо богом и виновником природы».

Религия имеет дело с моральными свойствами бога, философия имеет своим предметом физические свойства бога. Но бог в системе Спинозы есть не что иное, как природа. Стало быть, физические свойства бога и природы тожественны, т.-е. нет ничего помимо физических свойств природы. Особенность системы Спинозы состоит ведь в преодолении дуализма бога и природы. Бог не является особым, отличным от природы существом. Он тожествен с природой. Или, иначе говоря, для Спинозы природа сама является богом. Следовательно, бог есть лишь другое название для того же предмета — для природы. Если это так, то бог есть лишь богословский термин для обозначения действительной природы. Поэтому Л. Фейербах был совершенно прав, когда писал, что тайну спинозовской философии составляет природа. Природа, реальный, материальный мир существует об'ективно, а человеческое познание состоит в воспроизведении и отображении действительного мира в человеческом сознании. В этом отношении марксизм также целиком примыкает к спинозизму и отвергает идеалистическую и схоластическую постановку вопроса в современных гносеологических концепциях, усматривающих «догматизм» в признании внешнего мира и возможности его познания. Что же касается атеистического характера системы Спинозы, то это для многих современных профессоров философии совершенно неприемлемо и звучит каким-то ужасным парадоксом. Дело здесь даже не в личном убеждении Спинозы, а в тех неизбежных следствиях, какие вытекают из всей его системы. Богословы с полным правом обвиняли

[1]) Подробно этот вопрос мы надеемся выяснить в специальной работе.

Спинозу в атеизме, говорит Фейербах. И в самом деле, в данном случае истина на стороне попов, а не тех философских интерпретаторов Спинозы, которым во что бы то ни стало хочется отвести под солнцем спинозовской природы местечко для господа бога. Но в природе Спинозы такого местечка не оказывается, однако самое отожествление Спинозой бога и природы, об'ясняемое историческими условиями, совершенно неприемлемо для нас и должно быть отвергнуто, ибо терминология также имеет свою логику. «Там, где бог отожествляется с природой или природа с богом, там нет ни бога, ни природы, а есть только мистическое, двусмысленное существо» [1]), как выражается Л. Фейербах. По существу же, по внутреннему своему смыслу, мировоззрение Спинозы носит натуралистический, материалистический и атеистический характер.

---

[1]) L. Feuerbach, Sämmtliche Werke, 1906, B. III, p. 84.

Д. РЯЗАНОВ

МАРКС И ЭНГЕЛЬС О БРАКЕ И СЕМЬЕ [1])

I

В связи с обсуждением на последней сессии ВЦИК нового проекта закона о браке и семье, принятого, в конце концов, в значительно измененной форме, был затронут принципиальный вопрос — вопрос об отношении коммунизма, научного социализма, к браку и семье.

Тов. Курский, главный докладчик, заявил:

«Придет время (я глубоко убежден в этом), когда мы приравняем регистрацию во всех отношениях к фактическому браку или уничтожим совсем. Регистрация будет только статистически учитывать эти явления, поскольку их всегда необходимо будет учитывать».

Тов. Крыленко еще более подчеркнул преимущества нового законопроекта.

«Он (этот проект) делает шаг вперед в смысле приближения к идеалу коммунистического общества, где вообще брачные отношения не должны будут подлежать какой бы то ни было принудительной регламентации».

Тут нашла себе выражение точка зрения, которую — правда, не всегда последовательно — защищает т. Преображенский. В очень интересной книжке «О морали и классовых нормах» он говорит:

«Конкретно, можно ли с точки зрения пролетарских интересов поставить и дать ответ на вопрос, какие формы общения полов больше совместимы, если не с теперешними социальными отношениями и социальными интересами, то с отношениями социалистического общества: моногамия, кратковременные связи или так называемое беспорядочное половое общение? До сих пор защитники той или иной точки зрения в этом вопросе скорее обосновывали всевозможными аргументами свои личные вкусы и привычки в этой области, чем давали правильный, социологически и классово обоснованный ответ. Кому больше нравился несколько филистерский личный семейный быт Маркса (я позволю себе прибавить: и Ленина. — Д. Р.) и кто по своим наклонностям предпочитал моногамию, тот пытался возвести в догмат и норму моногамную форму брака, подбирая для этого медицинские и социальные аргументы. Те, которые склонны к обратному, пытаются выдать быстротечные браки и «половой коммунизм» за естественную форму брака в будущем обществе, при чем иногда проведение на практике этого типа общения между полами с гордостью рассматривают как «протест на деле» против мещанской семейной морали настоящего».

[1]) В основу статьи положен доклад, прочитанный в декабре 1926 г.

«Быстротечный брак» и «половой коммунизм» — это новые формы выражения для полетов и порханий крылатого Эроса. Не удивительно, что приверженцы этого «типа общения между полами» сильно переполошились, когда узнали, что на сессии ВЦИК нашлись противники нового «истинно-коммунистического» законопроекта не только среди беспартийных филистеров, но и среди коммунистов. Противников «мещанской семейной морали настоящего» охватила тревога. Наиболее яркое выражение эта тревога нашла в стихотворении поэта-комсомольца, который от имени всей комсомолии выступил в защиту нового законопроекта, за «право на любовь».

О любящие — в строй! Все будьте наготове!
Пусть грянет стук сердец, как барабанный стук.
Сегодня суд вершат над нашею любовью
Сегодня бой идет простым поднятьем рук.
Послав ко всем-чертям высокое искусство,
Сегодня я кричу простую мысль мою:
За Курского! За кодекс Наркомюста!
За новую семью!

Товарищи, я цитировал это барабанное «слово большевика» только потому, что оно «произнесено» официальным поэтом комсомолии. Это мнение поэта, средне одаренного поэтически, но политически очень безграмотного, лучше всего показывает, как необходимо было поставить в дискуссии принципиальный вопрос о «праве на любовь».

Не знаю, на каких крыльях летала тут фантазия тов. Безыменского. Но нужно не иметь никакого понятия о программе партии, о действующем советском законодательстве, чтобы всерьез, на страницах центрального органа ВЦИК и ЦИК, а не «Бузотера», истошным голосом кричать, что на десятом году советской власти кто-то совершал настоящее преступление, собирался вновь опутать женщин цепями старой семьи.

О женщины — вперед! Каким-то там калекам
Вас хочется загнать в былую клетку вновь
И вновь надеть ярмо, как получеловекам,
Назвав это ярмо «законная любовь».
Иным мила кровать, но не мила расплата.
Так двиньте же вперед все пушки ваших мук,
Чтоб не была ярмом и знаменем разврата
Штампованная честь супругов и супруг.

Можно не соглашаться с идеологией «крылатого Эроса», но нельзя отрицать, что в ней звучало искреннее чувство протеста против старой семьи, что в ней нашла, — правда, не всегда вполне правильное, — отражение гениальная критика, которой подвергали буржуазную семью великие утописты-социалисты.

Орлам случается и ниже кур спускаться,
Но курам никогда до облак не подняться.

Фантазия наших поэтических «кур» или «петухов» выше кровати не поднимается. Она и в десятый год диктатуры пролетариата все еще беспомощно путается в вопросе о «праве на любовь».

В другом докладе, который будет посвящен «старому» закону. т.-е. закону Октябрьской революции, и «новому» закону, т.-е. законопроекту Наркомюста, в за-

щиту которого мобилизованы были «полки сердец и глаз», я укажу на целый ряд легенд, которые созданы были в связи с этой дискуссией.

Сегодня я ограничусь только одним. Я хочу ответить на вопрос: будут ли брак и семья подвергаться регламентации в социалистическом и коммунистическом обществе, какие формы «общения полов» больше соответствуют уровню культуры, который будет достигнут в условиях такого общества? А для этого лучше всего проследить развитие взглядов Маркса и Энгельса на эти вопросы. Мы увидим тогда, какие взгляды больше сходятся или расходятся с основными принципами научного коммунизма, которые были установлены Марксом и Энгельсом.

II

Программа научного коммунизма впервые была изложена в «Коммунистическом манифесте». Миросозерцанию буржуазии было противопоставлено миросозерцание пролетариата. С точки зрения интересов последнего подвергнуты были критике основные учреждения буржуазного общества, в том числе брак и семья. В этой критике Маркс и Энгельс имели предшественников. Они не являются «творцами» совершенно новой системы, они не высасывали ее из собственного пальца, они не создавали ее из «глубин» собственного духа — они опирались на все достижения предшествовавших им социалистов и коммунистов, главным образом великих утопистов — Сен-Симона, Фурье, Оуэна и французских материалистов-коммунистов.

В сочинениях и памфлетах этих мыслителей и их последователей была дана такая исчерпывающая критика старой буржуазной семьи и основанного на праве частной собственности брака, что Марксу и Энгельсу не приходилось уже повторять ее. Уже сто лет тому назад, задолго до «Манифеста», было доказано, что в буржуазном браке нет никаких элементов свободного, основанного только на взаимной личной привязанности, союза, что в буржуазном браке только в редких случаях, как исключение, сквозь путы и оковы буржуазных отношений прорывается то, что называется свободным чувством. Апология этого свободного чувства, реабилитация, оправдание «плоти» в противоположность ее принижению христианской религией и мещанской моралью, перестройка семьи на основах нового, социалистического быта — вот главное содержание этой критики.

Когда учения великих утопистов проникли в рабочую среду, пролетарии с своей стороны занялись обсуждением вопроса о браке и семье. Я сейчас перейду к изложению тех взглядов, которые Маркс и Энгельс защищали, после того как они вступили в контакт с пролетарской средой, но сначала хочу с вами проследить развитие взглядов Маркса и Энгельса в их «до-социалистический период».

Дело в том, что Маркс, как и Энгельс, ставший коммунистом несколько раньше, подвергся, вместе со всей немецкой интеллигенцией, влиянию некоторых идей утопистов еще в тот период своего развития, когда он был только политическим демократом. Передовые люди Германии, в особенности представители так называемой «Молодой Германии», уже во второй половине 30-х годов (XIX столетия) испытали на себе сильное влияние сен-симонистских учений об эмансипации женщины. Кто знаком с русской литературой 40-х годов, тот знает, какое влияние эти учения имели на лучших представителей нашей свободомыслящей

интеллигенции еще до того, как они стали более или менее последовательными социалистами. Не только русские младогегельянцы, но и немецкие, не могли согласиться с своим учителем, что мужчина имеет свою особенную, именно ему присущую, сферу деятельности — государственную, научную и т. д., что призвание женщины заключается в культе семьи, что брак есть один из абсолютных принципов, на которых покоится вся общественная жизнь.

В одной из своих ранних статей («Ландшафты», июль 1840 г.) двадцатилетний Энгельс пишет, что «не далека уже пора, когда женские сердца начнут биться за идеалы современности так же горячо, как они бьются за набожную веру отцов», что «лишь тогда наступит победа нового, когда молодое поколение станет его впитывать вместе с молоком матери».

Марксу, в качестве сотрудника, а после и редактора «Рейнской Газеты», пришлось высказаться о браке два раза: сначала в полемике против исторической школы права, затем — в связи с законопроектом о разводе.

«Школа, узаконяющая подлость сегодняшнего дня подлостью вчерашнего, школа, об'являющая мятежным всякий крик крепостных против кнута, если только этот кнут — старый и прирожденный исторический кнут, школа, которой история показывает, как бог Израиля своему слуге Моисею, только свою заднюю», историческая школа права, в лице ее творца Гуго, призывала подчиниться существующему только потому, что оно существует. Маркс разбирает по пунктам взгляды Гуго, который «находил все разумное и нравственное в учреждениях сомнительных с точки зрения разума» — рабстве, абсолютизме — и, наоборот, говорил, что «в браке и в других нравственно-правовых институтах нет разума».

Только недавно мы узнали, что из этой статьи цензура выбросила целую главу, а именно главу о браке. Благодаря любезности одного немецкого ученого [1]), которому удалось достать рукопись, сохранившуюся у какого-то коллекционера, мы получили эту вышущенную главу.

Гуго находит, что брак очень часто признавали более разумным учреждением, чем это оказывается при внимательном рассмотрении. «Правда, — прибавляет Маркс, — господину Гуго нравится, что в браке удовлетворяется половое влечение». Почтенный профессор находит даже, что этот факт лучше всего показывает, как неправильно утверждать, вместе с Кантом, что нельзя использовать тело человека как средство для достижения цели. «Но освящение полового влечения его исключительностью, — замечает Маркс, — связывание влечения законодательными нормами, *нравственная красота*, претворяющая веление природы в момент духовного единения, *духовная сущность* брака, — все это вызывает у господина Гуго большие опасения». Чтобы лучше характеризовать «фривольное бесстыдство» почтенного профессора, Маркс приводит следующую цитату:

«Еще более рискованным является второе условие, что вне брака удовлетворение полового влечения не дозволяется. Животная природа человека — против такого ограничения. Его разумная природа протестует еще сильнее потому... угадайте!.. потому, что человек должен был бы быть *почти всеведущим*, чтобы предвидеть, к какому результату это приведет, потому что это значит

[1]) Профессора Гансена.

искушать бога, если берут на себя обязанность удовлетворять одну из сильнейших естественных потребностей только тогда, когда это можно сделать лишь с определенной другой личностью».

Оказывается, что историческая школа права, несмотря на свою глубокую старость, сходится в своих высказываниях с некоторыми очень молодыми комсомольцами, противниками «штампованной чести супругов и супруг». Если основоположник исторической школы права замечал только «животную» сторону человеческих отношений, созерцал только «заднюю» исторического процесса, то современные Тиртеи, ведущие «на приступ за право на любовь полки сердец и глаз», все время болтая, в простой или рифмованной прозе, о пролетарской культуре, ь действительности созерцают только «заднюю» пролетариата.

Даже с точки зрения гражданского порядка брак, по мнению Гуго, представляет неудобства. Он налагает на полицию нравов неразрешимую задачу. Вообще, это — весьма несовершенное учреждение. Вопрос о многобрачии или единобрачии определяется животной природой человека. «Посмотрите, — заканчивает Маркс, — в какой школе обучается немецкая молодежь!»

В статье «Проект закона о разводе» [1]) Маркс вскрывает все недостатки и противоречия прусского законопроекта, который был составлен в июле 1842 г. Между прочим он указывает, что брак рассматривается законодательством не как нравственный, а как религиозный и церковный институт, что, следовательно, мирская сущность брака игнорировалась. Если законодательство не может декретировать нравственности, то оно еще меньше может юридически санкционировать безнравственность. Если бы брак не был основой семьи, то он в такой же малой степени являлся бы предметом законодательства, как, например, дружба. Никто не принуждается к заключению брака, но всякий должен подчиняться законам брака, раз он вступил в брак. Всякий, кто заключает брак, не творит, не изобретает брака, он так же мало творит и изобретает брак, как плавающий — природу и законы воды и тяжести. Брак поэтому не может подчиняться его произволу, а, наоборот, его произвол должен быть подчинен браку.

Но является ли брак нерасторжимым, обязаны ли супруги быть «верными друг другу до гроба», допустим ли развод? Ссылка на Гегеля, по мнению Маркса, не выдерживает критики.

Гегель говорит: в себе, в понятии, брак нерасторжим, но только в себе, т.-е. только в понятии. Этим, однако, не указывается что-либо специфическое, отличающее только брак. Все нравственные отношения нерасторжимы по своему понятию, как легко убедиться, если предположить их истинность. Истинный государственный союз, истинный брак, истинная дружба нерасторжимы, но никакое государство, никакой брак, никакая дружба не соответствуют вполне своему понятию, и как реальная дружба даже в семье, как реальное государство в мировой истории, так и реальный брак в государстве расторжим.

Развод есть только констатирование: данный брак есть мертвый брак, существование его есть только видимость и обман. Само собою разумеется, что

[1]) «Рейнская Газета», 19 декабря 1842 г. Напечатана мною впервые в издании сочинений Маркса и Энгельса. Мерингу она осталась неизвестной.

ни произвол законодателя, ни произвол частных лиц, а только существо дела решает каждый раз, умер ли брак, или нет, ибо судебное признание факта смерти, как известно, зависит от сущности дела, а не от желания заинтересованных сторон.

Уверенность в том, что предпосылки, при которых существование какого-нибудь нравственного отношения не соответствует более своему назначению, констатируются правильно, без предвзятых мнений и в соответствии как с выводами науки, так и с общим правосознанием, — эта уверенность, конечно, будет только тогда существовать, когда закон явится сознательным выражением народной воли, следовательно с ней и через нее будет получать жизнь.

Законодатель может в отношении брака только установить, при каких условиях он является по существу своему уже расторгнутым. Судебное расторжение может быть только протоколированием внутреннего распада.

III

Мне могут сказать, что эти взгляды Маркса высказывались им, когда он еще не был коммунистом и когда он несомненно еще не был «марксистом». Правда, последняя статья писана Марксом, когда он уже покидал точку зрения буржуазной демократии, чтобы стать на точку зрения пролетарской. Перейдем теперь к изложению его взглядов, как они начали развиваться после того, как он, в своей статье «К критике гегелевской философии права», впервые формулировал историческую миссию пролетариата: уничтожение классового характера общества, полное освобождение человечества от всяких оков, налагаемых на его развитие частной собственностью, установление коммунистического строя.

Но, вырабатывая принципы научного коммунизма, Маркс вынужден был сначала подвергнуть критике учение представителей того коммунизма, который он называет «грубым и нецивилизованным» и даже реакционным. Восставая против частной собственности, эти коммунисты не столько уничтожали частную собственность, сколько превращали ее во всеобщую частную собственность. Их коммунизм являлся обобщением частной собственности. В «Коммунистическом манифесте» мы имеем только итоги этой критики. Мне посчастливилось, однако, найти рукопись Маркса, в которой он подвергает критике этот «грубый» «сырой» коммунизм не только в отношении его к частной собственности вообще, но и к браку. Я заранее прошу извинения за длинную цитату [1]).

«Рассматривая частную собственность в ее всеобщности, коммунизм является в своей первой форме только обобщением и завершением ее. В качестве этого завершения он имеет двоякий вид: с одной стороны, он так переоценивает роль и господство вещественной собственности, что он хочет уничтожить все, что не может стать достоянием и частной собственностью всех; он хочет насильственным образом устранить таланты и т. д. Непосредственное физическое обладание является в его гла-

[1]) Новая рукопись Маркса будет напечатана в третьей книге «Архива К. Маркса и Ф. Энгельса».

зах единственной целью жизни, форма деятельности рабочего здесь не уничтожается, а распространяется на всех людей.

«Отношение частной собственности сохраняется и в отношении коллективности к миру вещей. Наконец, это движение, стремящееся противопоставить частной собственности всеобщую частную собственность, выражается в совершенно животной форме, когда оно противопоставляет браку (являющемуся, конечно, известной формой исключительной частной собственности) общность женщин, когда, следовательно, женщина становится у него общественной и низкой собственностью. Можно сказать, что в этой идее об общности женщин высказана тайна этой, еще совершенно грубой и бессмысленной, формы коммунизма. Подобно тому как женщина покидает брак для царства всеобщей проституции, так и весь мир богатства, т.-е. предметной сущности человека, переходит из состояния исключительного брака с частным собственником ко всеобщей проституции с коллективностью. Проституция есть лишь особенное выражение всеобщей проституции рабочего, и так как проституция захватывает не только проституируемого, но и проституирующего (низость которого еще больше), то в эту категорию попадает и капиталист и т. д. Этот коммунизм, отрицающий повсюду личность человека, есть лишь последовательное выражение частной собственности, являющейся этим отрицанием.

«В отношении к женщине, как к добыче и об'екту, служащему для удовлетворения общественной похоти, выражено бесконечное вырождение человека, когда он существует сам для себя, ибо тайна отношения между человеком и человеком находит свое недвусмысленное, решительное, открытое, явное выражение в отношении между мужчиной и женщиной и в подходе к этому естественному, непосредственному родовому отношению. Непосредственное, естественное, необходимое отношение человека к человеку, это — отношение мужчины к женщине. В этом естественном родовом отношении отношение человека к природе есть непосредственным образом его отношение к человеку, подобно тому как его отношение к человеку есть непосредственным образом его отношение к природе, его собственное природное свойство. Следовательно, в этом отношении проявляется в чувственном, наглядно фактическом виде то, насколько стала для человека природой человеческая сущность или насколько природа стала человеческой сущностью человека. Поэтому на основании этого отношения можно вообще судить о степени развития человека. Из характера этого отношения видно, насколько человек стал родовым существом, стал человеком, до какой степени он это понимает. Отношение мужчины к женщине есть естественнейшее отношение человека к человеку. Следовательно, в нем обнаруживается, насколько естественное поведение человека стало человеческим или насколько человеческая сущность стала для него естественной сущностью, насколько его человеческая природа стала для него природой. В этом отношении обнаруживается также, насколько потребность человека стала человеческой потребностью, т.-е. насколько другой человек стал для него, как человек, потребностью; в нем обнаруживается, насколько человек в своем индивидуальном бытии является в то же время общественным существом. Таким образом, первая положительная форма уничтожения частной собственности, грубый коммунизм, есть лишь форма проявления низости частной собственности, желающей утвердить себя как положительная общественность».

Многие коммунисты и до сих пор не понимают, что их якобы весьма радикальные рассуждения о многобрачии представляют только отражение этого «грубого коммунизма», который механически переносил на будущее общество многие представления и понятия, создавшиеся в обществе, основанном на частной собственности.

«Частная собственность, — пишет Маркс, — сделала нас столь тупыми и односторонними, что какой-нибудь предмет является *нашим* лишь тогда, когда мы им обладаем, когда мы им непосредственно владеем, едим его, пьем, носим на своем теле, живем в нем и т. д., когда мы, говоря коротко, потребляем его... Поэтому на место *всех* физических и духовных чувств стало простое отчуждение *всех* этих чувств, чувство *обладания*. До такой вот абсолютной нищеты должна была быть доведена человеческая сущность, чтобы она могла породить из себя свое внутреннее богатство».

С точки зрения теории, которая об'являет человека высшим существом для человека, которая доказывает необходимость уничтожения всех общественных условий, принижающих и унижающих человека, превращающих его в предмет унижения, эксплоатации, удовлетворения чужих потребностей, — с точки зрения этой теории всякая попытка приравнять такую естественную потребность, как потребность в пище, к такой естественной потребности, как половое влечение, свидетельствует только о крайне низком культурном уровне. Предмет удовлетворения первой потребности только об'ект, предмет удовлетворения второй — человек, существо действующее и страдающее, существо общественное.

Но и самые потребности в процессе человеческой истории, в процессе превращения человека из животного в человека, все больше и больше очеловечиваются. «Не только обычные пять чувств, но и так называемые духовные чувства, практические чувства (воля, любовь и т. д.), одним словом *человеческий* смысл, *человечность* чувств возникают только благодаря бытию их предмета, благодаря *очеловеченной* природе. Развитие пяти чувств, это — продукт всей всемирной истории. *Чувства*, находящиеся в плену грубой практической потребности, обладают только *ограниченным* смыслом. Для изголодавшегося человека не существует человеческой формы пищи, а существует только ее отвлеченное бытие как пищи: она могла бы с таким же успехом иметь самую грубую форму, и невозможно сказать, чем отличается этот способ удовлетворения потребности в пище от животного способа удовлетворения ее».

Точно так же половое влечение переживает, в процессе всемирной истории, ряд метаморфоз от животного способа удовлетворения его до «величайшего нравственного прогресса», достигнутого, по словам Энгельса, человечеством: современной индивидуальной половой любви.

IV

Я уже сказал, что Маркс и Энгельс очень рано испытали на себе влияние идей сен-симонизма — по вопросу о женской эмансипации — в той форме, какую эти идеи нашли в литературе «Молодой Германии». Только что мы видели, что Маркс в 1844 г., стараясь уяснить себе основные принципы коммунизма, подвергает критике взгляды «грубого» коммунизма.

Кто же являлся выразителем этих взглядов, в какой среде пропагандировались эти взгляды? Ответ мы находим в другом сочинении Маркса и Энгельса — в «Святом семействе», в котором они окончательно сосчитались со старой идеалистической философией. В главе о французском материализме, в которой Маркс показывает, как учения этого материализма приводили непосредственно к социализму и коммунизму, он называет бабувистов — последователей Бабёфа, бабувизма, тогда самого популярного учения среди революционных рабочих организаций, — «грубыми (сырыми, неотесанными), нецивилизованными материалистами». В своей критике буржуазной семьи и брака они зачастую ударялись в противоположную крайность. Гораздо выше Маркс ставил «мастерскую характеристику брака», данную в сочинениях Фурье и Оуэна, в особенности первого. Именно взгляды Фурье он противопоставляет пошлой филантропии когда-то популярного французского романиста, Евгения Сю, герой которого, принц Рудольф, по словам Маркса, не понимает, что «все положение женщины в современном обществе обесчеловечивает ее». В приводимых Марксом цитатах из Фурье, мы уже находим мысли, которые после встретим в «Манифесте».

«Нарушение супружеской верности, обольщение девушки приносят соблазнителю честь, считаются хорошим тоном. Но бедная девушка! Действительно, какое преступление! Если она дорожит своею честью, она должна уничтожить следы своего бесчестия, а если она жертвует своим ребенком во имя предрассудков этого мира, то она подвергается еще большему позору и делается жертвой предрассудков закона. Вот порочный круг, который описывается механизмом цивилизации.

«Точно так же, как в грамматике два отрицания составляют утверждение, так и в брачной сделке две проституции составляют добродетель... Развитие данной исторической эпохи лучше всего определяется отношением между прогрессом женщины и свободой, так как в отношениях между женщиной и мужчиной, слабым и сильным, наиболее отчетливо выявляется победа человеческой природы над зверством. Степень женской эмансипации представляет естественное мерило всеобщей эмансипации... Унижение женского пола есть существенная отличительная черта как цивилизации, так и варварства, с тем только различием, что порок, который практикуется варварством без всяких прикрас, цивилизация поднимает на степень сложного, двусмысленного, непристойного, лицемерного бытия... Никого не унижает более глубоко такое преступление, как содержание женщины в рабстве, чем самого мужчину».

В книге «Положение рабочего класса в Англии», написанной тоже зимой 1844—1845 г., Энгельс рисует картину рабочей семьи. Он указывает на половую распущенность как на один из главных пороков там, где рабочий еще не стал сознательным членом революционной армии труда и пребывает в покорности буржуазному общественному порядку.

«Когда люди поставлены в положение, могущее удовлетворять только животное, им остается лишь возмущаться или самим превращаться в животных. И буржуазия меньше, чем кто-либо другой, имеет право упрекать рабочих за половую распущенность, потому что она сама содействует росту проституции». Условия, в которые буржуазное общество ставит рабочих, делают, по мнению Энгельса, невозможной «нормальную семейную жизнь».

Весною 1845 г. Маркс и Энгельс встретились в Брюсселе. Маркс успел к этому времени сделать шаг дальше в развитии своего мировоззрения. Он уже не довольствуется «созерцательным» материализмом Фейербаха. «Философы лишь различным образом о б ' я с н я л и мир, но дело заключается в том, чтобы и з м е н и т ь его». Бытие определяет сознание, однако, это бытие не только е с т е с т в е н н о е бытие, природа, но и о б щ е с т в е н н о е бытие. Человек — не есть только нечто п р и р о д н о е, в еще большей степени он является результатом, с о в о к у п н о с т ь ю о б щ е с т в е н н ы х о т н о ш е н и й. Природа влияет на человека, но и последний, в свою очередь, влияет на природу, изменяет ее. «Материалистическое учение об изменении обстоятельств и воспитании забывает, что обстоятельства изменяются людьми и что воспитатель сам должен быть воспитан». А такое «совпадение изменения обстоятельств и человеческой деятельности, или самоизменение, может быть постигнуто и рационально понято только как р е в о л ю ц и о н н а я п р а к т и к а».

Маркс и Энгельс окончательно приходят к выводу, что каждый, стремящийся к господству класс, — если даже его господство означает, как в случае с пролетариатом, уничтожение всего старого общественного строя и господства, — должен прежде всего завоевать себе политическую власть, чтобы преобразовать общество «по своему образу и подобию». Коммунистическое сознание может развиваться только тогда, когда люди становятся в определенные условия, когда их практика изменяет их в определенном направлении, а это возможно только путем революции. Эта революция «необходима не только потому, что нельзя никаким иным способом свергнуть г о с п о д с т в у ю щ и й класс, но и потому, что с в е р г а ю щ и й класс может только в революции очиститься от всей грязи старого общества и стать способным создать новое общество». Другими словами, сам пролетариат, в процессе гражданской войны и революции, должен очиститься от всей скверны старого буржуазного общества, освободиться от всех следов идеологии, развившейся на основе частной собственности, от старых взглядов на религию, мораль, семью, брак и т. д., должен, одним словом, и сам «быть воспитан».

Свои новые взгляды Маркс и Энгельс развили подробно в большой работе, в которой подвергли обстоятельной и беспощадной критике самые радикальные учения немецкой интеллигенции, в том числе и Макса Штирнера. В его книге «Единственный и его собственность» дается самое последовательное изложение философского анархизма, но несмотря на весьма радикальную фразеологию — не уступающую по своему радикализму фразам наших певцов «права на любовь» — Штирнер, как уже показывает и самое заглавие его книги, остается идеологом мещанского индивидуализма.

Маркс и Энгельс в своей критике касаются и взглядов Штирнера на брак и семью.

«Добрый малый, — пишут они, — опять видит господство святого там, где господствуют чисто эмпирические отношения. Буржуа относится к учреждениям своего общества, как еврей к закону: он обходит их, насколько возможно, в каждом отдельном случае, но хочет, чтобы все остальные повиновались им. Если бы все буржуа в массе сразу обошли все законы буржуазии, то они перестали бы быть буржуа, — что, конечно, не приходит им в голову и нисколько не зависит от их желания. Развратный буржуа обходит брак и тайно занимается прелюбодеянием;

купец обходит институт собственности других при помощи спекуляции, банкротств и т. д.; молодой буржуа добивается независимости от собственной семьи, практически разлагает семью в свою пользу; но брак, частная собственность, семья остаются теоретически неприкосновенными, ибо они представляют практическую основу, на которой буржуазия воздвигла свое господство, ибо в своей буржуазной форме они — условия, которые делают буржуа буржуем точно так же, как всегда обойденный закон делает религиозного еврея религиозным евреем. Это отношение буржуа к своим условиям существования находит общее выражение в буржуазной нравственности. Вообще нельзя говорить о семье к а к т а к о в о й. Буржуа исторически придает семье характер буржуазной семьи, в которой связующим элементом являются скука и деньги с которой также связано буржуазное разложение семьи, при котором сама семья продолжает существовать. Ее грязному существованию соответствует ее священное понятие в официальной фразеологии и в всеобщем лицемерии. Там, где семья д е й с т в и т е л ь н о разложена, как это мы видим у пролетариата, понятие семьи не существует вовсе, в то время как все же встречаются наклонности к семейной жизни, опирающиеся на очень реальные отношения. В XVIII веке философы разложили понятие семьи, потому что действительная семья на высших ступенях цивилизации начала разлагаться. Разрушена была внутренняя связь семьи, отдельные части, составляющие понятие семьи, как-то: повиновение, благочестие, супружеская верность и т. д. Но действительное тело семьи, имущественное отношение, исключительное отношение к другим семьям, принудительное сожительство, отношения, созданные наличностью детей, устройством современных городов, накоплением капитала и т. д., — все это осталось, потому что существование семьи сделалось неизбежным благодаря ее связи с независимым от воли буржуазного общества способом производства. Характерным образом эта необходимость проявляется во время французской революции, когда семья, повидимому, была уничтожена законом. Семья продолжает существовать и в XIX веке, с той только разницей, что разложение ее стало всеобщим в силу более развитой промышленности и конкуренции; она продолжает существовать, несмотря на то, что французские и английские социалисты проповедывали ее разрушение еще задолго до французской революции».

V

Если до 1846 г. деятельность Маркса и Энгельса проходила главным образом в среде буржуазной интеллигенции, лучших представителей которой они старались привлечь на свою сторону, то, начиная с весны 1846 г., они посвящают свои силы организационной работе в среде рабочего класса. Маркс и Энгельс завязывают сношения с многочисленными рабочими группами в Германии, Франции и Англии и в то же время принимают деятельное участие в горячих программных дискуссиях, которые происходили в рабочих кружках. В результате такой двухлетней организационной и пропагандистской работы Марксу и Энгельсу удалось об'единить все эти кружки в «Союз коммунистов». Составление программы союза было поручено Марксу.

Основные пункты этой программы рассматривались предварительно в отдельных кружках. Сохранились некоторые протоколы лондонского кружка, так

называемого «Немецкого рабочего общества самообразования». Из них видно, что дискуссия велась вокруг целого ряда формулированных в виде катехизиса вопросов. Среди них имеются два вопроса, относящихся к браку и семье. На вопрос (девятнадцатый): Как вы организуете в переходную эпоху воспитание детей? — следует ответ: «Все дети, начиная с того времени, когда они могут обходиться без материнского ухода, будут воспитываться и учиться в государственных учреждениях».

Вопрос двадцатый гласит: Будет ли вместе с уничтожением частной собственности провозглашена общность жен?

Ответ, принятый лондонской группой, гласит:

«Ни в каком случае. Мы будем вмешиваться в частные отношения между мужчиной и женщиной лишь постольку, поскольку они будут нарушать новый общественный строй. Мы очень хорошо знаем, что семейные отношения в ходе истории подвергались изменениям в зависимости от фаз собственности и развития и что поэтому и уничтожение частной собственности окажет на них самое решительное влияние».

Несомненно, что этот вопросник был в руках Энгельса, когда он писал вам всем известную брошюру «Принципы коммунизма». Мы находим в ней двадцать первый вопрос: Какое влияние окажет коммунистический строй на семью?

Как же отвечает Энгельс на этот вопрос?

«Отношения полов станут частным делом, которое будет касаться только заинтересованных лиц и в которое общество не может вмешиваться. Это возможно благодаря устранению частной собственности и воспитанию детей на общественные средства, вследствие чего обе основы современного брака уничтожаются, а именно зависимость жены от мужа и детей от родителей, возникающие вследствие частной собственности. В этом и заключается ответ на вопль высоко-моральных мещан по поводу коммунистического многоженства. Многоженство представляет собою явление, целиком принадлежащее буржуазному обществу и вполне осуществляемое в настоящее время посредством проституции. Но проституция основана на частной собственности и должна исчезнуть вместе с ней. Следовательно, коммунистическая организация не введет многоженства, а, наоборот, уничтожит его».

Написанный Энгельсом проект коммунистического катехизиса не был опубликован. По его же предложению форма катехизиса была отброшена, и программа союза была составлена в форме манифеста. Он был написан Марксом, который местами использовал проект Энгельса. Так как в «Коммунистическом манифесте» взгляды Маркса и Энгельса на брак и семью в буржуазном и будущем обществе нашли наиболее яркое выражение, то я позволю себе привести почти целиком весь соответствующий параграф.

«Уничтожение семьи! Даже самые крайние радикалы возмущаются этим гнусным намерением коммунистов.

«На чем держится современная буржуазная семья? На капитале, на частной наживе. В совершенно развитом виде она существует только для буржуазии, но она находит свое дополнение в вынужденной бессемейности пролетариев и в открытой проституции. Буржуазная семья, естественно, должна будет пасть вместе с падением этого ее дополнения, а обе они вместе исчезнут с исчезновением капи-

тала. Буржуазные разглагольствования о семье и о воспитании, о задушевных отношениях родителей к детям внушают тем более отвращение, чем более разрушаются все семейные связи в среде пролетариата, благодаря крупной промышленности, и чем более дети рабочих превращаются в простые предметы торговли и рабочие инструменты.

«Но вы, коммунисты, хотите ввести общность жен! — кричит нам хором вся буржуазия. — Буржуа смотрит на свою жену, как на простое орудие производства. Он слышит, что орудия производства должны быть предоставлены в общее пользование и, естественно, приходит к тому заключению, что и женщины подвергнутся той же участи. Он и не подозревает, что речь идет об устранении того положения женщины, в котором она является простым орудием производства. Впрочем, нет ничего смешнее высоконравственного ужаса наших буржуа по поводу воображаемой официальной общности жен коммунистов. Коммунистам не нужно вводить общность жен, она почти всегда существовала. Не довольствуясь тем, что в их распоряжении находятся жены и дочери пролетариев, не говоря уже об официальной проституции, наши буржуа находят особенное наслаждение в том, чтобы соблазнять жен друг у друга. — В действительности буржуазный брак является общностью жен. Коммунистов можно было бы упрекнуть разве лишь в том, что они хотят поставить официальную, открытую общность жен на место лицемерно скрываемой. Но само собой разумеется, что с уничтожением современных условий производства исчезнет и создаваемая ими общность жен, т.-е. официальная и неофициальная проституция».

Мы видим, что и там, где Маркс использует проект Энгельса, он придает его аргументации более заостренный характер. Полемизируя против идеологов буржуазии, он не повторяет своей критики «грубого, нецивилизованного» коммунизма, но и в «Манифесте» он резко подчеркивает основное отличие коммунистического строя, поскольку речь идет о женщине: только этот строй создаст условия, при которых женщина перестанет быть простым орудием производства и наслаждения, при которых исчезнет всякая «официальная и неофициальная проституция»

Программа, изложенная в «Коммунистическом манифесте», легла в основу программы и нашей коммунистической партии. Ни у Маркса, ни у Энгельса, несмотря на некоторые индивидуальные различия, которые, однако, значительно сгладились в процессе совместной работы, вы не найдете никаких оснований для того, чтобы в лето 1926-е ставить вопрос: совместимы ли с отношениями социалистического общества беспорядочное половое общение или «половой коммунизм»? Такой вопрос свидетельствует, что его авторы стоят еще на точке зрения «грубого, нецивилизованного», некультурного коммунизма, который наивно думает, что он стоит выше буржуа, декламирующего против «социализации женщин», если он «безоговорочно» высказывается за «половой коммунизм» и его различные разновидности. Всякое многоженство или многомужество свидетельствует о низком культурном уровне его об'ектов и суб'ектов. В более распространенной форме многоженства или «двубрачия» (трехбрачия) оно указывает только на все еще продолжающееся господство «чистогана», хотя бы и в более прикрашенной форме, на «добровольное» превращение женщины в «курицу», на лицемерие во взаимоотношениях между «мужем» и «женой», не менее отвратительное, чем «двусмысленное, непристойное, лицемерное бытие» многобрачной буржуазной семьи.

Нет ничего смешнее наших глупеньких певцов «права на любовь», когда они в своем поэтическом или политическом экстазе воображают, что они «поют» какие-нибудь новые песни. Маркс и Энгельс имели уже пред собой — а Энгельс даже принимал в нем непосредственное участие — опыт «Союза вольных», о котором Бакунин в «Государственности и анархии» пишет, что члены этого «первого кружка немецких нигилистов циничской последовательностью своей далеко превзошли самых ярых нигилистов России».

Марксу и Энгельсу хорошо были известны все крайности, в которые впали некоторые сен-симонисты, тоже выдвинувшие теорию «постоянных», которые созданы для единобрачия, и «непостоянных», которые могут помириться только с «скоротечным» браком. Они прекрасно понимали, что это интеллигентское увлечение крылатым Эросом явилось естественной, хотя и мало привлекательной, реакцией против существующего буржуазного брака со всеми его путами и ограничениями. Но они не менее прекрасно понимали, что развитие культуры, победа человечности над зверством, приведет к созданию новых форм полового общения, предполагающих всестороннее развитие не только мужчины, но и женщины, и исключающих всякий элемент животности или проституции.

VI

Когда я слушаю или читаю некоторых наших горе-коммунистов, то я, каюсь, слышу вещи, от которых, простите за грубое выражение, нас тошнило уже сорок лет назад. И в наших старых кружках встречались теоретики «скоротечных браков», которые с презрением говорили о «штампованной чести супругов и супруг», а в действительности стояли на таком же низком культурном уровне, что и сладострастные павианы из дворянской или буржуазной среды или те выходцы из рабочего класса, которых рабочие метко называют «фабричными быками». Правда, тогда эти «радикальные» и уже, конечно, не филистерские теории не преподносились ни в марксистском, ни в коммунистическом облачении.

Но — скажете вы наверное — Маркс и Энгельс ведь не остановились на той стадии развития, которой они достигли в «Коммунистическом манифесте»? Совершенно верно. После революции 1848 г. Маркс опять приступает к детальному изучению процесса развития буржуазного общества, к исследованию законов развития капиталистического строя, к повторному анализу всех условий, которые определяют положение рабочего класса в эпоху господства капитала. Нельзя было, конечно, пройти мимо такого вопроса, как вопрос о семье и браке. Ведь одним из наиболее характерных отличий крупно-промышленной фазы развития капитализма является именно все более вырастающее применение женского и детского труда.

Действительно, Маркс в начале 50-х годов опять принимается за изучение «женского вопроса». В отличие от современных коммунистов, которые предпочитают полное разделение труда между мужским и женским полом даже в партийной организации, — женотдел ведает только «женским» вопросом, а мужотдел занят только «мужским», — Маркс и Энгельс посвятили не мало времени изучению «женского» вопроса. Так, в бумагах Маркса я нашел несколько тетрадей (лето 1852 года), в которых имеются систематические выписки из книг по истории женщины и семьи в различные эпохи. Маркс уже тогда пришел к выводу, что формы семьи,

которые мы на протяжении истории встречаем у различных народов, представляют в сущности различные фазы ее развития, нашедшие себе только более типичную форму у того или иного народа. Этот вывод был формулирован Марксом в первом томе «Капитала».

Но Марксу пришлось высказаться по женскому вопросу несколько раньше, в связи с дискуссией, завязавшейся в различных секциях Первого Интернационала. Французские прудонисты, вслед за своим учителем, защищали в этом пункте очень реакционные взгляды. По их мнению, сферой деятельности женщины должен был служить домашний очаг. В развитии женского труда они видели фактор, разлагающий семью, отвлекающий женщину от домашнего хозяйства.

По предложению Генерального совета первый (Женевский) конгресс Первого Интернационала (сентябрь 1866 г.) принял резолюцию, написанную Марксом. В ней между прочим сказано:

«Конгресс рассматривает тенденцию современной промышленности — привлекать к сотрудничеству, в великом деле общественного производства, детей и подростков о б о е г о п о л а, — как тенденцию прогрессивную, здоровую и законную, хотя при господстве капитала она превращается в ужасное зло. В рационально устроенном обществе всякий ребенок, начиная с девяти лет, должен быть производительным работником точно так же, как ни один физически здоровый взрослый человек не может быть освобожден от подчинения общему закону природы: работать, чтобы иметь возможность есть, и работать не только умственно, но и физически».

В первом томе «Капитала» мы находим более подробное обоснование этого взгляда. Маркс показывает, как развитие капитализма подкапывает все основы старой семьи и радикально изменяет отношения не только между мужем и женой, но и между родителями и детьми.

«Как только фабричное законодательство приступает к регулированию так называемого домашнего труда, на него начинают смотреть как на прямое вторжение в patria potestas, или, говоря современным языком, в сферу родительской власти, шаг, который долго не решался сделать мягкосердый парламент, оттоваривая лицемерными фразами. Однако сила фактов принудила, наконец, признать, что крупная промышленность, вместе с экономической основой прежнего семейного уклада и соответствующего ему семейного труда, разрушает и прежние семейные отношения. Пришлось провозгласить права детей».

Но крупная промышленность не только разрушает старую семью, — она в то же время создает элементы для развития новой.

«Как бы ужасно и отвратительно ни казалось разрушение старых семейных отношений при капиталистической системе, тем не менее крупная промышленность, силою той положительной роли, какую она дает женщинам, несовершеннолетним и детям обоего пола в общественно организованных процессах производства, вне домашней сферы, создает новое экономическое основание для высших форм семьи и отношений обоих полов. Разумеется, столь же нелепо считать христианско-германскую форму семьи абсолютною, как и древне-римскую, древне-греческую или восточную, которые, впрочем, все вместе взятые, образуют собою ряд поступательных форм развития. Настолько же ясно, что состав коллективного рабочего персонала из лиц обоего пола и самых различных возрастов, при соответственных обстоятельствах, должен обратиться в источник человеческого развития, — хотя его гру-

бая капиталистическая форма, где рабочий существует для процесса производства, а не процесс производства — для рабочего, есть источник нравственной порчи и рабства».

Необходимо отметить, что Маркс неоднократно подчеркивает в первом томе «Капитала», что «в самом начале человеческой культуры только семейства, роды и т. д. выступают самостоятельно по отношению друг к другу, но не отдельные частные лица». Но он стоял тогда еще на той точке зрения, — он повторил ее и во втором издании в 1872 г., — что первичной формой является семья, из которой лишь позже развивается более обширная группа — р о д. Но после Маркс отказался от этого взгляда. Как указывает Энгельс в примечании к третьему изданию «Капитала», «позднейшие, весьма основательные занятия по изучению первобытных условий существования человека привели Маркса к заключению, что первоначально не семья развилась в род, а что, наоборот, первоначальной и стихийно возникшей формой человеческого общества был род, основанный на кровном родстве, так что лишь после того, как родовые связи стали ослабевать, начали развиваться многоразличные формы семьи».

На изменение взглядов Маркса повлиял новый труд Моргана, «Древнее общество», вышедший в 1877 г. В бумагах Маркса сохранилась огромная тетрадь с подробными выписками из книги Моргана. По словам Энгельса, его друг намеревался изложить результаты исследований Моргана в связи с данными материалистического понимания истории, но ему не суждено было выполнить это намерение. Работа была выполнена самим Энгельсом, который использовал не только сделанный Марксом конспект Моргана, но и старые тетради, о которых я уже говорил раньше. Таким образом, можно сказать, что книга Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» является до известной степени общей работой Маркса и Энгельса. Многие факты, приводимые последним, заимствованы из конспектов Маркса.

VII

Со времени выхода книги Моргана прошло уже почти пятьдесят лет; прошло уже тридцать пять лет и со времени выхода последнего издания книжки Энгельса. За этот период времени новые исследования в области доисторической жизни человечества внесли целый ряд дополнений и поправок к выводам Энгельса. Но если изображение исторической последовательности различных форм брака и семьи во многих частностях устарело, то основное положение, отрицающее старый взгляд на происхождение семьи, осталось непоколебленным. Остается еще и до сих пор непревзойденной набросанная рукой мастера картина семейных отношений, как они складываются в эпоху буржуазной цивилизации под влиянием господства частной собственности. Посмотрим же, какие взгляды на развитие брака и семьи защищает Энгельс, какие формы общения полов, по его мнению, больше всего соответствуют отношениям социалистического или коммунистического общества?

Прежде всего надо заметить, что Энгельс определенно считает единобрачие высшей формой общения полов, поскольку последнее основано не на животном чувстве, не на потребности спаривания, а на индивидуальной половой любви. Первоначальная форма общения полов, так называемое беспорядочное половое общение, существовала только на заре человеческой истории, когда первобытные человекообезьяны доработались из животного царства до человеческого состояния.

«Бахофен — пишет Энгельс — безусловно прав, когда настойчиво утверждает, что переход от так называемого им гетеризма к единобрачию совершился главным образом благодаря женщинам. Чем больше развивались экономические отношения, приводившие к разложению первобытного коммунизма и возрастанию плотности населения, чем больше унаследованные издревле отношения между полами утрачивали свой первобытно наивный характер, тем больше должны они были казаться женщинам унизительными и тягостными, тем настойчивее должны были женщины добиваться, как избавления, права на целомудрие, на временный или длительный брак лишь с одним мужчиной».

Проследив происхождение единобрачия у древних греков, Энгельс замечает, что «оно отнюдь не было плодом индивидуальной любви, с которой оно не имело абсолютно ничего общего, так как браки попрежнему оставались браками по расчету. Оно явилось первой формой семьи, в основе которой лежали не естественные, а экономические условия, а именно победа частной собственности над первоначальной первобытной общинной собственностью».

При своем появлении в истории единичный брак означает порабощение одного пола другим, женщины — мужчиной. И все же Энгельс считает его крупным историческим прогрессом. Только из моногамии развивается «величайший нравственный прогресс, которым мы ей обязаны: современная индивидуальная половая любовь, совершенно неизвестная всему древнему миру».

Я считаю лишним повторять теперь критику, которой Энгельс подвергает индивидуальную семью. «Освобождение женщины предполагает своим первым предварительным условием возвращение всего женского пола к общественному труду, а это требует в свою очередь, чтобы индивидуальная семья перестала быть основной хозяйственной ячейкой общества... Мы идем навстречу общественному перевороту, когда существовавшие до сих пор экономические основы моногамии столь же неминуемо исчезнут, как и ее дополнение — проституция».

Но если единобрачие обусловлено экономическими причинами, то не исчезнет ли оно само, как только исчезнут эти вызывавшие и поддерживавшие его существование экономические причины, не будет ли единобрачие с переходом в общественную собственность всех средств производства заменено другой формой общения полов, более соответствующей отношениям социалистического общества?

«Можно с полным правом ответить — пишет Энгельс, — что оно не только не исчезнет, но, скорее, впервые вполне осуществится. Ибо вместе с превращением средств производства в общественную собственность исчезнет также и наемный труд, пролетариат, а следовательно и необходимость для известного числа (статистически вычисляемого) женщин отдаваться за деньги. С исчезновением же проституции моногамия, вместо того чтобы прекратить свое существование, станет, наконец, действительностью также и для мужчин».

Женщины будут тогда освобождены от всех уз, налагаемых на них буржуазным обществом. Тирания «домашнего горшка» исчезнет. Женщина не будет прикована к домашнему очагу. Уход за детьми, воспитание их превратятся в общественное дело; исчезнет всякая разница в положении «брачных» и «внебрачных» детей. Но, может быть, именно это обстоятельство, хотя и в другой форме, приведет

к восстановлению старых форм общения полов, более соответствующих коммунистическому строю?

Энгельс тоже ставит этот вопрос. «Не явится ли это — пишет он — достаточной причиной для постепенного развития беспорядочных половых отношений, а вместе с тем и большей снисходительности общественного мнения по отношению к девической чести и женской стыдливости? И, наконец, разве мы не видели, что в современном мире моногамия и проституция хотя и являются противоречиями, но противоречиями неизбежными, полюсами одного и того же общественного порядка? Может ли исчезнуть проституция, не увлекая за собою в бездну и моногамию?»

И Энгельс категорически отвечает: нет. Я уже приводил его отзыв о современном личном чувстве любви, современной индивидуальной половой любви: он видит в ней «величайший нравственный прогресс». Именно в развитии этого фактора, который ко времени развития моногамии существовал только в зародыше, Энгельс видит гарантию против восстановления «беспорядочных» или «неупорядоченных» половых отношений. Он подкрепляет свой вывод очерком истории индивидуальной половой любви.

«До начала средних веков не может быть и речи об индивидуальной половой любви. Само собою понятно, что красота, близкие отношения, одинаковые склонности и т. п. пробуждали у людей различного пола стремление к половому общению, что, как для мужчин, так и для женщин, не было совершенно безразлично, с кем они вступали в эту самую интимную связь. Но от этого до половой любви нашего времени еще бесконечно далеко».

Чем же отличается современная половая любовь?

«Во-первых, она предполагает у любимого существа взаимную любовь; в этом смысле женщина оказывается равной мужчине, тогда как во времена древнего Эроса о склонности женщины отнюдь не всегда осведомлялись. Во-вторых, половая любовь знает такую степень интенсивности и продолжительности, при которой необладание и разлука представляются обеим сторонам большим, если не величайшим, несчастием; они готовы отдать многое, вплоть до самой жизни, лишь бы обладать друг другом, что в древности случалось самое большее при супружеской неверности. И, наконец, возникает новое нравственное мерило для оценки половой близости: теперь уже не спрашивают, в браке или не в браке происходит половая связь, а только устанавливается, порождена она любовью и ответной любовью или нет».

Энгельс дает дальше очерк развития индивидуальной половой любви в средние века и новое время. Он прослеживает, как под влиянием изменявшихся экономических условий изменялись и условия заключения браков, как медленно завоевывалась обеими сторонами свобода выбора.

«Полная свобода при заключении браков может быть, таким образом, вполне проведена только после того, как уничтожение капиталистического производства и созданных им отношений собственности устранит все побочные экономические соображения, оказывающие еще в настоящее время столь громадное влияние на выбор супруга. Тогда не останется уже другого мотива, кроме взаимной склонности».

Энгельс повторяет ту же самую мысль, которую развивал Маркс в своих ранних статьях. Процесс развития человечества выражается в неуклонном осво-

бождения от власти животного элемента, — не от власти природы, а от власти животного. Вся история человеческой культуры есть постепенное высвобождение из пут животного царства; она есть постепенное очеловечивание той самой природы, которая на заре истории еще целиком определяла человека. На место старого, природного, человека становится общественный человек, старое естественное родовое сознание заменяется все больше социальным сознанием. К природному неравенству человеческая история прибавляет различные формы социального неравенства. Капиталистическое общество создает все материальные и интеллектуальные предпосылки для уничтожения этого социального неравенства. Это проведение полного равенства не может, конечно, уничтожить тех естественных различий, которые существуют и будут существовать как результат физиологического разделения полов, но дальнейшее развитие культуры должно привести к тому, чтобы всякие препятствия, устанавливаемые обществом, экономикой, политикой и мешающие этому равенству, исчезли. Вспомним опять цитируемые Марксом и Энгельсом слова Фурье: «В отношениях между женщиной и мужчиной, слабым и сильным, наиболее отчетливо выявляется победа человеческой природы над зверством. Степень освобождения женщины представляет естественное мерило всеобщего освобождения». Только тогда, когда половая любовь освобождается от всех элементов животности и принуждения, открытого или прикрытого, когда она превращается, говоря словами Маркса, в один из моментов духовного единения, основанного на полном социальном и бытовом равенстве мужчины и женщины, — создаются все предпосылки для новой, более высокой формы моногамии.

«Так как половая любовь—пишет дальше Энгельс—по природе своей исключительна, хотя ныне эта исключительность осуществляется вполне только в лице женщины, то основанный на половой любви брак по природе своей должен быть единобрачием. Мы видели, насколько прав был Бахофен, усматривая в переходе от группового брака к индивидуальному браку преимущественно дело женщин; только переход от парного брака к моногамии следует приписать мужчинам. Исторически последний переход по существу сводился к ухудшению положения женщины и облегчению неверности мужчины. Поэтому, стоит только отпасть тем экономическим соображениям, в силу которых женщины мирились с этой обычной неверностью мужчин, — то были опасения за свое собственное существование, а еще более за будущность своих детей, — и достигнутое благодаря этому равноправие женщины, судя по всему прежнему опыту, будет в бесконечно более сильной степени содействовать тому, что мужчины станут действительно моногамны, чем тому, что женщины проявят стремление к полиандрии (многомужеству)».

VIII

Некоторые товарищи делали попытку сослаться на Ленина, но попытку весьма неудачную. В мою задачу не входит рассмотрение взглядов Ленина на брак и семью. Могу, однако, сказать, что Ленин целиком и полностью разделял изложенные мною взгляды Маркса и Энгельса. Когда он в 1903 г. издавал под своей редакцией русский перевод одной из лучших работ Каутского «Социальная революция», он счел нужным приложить к этой брошюре между прочим и последнюю главу второй части «Аграрного вопроса», другой работы Каутского, которую Ленин ставил весьма вы-

соко. Речь идет о «будущности собственного жилища». Каутский показывает, вслед за Марксом и Энгельсом, как экономическое развитие делает все более ненужным ведение собственного домашнего хозяйства, все больше и больше подкапывает хозяйственную основу семьи. Значит ли это, что исчезнет и сама семья? Нет. Для нее «есть уже новая, высшая основа — индивидуальность».

«В социалистическом обществе индивидуализм, т.-е. стремление к свободному развитию личности, должен приобрести еще несравненно больше силы и распространиться гораздо шире, нежели в обществе капиталистическом, по мере того как будут распространяться образование, благосостояние и досуг... Вместе с индивидуализмом вырастает и индивидуальная половая любовь, которая находит себе удовлетворение только в соединении и совместной жизни с одним, определенным индивидуумом другого пола... В социалистическом обществе, которое не знает этих крайностей (нужды и богатства) и все более и более отодвигает назад обособленное домашнее хозяйство, именно благодаря этому и разовьется вполне свободно личный характер брака и семьи. Этот личный характер и теперь уже в сознании всех служит моральным критерием для оценки семьи и брака... Следовательно, исчезновение частного домашнего хозяйства не означает уничтожения брака и семьи. С уничтожением собственного очага еще отнюдь не уничтожается собственное жилище. Современная культура знает другого рода семейные узы, помимо кухни и прачечной. Исчезновение частного домашнего хозяйства означает лишь превращение семьи из экономической единицы в чисто этическую, — оно означает осуществление того нравственного требования, которое созрело уже в настоящее время под влиянием развития индивидуализма, вызванного ростом современных производительных сил».

Наш язык недостаточно богат, чтобы эту новую форму единобрачия окрестить особым именем, но к этому индивидуальному браку, основанному только на нравственном начале, освобожденному от всех примесей чистогана и проституции как для мужчины, так и для женщины, и идет человеческое общество, по мере того как оно сбрасывает с себя путы частной собственности, по мере того как всякая разновидность зверства, животности все больше и больше уступает место человечности, по мере того, как стадность вытесняется индивидуальностью, — не той индивидуальностью, развитие которой в классовом обществе достигается за счет подавления индивидуальности эксплоатируемых классов, а той свободной, всесторонне развитой личностью, которая может развиваться только в обществе, где «свободное развитие каждого будет условием свободного развития всех».

Энгельс совершенно верно указывает, что инициатива в сокращении многобрачия исходила от женщины. Высшая форма единобрачия предполагает полную свободу развода, нравственную чистоту, безусловную честность, отсутствие лжи и лицемерия в отношениях мужчины и женщины. Она будет укрепляться все больше и больше по мере освобождения женщины от домашнего рабства, по мере освобождения мужчины от всяких следов зверства, по мере уничтожения женской и мужской проституции, пропорционально росту чувства самоуважения и чувства уважения к чужой личности.

Не всякое спаривание есть брак. Павиан сродни человеку, но человек не должен оставаться на ступени развития павиана. Повторяю то, что так прекрасно

развито у Маркса: от животных инстинктов, от тех животных чувств, которые развиваются в человеческих курятниках и в случных пунктах — от этих животных чувств человечество в своем развитии освобождается, должно освободиться и освободится. Оно не может, конечно, освободиться от законов природы. Но оно очеловечивает все свои животные потребности, оно подчиняет их разуму. Только нравственные кретины могут щеголять таким «материализмом», для которого удовлетворение потребности в пище и удовлетворение половой потребности едино суть. Об'ектом первой потребности является неодушевленный предмет, об'ектом второй — живое, наслаждающееся и страдающее существо. Половое влечение заложено в организме, на известной ступени физиологического развития оно является одним из главных условий полного расцвета физических и духовных сил. Но нужно, необходимо, чтобы удовлетворение этого влечения составляло только один из моментов взаимного общения, без которого человеческая жизнь не полна, без которого она ущербляется, но который никогда не возводится в венец человеческой жизни. Только развитая форма индивидуального брака, основанного на полном взаимном уважении и полном социальном равенстве двух различающихся физиологически личностей, говоря словами Маркса, «претворяет веление природы в один из моментов духовного единения».

В заключение я перехожу к вопросу, который является смычкой между этими общими теоретическими положениями и нашим законодательством о браке и семье.

Вам известно, вероятно, что, согласно новому закону, регистрация брака производится в интересах государства и общества. Наши не в меру усердные новаторы хотели старый хороший закон, о котором Ленин вполне справедливо говорил, что это один из самых радикальных законов Октябрьской революции, превратить в обычный буржуазный закон, заявив, что регистрация производится только для защиты личных и имущественных прав. Такой формулировкой они подчеркивали переход от Октября к нэпу и в области советского права.

Тов. Преображенский, как хороший старый партийный работник, прекрасно знает, что всякие разговоры на эту тему, — в эти отношения, в эти дела общество не должно соваться, не должно запускать свою лапу, — только буржуазная, анархическая или просто мещанская болтовня.

«С точки зрения социалистической, — говорит тов. Преображенский, — является совершенно бессмысленным взгляд отдельного члена общества на свое тело как на свою безусловную личную собственность, потому что индивид есть лишь отдельная точка в переходе рода от прошлого к будущему. Но в десять раз более бессмысленным является такой же взгляд на «свое» потомство».

Тов. Преображенский идет еще дальше. Он требует «самой беспощадной борьбы с теми, которые распространяют половые болезни, не задумываясь о том, какое преступление они делают против других членов общества, часто против своих же товарищей по классу». Он признает «полное и безусловное право общества довести свою регламентацию до вмешательства в половую жизнь в целях улучшения расы путем искусственного полового подбора»

Тов. Преображенский должен поэтому признать, что я был совершенно прав, когда доказывал, что регистрация брака, при полной свободе развода, безусловно

необходима, и необходима именно в интересах государства и общества. Регистрация представляет самую мягкую форму регламентации брака. Только она дает возможность контролировать выполнение целого ряда условий, которые общество, находящееся на пути развития к социализму, государство, в котором господствующим классом является пролетариат, ставит гражданам в интересах общественного развития — определенный возраст, отсутствие тех или иных физических или психических дефектов, слишком близкое кровное родство. Все эти условия представляют минимум тех норм, которые, по словам т. Преображенского, диктуются «задачами физического сохранения и укрепления расы».

Я уже сказал, и товарищи это прекрасно знают, что мы находимся теперь только в периоде перехода к социалистическому обществу. Мы уже осуществили основные условия — захват власти пролетариатом, переход главных средств производства в руки общества, — которые необходимы, чтобы преобразовать буржуазное общество в социалистическое, но мы еще не осуществили вполне социализм. Это дело не одного года.

Но и социалистическое общество само является только первой фазой, представляет только переход к более высокой фазе развития нового человеческого общества — к коммунизму. В социалистическом строе мы освободимся от целого ряда норм юридических и иных, которые мы еще сохраняем в эпоху перехода к социализму. Пока мы можем только ослаблять их действие, бороться с их последствиями, следить за тем, чтобы они не приносили ущерба развитию социализма. Все эти недостатки крепко связаны с переходным периодом. Но даже тогда, когда социализм будет целиком осуществлен, когда принудительная власть государства будет сведена к минимуму, когда будет окончательно уничтожено сопротивление побежденных классов, все еще будут сохраняться некоторые нормы, навыки, различия между людьми, оставшиеся в наследство от старого строя. Частная собственность перестанет превращаться в капиталистическую частную собственность, в средство эксплоатации человека человеком, но она еще долго будет сохраняться вместе с ее основой и дополнением — мелким хозяйством. Пройдет не мало времени, пока исчезнет домашнее хозяйство, приковывающее женщину к кухне и детской, пока обширная сеть яслей, детских садов, общественных столовых освободит женщину, пока развитие производительных сил даст возможность, при соответственном сокращении рабочего времени, превратить всех трудоспособных женщин в равноправных членов промышленной армии труда. Только тогда будут созданы все условия для осуществления коммунизма. С исчезновением государства исчезнет всякая принудительная власть. Каждый член общества будет настолько культурно развит, настолько пропитан сознанием своих общественных обязанностей, что они превратятся для него в органическую, естественную потребность. Исчезнет необходимость в таких стимулах, как сдельщина, как более высокое вознаграждение за более высокие способности и т. д. Каждый будет давать обществу в меру своих способностей и будет получать от него в меру своих потребностей. Исчезнет всякая зависимость женщины от мужчины, всякое подчинение женщины «домашнему очагу».

Сохранится ли и в этой высшей форме человеческого общества регламентация брака, его регистрация? Конечно, да. Разница только в том, что тогда такая регистрация, такой самоучет, станет такой же естественной обязанностью перед

обществом, как и обязанность труда. Коммунизм немыслим без учета всех производительных сил и всех потребностей общества, а наиболее драгоценной производительной силой и в коммунистическом обществе является человек.

В той самой резолюции Маркса, которая принята была Женевским конгрессом Первого Интернационала, мы читаем:

«Наиболее сознательная часть рабочего класса хорошо понимает, что будущее их класса, а следовательно и человечества, вполне зависит от состава подрастающего рабочего поколения. Они знают, что прежде всего дети и подростки должны быть избавлены от пагубного действия существующей системы. А это может быть достигнуто только путем превращения социального разума в социальную силу; при данных же условиях нет никакого другого средства достижения этой цели, как общие законы, опирающиеся на силу государства».

В коммунистическом обществе править и регулировать будет только социальный разум. Он будет опираться на моральный авторитет, который приобретает общество над отдельной личностью. Свободная трудовая дисциплина и свободное, «вынужденное» только сознанием своих обязанностей перед обществом, повиновение сообща установленным нормам обеспечат выполнение велений социального разума. И одной из таких норм, принятых в интересах общественного развития, в интересах обеспечения здорового подрастающего поколения, останется регистрация, учет брака.

Много еще потребуется усилий, чтобы справиться с гнусным наследием прошлого. И самым гнусным его пережитком является проституция, эта отвратительнейшая форма эксплоатации человека. Посмотрите, что делается вокруг нас, в государстве, где власть находится в руках пролетариата. Острое чувство горечи и стыда охватывает каждого из нас, когда на десятом году пролетарской революции мы все еще видим картину глубокого унижения женщины, вынужденной продавать свое тело и душу, чтобы жить.

Только коммунизм, уничтожая без остатка частную собственность со всей ее идеологией, уничтожая все социальные разделения внутри общества, приведет к полной победе человечности над всяким зверством — к полному освобождению женщины.

КАРЛ МАРКС

ПИСЬМА ОБ ИНДИИ

ПРЕДИСЛОВИЕ

В противоположность классической политической экономии Маркс уже в «Нищете философии» доказал, что отношения производства являются продуктом исторического развития, что вместе с изменением отношений производства меняются и общественные отношения людей. Развивая дальше эту мысль, он писал в «Наемном труде и капитале», что «отношения производства в их совокупности образуют то, что называют общественными отношениями, обществом, и притом обществом, находящимся на определенной исторической ступени развития, — обществом с определенным, отличительным характером».

Устанавливая тогда (в 1848 и 1849 гг.) последовательность этих ступеней развития, Маркс приходит к выводу, что «такие своеобразные совокупности отношений производства представляют собою античное общество, феодальное общество, буржуазное общество, и каждый из этих видов общественной организации соответствует, в свою очередь, известной ступени развития в истории человечества». В конце пятидесятых годов Маркс внес дополнение. В предисловии к «Критике политической экономии» он говорит: «В общих чертах можно указать, как последовательные эпохи экономического формирования общества, способы производства азиатский, античный, феодальный и современный буржуазный». В согласии с этим Маркс не только в «Критике политической экономии», но и в первом томе «Капитала» очень часто пользуется в виде иллюстрации или для контраста с буржуазным способом производства, примерами и фактами, характеризующими «азиатский способ производства». На-ряду с Китаем и Японией, но в несравненно большей степени, главным источником для Маркса является история Ост-Индии.

В переписке Маркса и Энгельса мы находим указание, что оба друга в начале пятидесятых годов занимались изучением истории Востока. Для Маркса дополнительным стимулом явилось желание более основательно исследовать влияние капитализма — в первую очередь английского — на разложение первичных форм хозяйства в азиатских странах, а также влияние колониальной политики европейских стран, как фактора «первоначального накопления капитала».

Новые политические осложнения на Ближнем и Дальнем Востоке, имевшие место в начале 1853 г., дали повод Марксу, тогда корреспондировавшему в американскую газету «Нью-Йоркскую Трибуну», изложить свои взгляды не только на перспективы революции в Европе и Китае [1]), но и рассмотреть в ряде статей историю и результаты английского владычества в Ост-Индии.

В конце мая 1853 г. Энгельс, продолжая свою дискуссию с Марксом, которую они начали в Манчестере, сообщает своему другу главные выводы, к которым приходит Форстер, автор большой работы об исторической географии Аравии. В своем

[1]) См. статью Маркса «Революция в Китае и Европе», напечатанную с моим предисловием в «Правде», № 133 от 14 июня 1925 г.

ответе (1 июня 1853 г.) Маркс обращает внимание Энгельса на книгу французского врача и путешественника Бернье, в которой содержится много интересных замечаний по вопросу о военных и городских учреждениях больших восточных монархий.

«Основную форму всех отношений на Востоке Бернье — он говорит о Турции, Персии, Индостане — совершенно правильно находит в том, что там не существует частной земельной собственности. Вот настоящий ключ даже к восточному небу».

Энгельс, соглашаясь с последним замечанием Маркса, ставит вопрос, почему восточные народы не дошли до частной земельной собственности, не дошли даже до феодальной? Сам он видит причину в климате и свойствах почвы и в связи с этим указывает на огромную роль, которую играло искусственное орошение в истории восточных государств.

«Искусственное орошение является здесь первой предпосылкой земледелия: это — дело или общин, или провинций, или центрального правительства. Последнее на Востоке всегда имело только три ведомства: финансов (грабеж внутри собственной страны), войны (грабеж внутри и за пределами) и публичных работ (забота о воспроизводстве). Британское правительство в Индии управляло №№ 1 и 2 более филистерски, а № 3 совершенно забросило, и индийское земледелие приходит в упадок. Свободная конкуренция там себя совершенно скомпрометировала. Этим искусственным оплодотворением почвы, которое прекратилось, как только пришло в упадок искусственное орошение, об'ясняется тот любопытный вообще факт, что теперь превратились в пустыни целые области, где всегда земледелие процветало (Пальмира, Петра, развалины в Иемене и ряд местностей в Египте, Персии и Индостане); им об'ясняется тот факт, что одна опустошительная война могла на целые столетия лишить страну населения и уничтожить всю ее цивилизацию».

Через несколько дней после этого письма Чарльз Вуд, председатель контрольного совета по делам Индии, внес в палату общин законопроект, который должен был ограничить полномочия совета директоров Ост-Индской компании. Это была компромиссная мера, которая не могла удовлетворить сторонников полной ликвидации этой компании.

Именно по поводу этого билля Маркс написал три статьи для «Нью-Йоркской Трибуны»: 1. Британское владычество в Индии. 2. Ост-Индская компания, ее история и результаты ее деятельности и 3. Будущие последствия английского владычества в Индии. («New York Tribune», 25 июня, 21 июля и 8 августа 1853 г.).

Сообщая Энгельсу о первой статье, Маркс писал ему, что он изображает в ней процесс уничтожения домашней промышленности Англией как революционный процесс. «Впрочем, все хозяйничанье англичан в Индии было сплошным свинством и остается таковым и по сию пору».

Маркс разделяет взгляды Энгельса на значение искусственного орошения в истории восточных народов, — читатель легко может установить, что Маркс в своей первой статье почти буквально воспроизводит значительную часть письма Энгельса — и делает ряд очень важных дополнений, которые подробно развиты в статье, а позднее вошли в «Капитал».

«Стационарный характер этой части Азии, несмотря на совершенно бесцельное движение на политической поверхности, вполне об'ясняется двумя взаимно друг друга поддерживающими условиями: 1) общественные сооружения являлись делом центрального правительства; 2) наряду с этим все государство, не считая нескольких больших городов, состояло из villages (сельских общин), имевших совершенно замкнутую организацию и представлявших каждая самодовлеющий маленький мир».

Дальше следует подробное описание такой сельской общины. В опубликованной Бернштейном переписке оно, рассудку вопреки, выпущено. В своей статье Маркс повторяет его почти буквально, и мы поэтому не будем здесь его приводить.

Дальше Маркс пишет: «Эти идиллические республики, только ревниво оберегающие границы своей общины (village) против соседней общины, существуют еще в почти нетронутом виде в недавно только доставшихся англичанам северо-восточ-

ных частях Индии. Я думаю, что трудно придумать более прочную основу для азиатского деспотизма в его застойной форме. И сколько ни ирландизировали англичане страну, все же разрушение этих стереотипных первобытных форм было conditio sine qua non для ее европеизирования. Одни только сборщики податей не в состоянии были этого сделать. Только уничтожение старозаветной промышленности отняло у этих общин их самодовлеющий характер».

Пусть читатель теперь сравнит взгляды Маркса, изложенные в письме к Энгельсу и в первой статье, с теми страницами «Капитала» (отдел IV, глава 12, параграф 4: Разделение труда в мануфактуре и разделение труда в обществе), где Маркс дает классическое описание этих самодовлеющих первобытных индийских общин. Он сейчас же заметит, что основная мысль повторяется, что часто Маркс употребляет те же самые выражения, но в то же время формулировка стала точнее, содержание стало еще богаче; мы имеем пред собою блестящую характеристику «азиатского способа производства» и его неизбежного политического дополнения.

«Простая производственная организация этой общины, — удовлетворяющая всем ее потребностям, воспроизводящаяся постоянно в той же самой форме и появляющаяся снова, после каждого случайного разрушения, на том же самом месте и под тем же самым именем, — дает нам ключ к той таинственной загадке, которая заключается в неизменности азиатских обществ, находящейся в таком явном противоречии с постоянным разрушением и восстановлением азиатских государств, с беспрерывными сменами их династий. Дело в том, что строение основных экономических элементов общества не затрагивается бурями, происходящими в его политической атмосфере».

Пусть читатель также сравнит рассуждения Маркса и Энгельса о значении искусственного орошения с соответствующими страницами «Капитала» (отдел V, глава 14), где Маркс рассматривает вопрос о влиянии внешних естественных условий на производительность труда.

«Необходимость общественного контроля над известной силой природы, чтобы использовать ее, чтобы при помощи работы человеческих рук, предпринятой в крупном масштабе, освоить ее или подчинить себе, играет решающую роль в истории промышленности. Таково, например, регулирование вод в Египте, Ломбардии и Голландии, или в Индии, Персии и т. д., где обводнение при помощи искусственных каналов доставляет почве не только необходимую влагу, но вместе с ней приносит с гор, в виде ила, минеральное удобрение. Канализация — вот где тайна промышленного расцвета Испании и Сицилии под арабским владычеством... Одно из материальных оснований власти правительства над мелкими производительными организмами Индии, не имеющими между собой никакой связи, было регулирование водоснабжения. Магометанские властители Индии понимали это лучше своих английских преемников» [1]).

Печатаемые нами ниже статьи показывают также, каким путем Маркс уже в середине пятидесятых годов, т.-е. задолго до появления трудов Генри Мэна и его учеников, пришел к выводам, которые он следующим образом формулировал уже в «К критике политической экономии» и повторил в «Капитале».

«В последнее время распространился забавный предрассудок, будто форма естественно развившейся общинной собственности является специфически славянской или даже исключительно русской. Это — первобытная форма, существование которой мы можем доказать у римлян, германцев, кельтов, и многочисленные образцы ее самого различного характера еще и поныне существуют, хотя и в виде обломков, у индусов. Более глубокое исследование азиатских, в особенности индийских форм общинного землевладения показало бы, каким образом из различных форм естественно развившейся общинной собственности возникают различные формы ее разложения.

[1]) Эти взгляды Маркса и Энгельса были после подробно развиты и обоснованы Зибером в «Очерках первобытной экономической культуры», где он собрал много фактов, показывающих значение работ по орошению земли, сооружению каналов, устройству водных резервуаров и регулированию рек.

Так, например, различные основные типы римской и германской частной собственности могут быть выведены из различных форм индийской общинной собственности».

Статьи Маркса об Индии показывают, что он уже в первой половине пятидесятых годов основательно изучил труды Джемса Милля, Вилькса, Раффлса и Кемпбелля, а также парламентские отчеты об Индии. Ряд фактов, позже использованных Мэном — «Сельские общины на востоке и западе» — и Ковалевским, труд которого «Общинное землевладение» написан не только под влиянием Мэна, но и под влиянием «Капитала» и непосредственных бесед с Марксом, были «теоретически использованы» последним в его подготовительных работах к «Капиталу».

Вторая статья Маркса дает исторический обзор деятельности Ост-Индской компании. Она представляет не только прекрасный комментарий к главе о «так называемом первоначальном накоплении» (параграф 6: Возникновение промышленного капитализма), но и весьма интересную экскурсию в историю экономической теории XVII столетия в Англии. На примере Мэна, Чайльда и Поллексфена Маркс показывает, как интересы определенных групп толкали и определяли экономическую теорию.

Третья статья содержит блестящий прогноз будущего развития Индии и доказывает, что английская буржуазия против своей воли вынуждена создавать все необходимые экономические и политические предпосылки для превращения Индии из колонии в самостоятельную страну. Современные события являются лучшим доказательством верности этого прогноза.

Билль Вуда был последней попыткой спасти привилегии Ост-Индской компании. В 1857 г. вспыхнуло восстание сипаев, которое англичанам удалось подавить только с величайшим трудом. Ост-Индская компания была ликвидирована, и все ее полномочия переданы центральному правительству. Но это дало только новый толчок процессу политической и экономической централизации огромной страны с ее разноплеменным населением. Индия все больше и больше «европеизируется». Она имеет уже не только собственную национальную буржуазию, но и собственный пролетариат, который уже начал дело своей классовой организации и готовится стать во главе всей эксплоатируемой городской и деревенской бедноты, чтобы «сбросить с себя окончательно английское ярмо».

Д. Рязанов.

I

Британское владычество в Индии

Лондон, пятница 10 июня 1853 г.

Индостан представляет собой Италию азиатских размеров, Гималайские горы представляют собой Альпы этой азиатской Италии, равнины Бенгалии — равнины Ломбардии, Деканский хребет — Аппенины, а остров Цейлон — остров Сицилию. То же богатое разнообразие произведений почвы и та же раздробленность политической карты. И подобно тому, как Италия дробилась время от времени мечом победителя на различные национальные части, точно так же мы видим Индостан, — в те периоды, когда он не находится под гнетом магометан, или моголов, или британцев, — разделенным на столько независимых и враждующих между собой государств, сколько он насчитывает городов или даже деревень. Однако в социальном отношении Индостан представляет собой не Италию, а Ирландию Востока. И это странное сочетание Италии и Ирландии, мира сладострастия и мира печали, было предвосхищено в древних традициях религии Индостана. Эта религия одновременно является религией чувственных излишеств и религией умерщвляющего плоть аскетизма, религией Лингама и религией Джагернаута, религией монаха и религией баядерки. Я не разделяю мнения тех, которые верят в существование золотого века Индостана, хотя не стану ссылаться, как это делает сэр Чарльз Вуд, для подтверждения своего мнения на авторитет Кули-хана. Но возьмите для примера времена Ауренгзеба, или эпоху, когда моголы появились на севере, а португальцы — на юге, или эпоху вторжения магометан, или эпоху гептархии в южной Индии, или, если вы хотите итти назад к еще более седой древности, возьмите мифологическую хронологию самих браминов, которая относит начало бедствий Индии к эпохе более отдаленной, чем даже та, к которой христианство относит сотворение мира, — и все же не остается никакого сомнения в том, что бедствия, причиненные Индостану британцами, существенно иного рода и бесконечно более интенсивны, чем все бедствия, испытанные Индостаном раньше. Я не говорю здесь о европейском деспотизме, присоединенном к азиатскому деспотизму английской Ост-Индской компанией, что дает в результате сочетание более чудовищное, чем те священные чудовища, которые нас пугают в храме Сальсетты. Это является не специфической чертой английской системы управления колониями, а лишь результатом подражания голландской системе, и это в такой степени верно, что для характеристики деятельности британской Ост-Индской компании достаточно при-

вести дословно то, что сэр Стамфорд Раффлс, английский губернатор Явы, сказал о старой голландской Ост-Индской компании: «Голландская компания, движимая исключительно духом наживы и меньше щадя своих подданных, чем некогда вест-индский плантатор щадил толпу рабов, работавших на его плантации, ибо этот последний заплатил деньги за людей, которых он приобрел в собственность, между тем как первая ничего не платила, — эта Компания пустила в ход весь существующий аппарат деспотизма с тем, чтобы выжать из населения последнюю копейку поборами и заставить его работать до истощения. Таким образом, она усугубила зло, причиняемое стране капризным и полуварварским правительством, сочетая в своей деятельности все практическое искусство политика со всем монополистским эгоизмом купца».

Гражданские войны, вторжения, завоевания, голод, — все эти сменяющие друг друга бедствия, какими бы сложными, бурными и разрушительными ни казались они для Индостана, затрагивали только его поверхность. Англия же сломала самое основание индусского общества, не обнаружив до сих пор никаких попыток к его преобразованию. Потеря старого мира без приобретения нового сообщает современным бедствиям Индии трагический оттенок и отрезает Индостан, управляемый Британией, от всех древних традиций и от всей прошлой истории.

В Азии с незапамятных времен существовали лишь три отрасли управления: финансовое ведомство, или ведомство по ограблению своего собственного народа, военное ведомство, или ведомство по ограблению соседних народов, и, наконец, ведомство публичных работ. Условия климата и почвы, особенно огромные пространства пустыни, тянущиеся от Сахары через Аравию, Персию, Индию и Татарию до возвышенностей Азиатского плоскогорья, сделали систему искусственных орошений при помощи каналов и водных сооружений основой восточного земледелия. Подобно тому, как в Египте и в Индии пользуются наводнениями для орошения полей, точно так же в Месопотамии, Персии и других местах пользуются высоким уровнем воды для того, чтобы наполнить водой оросительные каналы. Эта элементарная необходимость экономического и совместного использования воды, которая на Западе толкнула частную предприимчивость соединяться в добровольные ассоциации, как во Фландрии и в Италии, — на Востоке, где цивилизация была на слишком низком уровне и где размеры территории слишком обширны, чтобы вызвать к жизни добровольные ассоциации, повелительно требовала вмешательства централизующей силы правительства. Отсюда та экономическая функция, которую вынуждены были выполнять все азиатские правительства, а именно функция организации публичных работ. Эта система искусственного оплодотворения почвы, зависевшая от центрального правительства и приходившая немедленно в упадок при нерадивом отношении этого правительства к ирригационным и осушительным работам, об'ясняет тот необ'яснимый иначе факт, что мы видим теперь бесплодными и пустынными целые территории, некогда бывшие прекрасно обработанными, как, например, Пальмиру, Петру, развалины Иемена и обширные провинции Египта, Персии и Индостана. Этим также об'ясняется тот факт, что одна разорительная война оказалась способной обезлюдить страну на целые столетия и лишить ее всей ее цивилизации. И вот британцы переняли от своих предшественников ведомство финансов и ведомство войны, но они совершенно пренебрегли ведомством публичных работ. Отсюда упадок земле-

делия, не способного развиваться по британскому принципу свободной конкуренции, по принципу laisser faire и laisser-aller. Однако мы привыкли видеть, что в азиатских государствах земледелие приходит в упадок под управлением одного правительства и снова воскресает под управлением какого-либо другого. Здесь урожай находится в зависимости от хорошего или дурного правительства, как он в Европе зависит от хорошей или дурной погоды. Таким образом, как само по себе ни скверно пренебрежение к нуждам земледелия, его нельзя было бы рассматривать как окончательный удар, нанесенный индусскому обществу британским насильником, если бы это пренебрежение не сопровождалось обстоятельством более важного значения, представляющим из себя нечто новое в анналах всего азиатского мира. Как ни значительны были политические перемены в прошлом Индии, ее социальные условия оставались неизменными с самой отдаленной древности до первого десятилетия XIX столетия. Ручной ткацкий станок и ручная прялка, кормившие обыкновенно десятки тысяч прядильщиков и ткачей, составляли основу структуры индусского общества. С незапамятных времен Европа получала удивительные ткани — продукт индусского трудолюбия, и посылала взамен свои драгоценные металлы, снабжая, таким образом, материалом индусского золотых дел мастера, этого необходимого члена индусского общества, любовь которого к украшениям так велика, что даже представители самого низшего класса, которые ходят почти нагими, имеют обыкновенно пару золотых серег и какое-нибудь золотое украшение вокруг шеи. Всеобщее распространение имели также кольца на пальцах рук и ног. Женщины, как и дети, часто носили браслеты на руках и ногах, и золотые или серебряные статуэтки богов встречались среди домашнего скарба. Британское насилие разбило индусский ручной ткацкий станок и разрушило ручную прялку. Англия начала вытеснением индусских хлопчато-бумажных изделий с европейских рынков, затем стала ввозить в Индию веревки и кончила тем, что стала наводнять хлопчатобумажными изделиями родину хлопчатобумажных изделий. За период с 1818 по 1836 г. экспорт веревок из Великобритании в Индию возрос в отношении 1 к 5.200. В 1824 г. ввоз английского муслина в Индию едва достигал 1.000.000 ярд, между тем как в 1857 г. он уже превышал 64.000.000 ярд. Но за этот же самый период население Дакки упало с 150.000 жителей до 20.000. Этот упадок индусских городов, славившихся раньше своими промыслами, нельзя, однако, считать самым худшим результатом. Британский пар и британская наука окончательно уничтожили на всей поверхности Индостана связь между сельскохозяйственной и мануфактурной промышленностью.

Оба эти обстоятельства, — с одной стороны, то, что индусы, подобно всем восточным народам, предоставляют центральному правительству заботу о крупных общественных сооружениях, являющихся основными условиями их земледелия и торговли, с другой — то, что население Индии, рассеянное по всей поверхности страны, образует маленькие центры, существующие на основе домашней связи между земледельческим и промышленным трудом, — эти два обстоятельства вызвали к жизни с незапамятных времен социальную систему, обладающую оригинальными чертами, — так называемую общинную систему, сообщавшую каждому из этих маленьких союзов независимую организацию и своеобразную жизнь. Со своеобразными чертами этой системы знакомит нас следующее описание, содержащееся в старом официальном отчете английской палаты общин об индийских делах.

Село, в географическом отношении, представляет собой пространство, содержащее несколько сот или тысяч акров возделанной и пустующей земли; в политическом отношении оно похоже на городскую корпорацию. В селе имеется ряд высших и низших должностных лиц. Potail, или голова, имеет общий надзор за делами села, улаживает споры обывателей, заведует полицией и исполняет обязанность сборщика налогов внутри села — обязанность, для исполнения которой он является наиболее подходящим в силу личного влияния и обстоятельного знакомства с положением и делами жителей. Kurnum следит за состоянием земледелия и регистрирует все, относящееся к нему. Tallier и totie: обязанность первого состоит в собирании сведений о преступлениях и проступках и в сопровождении и защите лиц, переезжающих от одного села до другого, круг же обязанностей второго, повидимому, более ограничен пределами села и состоит, между прочим, в охране урожая и в содействии его точному определению. Потраничник охраняет границы села или дает свидетельские показания относительно них в случаях спора. Лицо, имеющее надзор над водохранилищами и водостоками, распределяет воду для нужд земледелия. Особый брамин ведает в селе делами культа. Далее идут школьный учитель, которого можно видеть в селе обучающим детей чтению и письму на песке; календарный брамин, или астролог, и т. д. Эти высшие и низшие должностные лица образуют администрацию села, но в некоторых частях страны штат их меньше, так как некоторые из описанных выше обязанностей и функций соединяются в одном и том же лице, в других же частях, напротив, штат их шире, чем выше было указано. «Под этой примитивной формой общинного правления население жило с незапамятных времен. Границы сел редко изменялись, и хотя самые села иногда переживали тяжелые времена и подвергались опустошению благодаря войне, голоду и болезням, то же имя, те же границы, те же интересы и даже те же семьи продолжали существовать из века в век. Жители этих сел нисколько не беспокоились по поводу крушения и деления королевств, поскольку их село оставалось целым и невредимым; они мало интересовались тем, под власть какой державы подпало их село и какому государю оно подчинено, ибо основы их внутреннего хозяйства оставались неизменными». Potail продолжал оставаться главой общины и действовал как мировой судья и сборщик податей. Эти маленькие стереотипные формы социального организма в большей своей части разрушены и исчезли с поверхности Индии не столько благодаря брутальному вмешательству британских сборщиков податей и британских солдат, сколько благодаря действию английских паровых машин и английской свободы торговли. Эти семейные общины зиждились на домашней промышленности, при своеобразной комбинации ручного ткачества, ручного прядения и ручного способа обработки земли, — комбинации, которая придавала этим общинам самодовлеющую силу. Английское вмешательство, перенося прядильщиков в Ланкашир, а ткачей в Бенгалию, или сметя с лица земли как индусских прядильщиков, так и индусских ткачей, разрушило эти маленькие полуварварские, полуцивилизованные общины, уничтожив их экономический базис, и таким образом произвело величайшую и, надо сказать правду, единственную с о ц и а л ь н у ю революцию, пережитую когда-либо Азией.

Однако, как ни естественно для нас сокрушаться при виде дезорганизации и разложения этих десятков тысяч трудолюбивых, патриархальных и мирных социальных групп, как ни прискорбно нам видеть их брошенными в пучину

горя, а их отдельных членов потерявшими одновременно как свои древние формы цивилизации, так и свои исконные источники существования, — мы не должны все же забывать, что эти идиллические сельские общины, сколь безобидными они бы ни казались, всегда были прочной основой восточного деспотизма, что они ограничивали человеческий разум самыми узкими пределами, делая из него покорное орудие суеверия, подчиняя его традиционным правилам, лишая его всякого величия, всякой энергии к историческому действию. Мы не должны забывать эготизма варваров, которые, сконцентрировавшись на ничтожном клочке земли, спокойно наблюдали, как разрушались большие империи, как совершались несказанные жестокости, как вырезывалось массами население больших городов, — спокойно наблюдали все это, не уделяя этому большего внимания, чем явлениям природы, и сами становились беспомощной добычей любого насильника, удостоившего их своим вниманием. Мы не должны забывать, что эта презренная, застойная и растительная жизнь, что эта пассивная форма существования вызывала, с другой стороны, в противовес себе дикие, слепые и необузданные силы разрушения и сделала самое убийство религиозным ритуалом в Индостане. Мы не должны забывать, что эти маленькие общины были осквернены кастовыми различиями и рабством, что они подчиняли человека внешним обстоятельствам, вместо того, чтобы возвысить его до роли владыки этих обстоятельств, что они превратили саморазвивающееся социальное состояние в неизменный, предопределенный природой рок и тем создали грубый культ природы, унизительность которого сказывается в том факте, что человек, этот владыка природы, благоговейно падает на колени перед обезьяной Гануманом и перед коровой Сабалой.

Совершая социальную революцию в Индостане, Англия, правда, руководилась самым грубым интересом и проявила тупость в способе ее проведения. Но не в этом дело. Вопрос в том, может ли человечество выполнить свое назначение без коренной революции в социальном состоянии Азии? Если нет, то Англия, несмотря на все свои преступления, была бессознательным орудием истории в совершении этой революции.

А если это так, то, как бы прискорбно для нас лично ни было зрелище разрушения древнего мира, с точки зрения исторической перспективы мы имеем право провозгласить вместе с Гёте:

Sollte diese Qual uns quälen,
Da sie unsre Lust vermehrt?
Hat nicht Myriaden Seelen
Timur's Herrschaft aufgezehrt?

II

Ост-Индская компания, ее история и результаты

Лондон, суббота 21 июня 1853 г.

Истинное начало Ост-Индской компании не может быть отнесено к более раннему времени, чем 1702 год, — год, когда различные общества, претендовавшие на монопольную торговлю в Ост-Индии, об'единились в одну Компанию. До этого года самое существование Ост-Индской компании в ее первоначальном виде неодно-

кратно подвергалось опасности. Один раз ее деятельность была приостановлена на годы в эпоху протектората Кромвеля, а второй раз она чуть не окончательно была распущена парламентским актом в царствование Вильгельма III. Лишь под властью голландского принца, когда политика вигов стала определять доходы британской империи, когда был вызван к жизни Английский банк, когда покровительственная система была прочно установлена в Англии, а равновесие сил окончательно установилось в Европе, — лишь в это время существование Ост-Индской компании было признано парламентом. Эта эра кажущейся свободы была в действительности эрой монополий, которые не создавались королевскими грамотами, как во времена Елизаветы и Карла I, а узаконивались и об'являлись национальными санкциями парламента. Эта эпоха в истории Англии имеет огромное сходство с эпохой Луи-Филиппа во Франции, когда старая земельная аристократия была разбита, а буржуазия оказалась способной занять ее место лишь под знаменем денежной плутократии или «haute finance». Ост-Индская компания устранила простой народ от торговли с Индией в то самое время, когда палата общин устранила этот простой народ от парламентского представительства. Тут, как и в других случаях, мы имеем пример того, как первая решительная победа буржуазии над феодальной аристократией совпадает с наиболее выраженной реакцией против народа — явление, заставившее более чем одного народного писателя, вроде Коббета, искать народную свободу скорее в прошлом, чем в будущем.

Союз между конституционной монархией и кругами финансовой монополии, между Ост-Индской компанией и «славной» революцией 1688 г. был упрочен той же самой силой, которая во все времена и во всех странах сводила вместе и связывала либеральное барышничество и либеральные династии, а именно силой коррупции, этой первой и последней движущей силой конституционной монархии, этим ангелом-хранителем Вильгельма III и роковым демоном Луи-Филиппа. Уже в 1693 г. было установлено парламентскими расследованиями, что ежегодные расходы Ост-Индской компании под рубрикой «подарков» влиятельным лицам, редко превышавшие до революции 1.200 £, достигли к тому времени суммы в 90.000 £. Герцог Лидс был обвинен в получении взятки в 5.000 £, а сам добродетельный король был изобличен в получении 10.000 £. Сверх этих непосредственных подкупов, конкурирующие общества выбивались из строя тем, что правительству предлагались займы на огромные суммы и по очень низким процентам, или же тем, что подкупали директоров этих компаний.

Силу, которую Ост-Индская компания, точно так же, как и Английский банк, приобрела благодаря подкупу правительства, она вынуждена была, как и Английский банк, поддерживать все новыми и новыми взятками. Всякий раз, как кончался срок ее монополии, она могла возобновлять ее, лишь предложив правительству новые займы и сделав ему новые подарки.

События Семилетней войны превратили Ост-Индскую компанию из коммерческой в военную и территориальную силу. Именно тогда было положено основание нынешнему владычеству Англии на Востоке. Основной капитал Ост-Индской компании возрос тогда до 263 миллионов, и дивиденды выплачивались по 12½ процентов.

Но тогда появился новый враг Компании, на этот раз не в лице конкурирующих обществ, а в лице враждебных министров и враждебного народа.

Указывалось на то, что территория Компании была завоевана силами английского флота и английских армий и что ни один английский подданный не может обладать верховной властью над какой-нибудь территорией независимо от короны. Тогдашние министры и тогдашний народ заявляли притязания на известную долю в тех «чудесных сокровищах», которые, как тогда воображали, достались англичанам при их последнем завоевании.

Компания спасла свое существование лишь благодаря соглашению, заключенному в 1767 г., по которому она обязалась платить ежегодно в государственную казну 400.000 £. Но вместо того, чтобы оказаться способной выполнить это соглашение, Ост-Индская компания очутилась в финансовых затруднениях и вместо того, чтобы платить дань английскому народу, она обратилась к английскому парламенту за денежной помощью. Следствием этого шага было серьезное изменение в характере Компании. Дела Компании пошли плохо, несмотря на новые условия, в которые она была поставлена, и так как одновременно с этим английский народ потерял свои колонии в Северной Америке, то необходимость в новом приобретении больших колониальных владений стала чувствоваться всеми. Знаменитый Фокс счел поэтому в 1783 г. момент подходящим для внесения своего законопроекта об Индии, предлагавшего упразднить советы директоров и собственников и передать все управление Индией в руки семи комиссаров, назначенных парламентом. Благодаря личному влиянию слабоумного короля на палату лордов, законопроект мистера Фокса был отвергнут, что привело к падению коалиционного министерства Фокса и лорда Норта и к назначению главою правительства знаменитого Питта. Питт провел в 1784 г. через обе палаты законопроект, согласно которому должен был быть учрежден Контрольный совет, состоящий из шести членов Тайного совета. Этому Контрольному совету подлежали проверка, контроль и надзор за всеми актами, операциями и делами, имеющими какое-либо отношение к гражданскому и военному устройству или к доходам территорий и владений Ост-Индской компании.

Вот что говорит по этому поводу историк Милль: «Принятием этого закона преследовалась двоякая цель. Чтобы избегнуть подозрения в намерении осуществить то, что представлялось одиозным в законопроекте мистера Фокса, необходимо было создать в и д и м о с т ь, будто главная часть власти остается в руках директоров. Истинное же намерение премьера заключалось в том, чтобы в д е й с т в и т е л ь н о с т и у директоров была отнята всякая власть. Проект мистера Питта подчеркивал, что он отличается от проекта своего конкурента главным образом именно в этом пункте, так как в то время как проект Фокса лишает директоров всякой власти, новый проект, мол, оставил эту власть почти неприкосновенной. Если бы получил силу закона законопроект мистера Фокса, полномочия министров были бы явно сохранены. При действии закона мистера Питта эти полномочия были сохранены в замаскированном виде и для осуществления их приходилось прибегать к хитрым махинациям. Законопроект мистера Фокса передавал власть Компании комиссарам, назначенным парламентом. Законопроект мистера Питта передавал эту власть комиссарам, назначенным королем».

Годы 1783 и 1784 были, таким образом, первыми и до настоящего времени единственными годами, когда индусский вопрос сделался кабинетным вопросом. Законопроект мистера Питта стал законом, хартия Ост-Индской компании была возобновлена, и индусский вопрос был отложен в сторону на двадцать лет. Однако

в 1813 г. анти-якобинская война, а в 1853 г. только что внесенный законопроект о реформе отодвинули на задний план все другие политические вопросы.

Вот первое основание, почему вопросы Индии не становились большими политическими вопросами ни до 1784 г., ни после этого года. До этого года Ост-Индской компании приходилось еще отстаивать свое существование и завоевывать себе признание, после же этого года олигархия узурпировала все те права Компании, которые она могла присвоить себе, не беря на себя ответственности. А еще позже, в периоды возобновления хартии, а именно в 1813 и 1833 гг., внимание английских народных масс было поглощено другими вопросами более крупного значения.

Рассмотрим теперь вопрос с другой точки зрения. Ост-Индская компания начала с простого опыта устройства факторий для своих агентов и складочных мест для своих товаров. Для защиты тех и других она устроила несколько укреплений. Хотя еще в 1689 г. общества, составлявшие Ост-Индскую компанию, задумали упрочить свое господство в Индии и сделать территориальные доходы одним из источников своих барышей, однако вплоть до 1744 г. они приобрели лишь несколько незначительных областей около Бомбея, Мадраса и Калькутты. Война, вспыхнувшая вслед затем в Карнатике, привела к тому, что эти общества после разных усилий действительно стали верховными владыками этой части Индии. Более значительные результаты дала война в Бенгалии и победы лорда Клайва. Результатом их было реальное занятие Бенгалии, Бихара и Орисcы. В конце XVIII и первые годы текущего века произошли войны с Типпо-Саибом, результатом которых было большое усиление могущества Англии и необычайное расширение практики использования вспомогательных сил. Во втором десятилетии XIX века Англия впервые, наконец, завоевала удобную границу для своих владений в Индии, а именно границу, проходящую через пустыню. Это случилось лишь после того, как Англии удалось распространить свое господство на Востоке на те части Азии, которые всегда служили местопребыванием для всякой сильной центральной власти в Индии. Но наиболее уязвимый пункт индийской империи, пункт, с которого страна подвергалась нашествиям каждый раз, как старый завоеватель изгонялся новым, — а именно укрепления западной границы, — еще не был в руках британцев. В течение периода от 1838 до 1849 г. в войне с сикхами и афганами Англия окончательно овладела этнографическими, политическими и военными границами Ост-Индского континента, присоединив насильственно область Пенджаба и Синда. Присоединение этих областей было для Англии необходимо в целях отражения возможного нападения со стороны Центральной Азии, а также как прикрытие против России, двигавшейся к персидской границе. В течение этого последнего десятилетия к старым английским владениям в Индии была присоединена территория протяжением в 167.000 квадратных миль с населением в 8.572.630 душ. Что касается внутреннего положения Индии, то все туземные государства были теперь окружены английскими владениями, в той или иной форме подчинены британскому с ю з е р е н и т е т у и, за единственными исключениями Гуджерата и Синда, отрезаны от моря. С самостоятельностью же Индии по отношению к внешнему миру было раз навсегда покончено.

Великая англо-индийская империя существует лишь с 1849 года.

Английское правительство, таким образом, вело в течение 200 лет войну, прикрываясь именем Компании, пока не были достигнуты естественные границы

Индии. Мы понимаем теперь, почему в течение всего этого времени все партии в Англии молчаливо потворствовали всему тому, что делалось в Индии,—даже те из них, которые решили громче всех выступить с лицемерными криками о мире *после того, как округление* английских владений в Индии *станет совершившимся фактом*. Покорение Индии им нужно было прежде всего, конечно, для того, чтобы иметь возможность облагодетельствовать ее потом своей деятельной филантропией. Теперь мы понимаем, почему вопрос об Индии в нынешнем, 1853, году находится в ином положении, чем во все предыдущие периоды возобновления хартии.

Рассмотрим вопрос еще с другой точки зрения. Мы гораздо лучше поймем особенности кризиса, переживаемого законодательством об Индии, если рассмотрим все фазисы, через которые прошло развитие торговых сношений между Великобританией и Индией.

В начале развития операций Ост-Индской компании, в царствование Елизаветы, Компания получила разрешение вывозить ежегодно, в целях выгодного развития своей торговли с Индией, ценностей в серебре и золоте и иностранной монете на сумму в 90.000 £. Это был разрыв со всеми предрассудками века, и Томас Мэн был вынужден изложить в «Рассуждении о торговле между Англией и Ост-Индией» основы «меркантильной системы». Признавая, что драгоценные металлы являются единственным богатством, которым какая-либо страна может обладать, он одновременно утверждал, что вывоз их может быть спокойно разрешен, если *баланс платежей* оказывается в пользу вывозящей нации. В этом смысле он утверждает, что ввозимые из Ост-Индии товары по преимуществу вновь вывозятся в другие страны, из которых получается значительно большее количество слитков, чем то количество, которое уплачивается за эти товары в Индии. В том же духе сэр Джошуа Чайльд написал «Трактат, в котором доказывается, что из всех торговых сношений Англии ее торговля с Ост-Индией имеет для нас наибольшее национальное значение». Мало-по-малу сторонники Ост-Индской компании становились все смелее, и можно отметить, как курьез в этой курьезной истории, что индийские монополисты были первыми в Англии глашатаями принципа свободы торговли.

Требования о парламентском вмешательстве в отношении Ост-Индской компании снова стали раздаваться не со стороны торгового, а со стороны промышленного класса в самом конце XVII и в течение большей части XVIII столетий, когда было об'явлено, что ввоз ост-индских хлопчатобумажных и шелковых тканей разоряет бедных британских фабрикантов. Мнение это было выдвинуто в сочинении Джона Поллексфена: «Антагонизм между Англией и Индией в области мануфактурной промышленности», Лондон 1697, — в сочинении, заглавие которого странным образом оправдалось 150 лет спустя, но совсем в другом смысле. Тогда парламент вмешался. Актом 11 и 12 Вильгельма III, п. 10, было запрещено ношение выделанных шелковых материй и набивного или крашеного коленкора, ввезенных из Индии или Китая, и устанавливался штраф в 200 £ для тех лиц, у которых будут найдены или которыми будут продаваться подобные изделия. Подобные же законы были изданы под давлением беспрестанных жалоб впоследствии столь «просвещенных» британских фабрикантов в царствования Георга I, II, III. Таким образом в течение большей части этого периода индийские мануфактурные изделия обыкновенно ввозились в Англию с тем, чтобы быть проданными на континент, минуя английский рынок.

Помимо этих мер, принятых парламентом в отношении Ост-Индии под давлением жадных английских фабрикантов, лондонские, ливерпульские и бристольские купцы всякий раз, когда ставился вопрос о возобновлении хартии, делали усилия сломить коммерческую монополию Компании и самим принять участие в этой торговле, которая считалась настоящим золотым дном. Домогательства эти привели к тому, что в закон 1773 года, которым срок действия хартии Компании был продлен до 1 марта 1814 г., был внесен пункт, согласно которому частным лицам, состоящим в английском подданстве, разрешалось вывозить из Англии, а служащим Ост-Индской компании ввозить в Англию почти все виды товаров. Но это разрешение частным купцам вывозить товары в британскую Индию было обставлено условиями, уничтожавшими все его значение. В 1813 г. Компания оказалась неспособной противостоять дольше давлению торговых кругов, и — при оставлении в неприкосновенности монополии торговли с Китаем — торговля с Индией была под некоторыми условиями предоставлена частной конкуренции. При возобновлении хартии в 1833 г. были отменены, наконец, и эти последние ограничения для частных лиц, Компании было запрещено вести какую бы то ни было торговлю, ее торговый характер был аннулирован, и у нее была отнята привилегия запрещать британским подданным пребывание на территории индийских владений.

Между тем ост-индская торговля пережила очень серьезные революции, общим результатом которых было изменение интересов в отношении ее со стороны разных классов в Англии. Сокровища, которые перевозились из Индии в Англию в течение всего XVIII столетия, были приобретены не столько в результате сравнительно незначительной торговли, сколько благодаря прямой эксплоатации территории и захвату огромных богатств, которые пересылались в Англию. После отмены монополии в 1813 г. размеры торговли с Индией в короткое время более чем утроились. Но это не все. Весь характер этой торговли изменился. До 1813 г. Индия была преимущественно экспортирующей страной, между тем как теперь она стала страной импортирующей, и это развитие шло таким быстрым темпом, что уже в 1823 г. курс, составлявший обычно 2 шилл. 6 пенс. за рупию, упал до 2 шилл. за рупию. Индия, бывшая с незапамятных времен величайшей мастерской хлопчатобумажных изделий, которыми она снабжала весь мир, стала наводняться теперь английским ситцем и английской хлопчатобумажной материей. После того, как ее собственные изделия были из'яты из обращения на английском рынке или стали допускаться лишь на самых жестких условиях, в нее стали ввозиться в огромном количестве английские товары, обложенные небольшой и лишь номинальной пошлиной, что повело к гибели туземного, некогда столь славившегося хлопчатобумажного производства. В 1780 г. стоимость всей английской продукции составляла лишь 386.152 £, стоимость слитков, вывезенных в том же году, составляла 15.041 £, общая стоимость всего экспорта в течение 1780 г. составляла 12.648.616 £, так что сумма торговых оборотов с Индией составляла лишь $^1/_{32}$ суммы торговых оборотов с заграницей вообще. В 1850 г. стоимость всего экспорта Индии из Великобритании и Ирландии составляла 8.024.000 £, из которых экспорт одних хлопчатобумажных товаров достигал суммы в 65.200.000 £, так что этот экспорт равнялся больше $^1/_8$ всего экспорта и больше $^1/_4$ всего экспорта хлопчатобумажных изделий за границу. Но в хлопчатобумажном производстве была занята теперь также $^1/_8$ часть всего населения, и эта отрасль промышленности до-

ставляла Англии $^1/_{12}$ ее национального дохода. После каждого торгового кризиса торговля с Ост-Индией приобретала для хлопчатобумажных фабрикантов все более преобладающее значение, и ост-индский континент стал действительно их лучшим рынком сбыта. В той мере, в какой хлопчатобумажная промышленность стала приобретать жизненное значение для всей социальной структуры Великобритании, Ост-Индия стала приобретать жизненное значение для британской хлопчатобумажной промышленности.

До этого момента интересы финансовой олигархии, превратившей Индию в свою вотчину, шли рука об руку с интересами политической олигархии, завоевавшей Индию своими армиями, и с интересами промышленной олигархии, наводнившей Индию своими товарами. Но чем более росла зависимость английской промышленности от индусского рынка, тем более английские промышленники чувствовали необходимость создания новых производительных сил в Индии взамен той туземной промышленности, которую они разорили. Нельзя беспрерывно наводнять страну своими изделиями, если не давать ей возможности в свою очередь предоставлять вам какие-нибудь свои продукты. Промышленные круги нашли, что их торговые обороты с Индией падают, вместо того, чтобы расти. За четырехлетний период, кончающийся 1846 годом, стоимость импорта в Индию из Великобритании составила сумму в 261 милл. рупий, за четырехлетие, кончающееся 1850 годом, стоимость этого импорта составила лишь сумму в 253 милл. рупий, между тем как экспорт за предыдущий период составил 274 милл. рупий, а за последний период — 254 милл. Они открыли, что способность к потреблению их товаров была доведена в Индии до самой низкой степени, что в то время как стоимость годового потребления их изделий на душу населения составляла в британской Вест-Индии около 14 ш., в Чили около 9 ш. 3 п., в Бразилии 6 ш. 5 п., в Кубе 6 ш. 2 п., в Перу 5 ш. 7 п., в центральной Америке 10 п., в Индии она составляла лишь около 9 п. Затем наступил недород хлопка в Соединенных Штатах, причинивший в 1850 г. английским хлопчатобумажным промышленникам убытки на 11.000.000 £, и последние были раздражены по поводу того, что им приходится быть зависимыми от Америки, вместо того, чтобы иметь возможность вывозить хлопковое сырье в достаточном количестве из Ост-Индии. Сверх этого, они видели, что во всех их попытках приложения капитала в Индии они натыкаются на сопротивление и интриги со стороны лиц, хозяйничающих в Индии. Индия, таким образом, стала ареной борьбы между промышленными кругами, с одной стороны, и финансовой и политической олигархией — с другой. Промышленники, сознавая свою силу в Англии, требовали теперь уничтожения этих антагонистских сил в Индии, разрушения всего старого правительственного аппарата в Индии и окончательной ликвидации Ост-Индской компании.

И, наконец, четвертая и последняя точка зрения, с которой следует рассматривать вопрос об Индии. С 1784 г. финансы Индии все более и более ухудшались. Национальный долг достиг теперь суммы в 50 милл. фунтов, источники доходов стали все более уменьшаться, и соответственно росли расходы, едва прикрываемые позорными доходами с пошлины на опиум, которые к тому же грозили теперь иссякнуть, так как китайцы начали культивировать мак у себя дома. Кроме того, предвиделось увеличение расходов от бессмысленной войны с Бирмой. «Положение таково, — говорит мистер Дикинсон, — что если потеря владений в Индии грозит

Англии крахом, то и необходимость удерживать их чревата крахом ее финансов».

Таким образом, я показал, почему вопрос об Индии впервые после 1783 г. стал английским вопросом и вопросом кабинетным.

III

Будущие последствия английского владычества в Индии

Лондон, пятница 22 июля 1853 г.

В этом письме я предполагаю закончить мои замечания об Индии.

Каким образом установилось английское верховенство в Индии? Неограниченная власть великих моголов была свергнута их наместниками. Могущество наместников было сломлено магараттами, могущество магараттов было сломлено афганами, и, пока все воевали против всех, налетел британец и оказался способным покорить их всех. Страна, где обособлены друг от друга не только магометане и индусы, но и племя от племени и каста от касты, общество, имеющее своей основой своеобразное равновесие, проистекающее из всеобщего взаимного отталкивания и веками установившейся обособленности друг от друга всех его членов, — разве такая страна и такое общество не были обречены на то, чтобы стать добычей завоевателя? Если бы мы даже ничего не знали о прошлой истории Индостана, то разве нам не достаточно было бы того значительного и бесспорного факта, что даже в настоящее время Индия держится Англией в рабстве при помощи индийской армии, содержащейся за счет Индии? Индия, таким образом, не смогла избегнуть участи быть завоеванной, и вся ее прошлая история, если вообще о таковой может итти речь, является историей последовательных завоеваний, которым она подвергалась. Индийское общество не имеет никакой истории, по крайней мере никакой известной истории. То, что мы называем его историей, есть лишь история сменявших друг друга завоевателей, основывавших свои империи на базисе этого покорного и неподвижного общества. Вопрос поэтому не в том, имела ли Англия право завоевать Индию, а в том, предпочли ли бы мы завоевание Индии турками, персами, русскими завоеванию ее британцами.

Англии предстоит выполнить в Индии двоякую миссию: разрушительную и созидательную: с одной стороны, разрушить старое азиатское общество, а с другой — заложить материальный фундамент западного общественного строя в Азии.

Арабы, турки, татары, моголы, последовательно завоевывавшие Индию, быстро ассимилировались с туземным населением. Согласно непреложному закону истории, варвары-завоеватели сами побеждались высшей цивилизацией покоренных ими народов. Британцы были первыми завоевателями, обладавшими более высокой культурой, чем покоренный ими народ, и поэтому они оказались недоступными воздействию индусской цивилизации. Они убили эту цивилизацию, разрушив туземные общины, разорив до тла туземную промышленность и нивелировав все, что возвышалось над общим уровнем в туземном обществе.

Страницы истории британского господства в Индии вряд ли говорят о чем-либо, кроме работы разрушения; созидательная работа англичан едва видна сквозь груды развалин. Тем не менее, эта созидательная работа началась.

Политическое единство Индии, более консолидированное и пространственно расширенное больше, чем когда-либо при великих моголах, было первой предпосылкой ее возрождения. Это единство, установленное английским мечом, будет теперь упрочено и увековечено телеграфом. Туземная армия, организованная и вымуштрованная британскими сержантами, создала то основное условие, без которого Индия никогда не могла бы осуществить свое национальное освобождение и продолжала бы становиться добычей первого иноземного завоевателя. Свободная пресса, впервые введенная в жизнь азиатского общества и большей частью руководимая совместно европейцами и индусами, является новым и могущественным фактором обновления. Даже земиндары и наследственные арендаторы земли, как они ни гнусны, представляют собой две различные формы частной собственности на землю, — явления, незнакомого азиатскому обществу. Из туземцев Индии, неохотно и в скудных размерах получающих образование в Калькутте, под британским наблюдением формируется свежий класс, вооруженный сведениями, необходимыми для управления, и пропитанный европейской наукой. Пар установил регулярное и быстрое сообщение между Индией и Европой, связал все главные порты Индии со всеми портами юго-восточного океана и таким образом вывел Индию из того изолированного положения, которое было главной основой ее неподвижности. Не далек уже тот день, когда при помощи сочетания системы железных дорог и пароходных рейсов расстояние между Англией и Индией, измеряемое временем, сократится до восьми дней, и эта некогда легендарная страна будет действительно присоединена к западному миру.

Господствующие классы Великобритании до сих пор лишь случайно, временно и в виде исключения были заинтересованы в развитии Индии. Аристократия желала ее покорить, финансовая плутократия хотела ее грабить, а промышленная олигархия стремилась победить ее в конкурентной борьбе и превратить в монопольный рынок сбыта для своих товаров. Теперь же дела приняли другой оборот. Промышленная олигархия открыла, что ее жизненные интересы требуют превращения Индии в производящую страну и что для этой цели необходимо прежде всего снабдить ее ирригационными сооружениями и внутренними путями сообщения. Промышленники намерены покрыть Индию сетью железных дорог. И они это сделают. Это должно дать неоценимые результаты.

Известно, что производительные силы Индии парализованы вследствие крайнего недостатка в средствах для перевозки и обмена ее разнообразных продуктов. Нигде больше, чем в Индии, мы не встречаем социальной нужды среди природного изобилия, — нужды, обусловленной отсутствием возможностей обмена. Перед комиссией английской палаты общин, заседавшей в 1848 г., было доказано, что в то время, «когда зерновой хлеб продавался по цене от 6 до 8 шиллингов за квартер в Кандеише, он продавался по цене от 64 до 70 шиллингов за квартер в Пуне, где народ умирал на улицах от голода, не имея возможности получить с'естные припасы из Кандеиша, так как по глинистым дорогам нельзя было проехать».

Проведение железных дорог может быть использовано в агрикультурных целях, а именно для образования водохранилищ там, где требуется земля для устройства плотин и для перевозки воды по различным направлениям. Таким путем можно сильно расширить систему искусственного орошения, этого необходимого условия земледелия на востоке, и предотвратить частое повторение местных неурожаев, об-

условленных недостатком воды. Огромная важность железных дорог, рассматриваемых с этой точки зрения, нам станет очевидной, если мы вспомним, что даже в районах, примыкающих к горному хребту, участки земли, снабженные средствами орошения, платят в три раза больше налогов, расходуют в десять и двенадцать раз больше на рабочую силу и все же приносят в десять или в пятнадцать раз больше прибыли, чем такие же участки, не снабженные средствами орошения.

Железные дороги дадут возможность уменьшить количество и стоимость содержания военных учреждений. Полковник Уоррен, начальник форта Сент-Виллиам, высказался следующим образом перед парламентской комиссией:

«Возможность получения сведений из отдаленных частей страны в течение стольких часов, сколько теперь для этого требуется дней и даже недель, возможность в наиболее короткий период послать инструкции вместе с войсковыми частями и провиантом, это — соображения, которые трудно переоценить. Гарнизоны можно было бы помещать на больших расстояниях друг от друга и в более здоровых местах, что сберегло бы много жизней, гибнущих теперь от болезней. Точно так же не пришлось бы концентрировать провиант в таких огромных количествах в разных складах, благодаря чему были бы избегнуты потери, вызываемые гниением и разрушительными климатическими условиями. Число войсковых частей могло бы быть уменьшено в прямой пропорции к возможности их быстрого использования».

Мы знаем, что общинное управление и экономическая основа сельских общин были разрушены, но их наихудшая черта, а именно распадение общества на стереотипные, не связанные между собой атомы, пережила их. Сельская изолированность обусловила отсутствие дорог в Индии, а отсутствие дорог поддерживало сельскую изолированность. При таких условиях община существовала с раз навсегда данным низким уровнем жизни, почти без всякого общения с другими селами, без всяких стремлений и усилий, являющихся необходимыми предпосылками социального прогресса. После того как британцы сломили самодовлеющую инерцию общин, железные дороги дадут возможность удовлетворить новую потребность в связи и общении. Кроме того, «одним из последствий железнодорожной системы будет то, что она внесет в каждую общину, захваченную ею, такое знание об усовершенствованиях и практических приспособлениях, изобретенных в других странах, и так облегчит доставку этих усовершенствований и приспособлений, что это даст, во-первых, возможность проверить работоспособность класса наследственных и наемных ремесленников, а во-вторых, восполнить пробелы его искусства» (Ч е п м э н, Хлопчатая бумага и торговля Индии).

Я знаю, что английская промышленная олигархия в своем намерении покрыть Индию железными дорогами руководствуется исключительно целью удешевить доставку хлопка и других сырых материалов, необходимых для их фабрик. Но раз только вы ввели машину в качестве средства передвижения в страну, обладающую железом и углем, то вы не можете помешать тому, чтобы эта страна сама не стала производить ее. Вы не можете поддерживать сети железных дорог, раскинутой по огромной стране, без введения всех тех промышленных процессов, которые необходимы для удовлетворения непосредственных и текущих потребностей железнодорожного движения, а это повлечет за собой применение машины к тем отраслям промышленности, которые непосредственно не связаны с железнодорожным движением. Железнодорожная система поэтому поистине станет в Индии предвестницей

современной индустрии. Это тем более верно, что индусы, по признанию самих английских властей, обладают огромной способностью приспособления к совершенно новым условиям труда и усвоения знаний, необходимых для пользования машиной. Убедительные подтверждения этого факта представляют способности и знание дела, обнаруженные туземными инженерами, много лет работающими на монетном дворе в Калькутте, работа туземцев, обслуживающих разные паровые машины в угольных районах Гардуора, и другие примеры. Сам мистер Кэмпбелль, как он ни заражен предрассудками Ост-Индской компании, вынужден признать, «что широкие массы индийского народа обладают большой промышленной энергией, весьма приспособлены к накоплению капитала и отличаются замечательными математическими способностями к черчению и точным наукам». «Их интеллект, — говорит он, — великолепен». Современная промышленность, которая проникнет в Индию в результате проведения железных дорог, разложит унаследованную систему разделения труда, на которой покоятся индийские касты — это основное препятствие на пути индийского прогресса и развития индийской силы.

Вся английская буржуазия может быть вынуждена не желать ни эмансипации, ни улучшения социального положения масс индийского народа, — улучшения, обусловленного не только развитием производительных сил, но и их усвоением народом. Но она не преминет создать материальные предпосылки для осуществления этих обеих задач. Разве буржуазия когда-либо делала больше? Разве она когда-либо осуществляла прогресс, не таща индивидуумы и народы сквозь кровь и грязь, сквозь бедствия и лишения?

Индусы не пожнут плодов новых элементов общества, рассеянных среди них британской буржуазией, пока в самой Великобритании ныне правящие классы не будут вытеснены промышленным пролетариатом или пока сами индусы не станут достаточно сильными, чтобы окончательно сбросить с себя английское ярмо. Во всяком случае мы с уверенностью можем ожидать, в более или менее отдаленном будущем, возрождения этой великой и интересной страны, благородное население которой даже в своих самых низших классах, по выражению князя Салтыкова, «plus fin et plus adroit que les italiens» (более остроумно и более искусно, чем итальянцы), — страны, жители которой даже свою покорность уравновешивают каким-то спокойным благородством и, несмотря на свою природную лень и апатию, изумили английских офицеров своей храбростью, — страны, которая является колыбелью наших языков, наших религий и которая в джате дает нам тип древнего германца, а в брамине — тип древнего грека.

Я не могу расстаться с темой об Индии без некоторых заключительных замечаний.

Глубокое лицемерие и внутреннее варварство буржуазной цивилизации неприкрыто лежат перед нашими глазами, когда мы эту цивилизацию наблюдаем не в ее доме, где она принимает респектабельные формы, а в колониях, где она ходит нагой. Буржуазия выдает себя за защитницу собственности, но разве какая-нибудь революционная партия производила когда-нибудь такие аграрные перевороты, как те, которые были произведены в Бенгалии, в Мадрасе и в Бомбее? Разве в Индии она не прибегала — говоря словами самого лорда Клайва, этого великого хищника — к жестокому насилию там, где простой подкуп оказывался недостаточным для достижения ее хищнических целей? Разве в то время, когда она в Европе болтала

о ненарушимой святости национального долга, она не конфисковала дивидендов раджей, поместивших свои частные сбережения в акции самой Компании? Разве в то время, когда она сражалась против французской революции под предлогом защиты «нашей священной религии», она не запретила пропаганду христианства в Индии и разве в целях извлечения доходов от паломников, устремляющихся к храмам Орисссы и Бенгалии, она не стала торговать убийством и проституцией, увековеченными в храме Джагернаута? Вот каковы эти защитники «собственности, порядка, семьи и религии»!

Опустошительное действие английской промышленности в отношении Индии, — страны, которая по своим размерам не меньше Европы и которая содержит 150 миллионов акров, — бросается в глаза и ужасно по своим последствиям. Но мы не должны забывать, что это действие является лишь органическим результатом всей господствующей ныне системы производства. Это производство зиждется на верховном господстве капитала. Централизация капитала неразрывно связана с существованием капитала как независимой силы. Разрушительное влияние этой централизации на мировые рынки выявляет лишь в гигантских размерах внутренние органические законы политической экономии, оказывающие свое действие ныне в любом цивилизованном городе. Буржуазный период истории призван создать материальный базис нового мира: с одной стороны, мировые сношения, основанные на взаимной зависимости отдельных частей, и средства этих сношений; с другой стороны, развитие производительных сил человека и превращение материального производства в осуществляемое при помощи науки господство над силами природы. Буржуазная промышленность и торговля создают эти материальные условия нового мира таким же образом, как геологические революции создали поверхность земли. Лишь после того, как великая социальная революция овладеет результатами буржуазной эпохи — мировым рынком и современными производительными силами — и подчинит их общему контролю наиболее прогрессивных народов, — лишь тогда человеческий прогресс перестанет уподобляться тому отвратительному идолу, который хотел пить нектар из черепов убитых.

Э. Гумбель.

О МАТЕМАТИЧЕСКИХ РУКОПИСЯХ К. МАРКСА

(Сообщение)

То, что Маркс и Энгельс занимались математикой, было известно из их переписки (Письма Маркса к Энгельсу от 20 мая 1865 г. и 25 августа 1879 г., Энгельса к Марксу от 18 августа 1881 г. и 21 ноября 1882 г., ответ Маркса от 22 ноября 1882 г.). Из их переписки видно, что Маркс уже в 1865 г. занимался диференциальным исчислением и особенно интенсивно в 1881 и 1882 гг., а Энгельс просматривал его математические рукописи. Далее, из «Анти-Дюринга» (стр. 139 и 140, изд. Дитца, 1923 г.) видно, что Энгельс понимал дифференцирование как отрицание в диалектическом смысле. Наконец, в изданной Институтом К. Маркса и Ф. Энгельса «Диалектике природы» Энгельса имеются отдельные замечания по алгебре.

Среди рукописей Маркса, находящихся в архиве социал-демократической партии Германии, Д. Б. Рязанов нашел большое количество тетрадей и записок математического содержания. Перед началом войны он предпринял шаги к их опубликованию, но это ему тогда не удалось. Так, он предложил Ф. Адлеру напечатать одну вполне обработанную для печати математическую работу Маркса. Ныне Институт К. Маркса и Ф. Энгельса фотографирует все рукописи Маркса и Энгельса. В течение 1925 г. Институт получил рукописи по математике. Они составляют 865 мелко исписанных четвертушек.

Тов. Рязанов поручил мне просмотреть их и подготовить к печати. Я решил раньше всего расположить весь материал в систематическом порядке и подготовить к печати соответствующую часть [1]). Эта задача теперь выполнена.

Весь материал может быть разделен на A. вычисления, B. выдержки, C. наброски и D. самостоятельные работы. При распределении материала я руководился чисто формальными соображениями. Вычислениями я считал все те рукописи, где совершенно отсутствует текст, где, следовательно, нет никаких философских соображений, которые могли бы принадлежать Марксу. Они отличаются от остальных некоторой беспорядочностью и нечеткостью. Выдержки, наоборот, отмечаются определенной логической стройностью. Они написаны очень мелко. В некоторых случаях удалось установить автора, выдержки из которого производил Маркс. Так, Маркс списал дословно целые главы из сочинения Мак-Лорэна (Mac Laurin) «Treatise of Algebra», в том же порядке, в каком они находятся у автора. В других случаях Маркс не придерживался порядка глав автора. Так, в выдержках из Lacroix, «Elé-ments d'Algèbre», только некоторые места соответствуют порядку изложения

[1]) При расшифровке рукописей мне оказала большую помощь тов. Р. Матейка.

автора. Наконец множество выдержек состоит из коротеньких заметок, которые поэтому не могли быть отнесены к какому-либо автору.

Я здесь прилагаю список вычислений и выдержек. Заглавия в общем поставлены мною. Там, где заглавия даны Марксом, они заключены в кавычки.

A и B. ВЫЧИСЛЕНИЯ И ВЫДЕРЖКИ

I. Арифметика. 1. «Влияние учетного процента на вексельный курс. II. Погашение векселей. III. Процентные начисления и скидки». 50 стр. по-немецки. Большей частью арифметические вычисления.

2. Возведение в степень и извлечение корня. 3 стр. по-немецки. Вычисления.

3. Упражнения в логарифмировании. 8 стр. по-немецки и по-английски. Большей частью арифметические вычисления.

4. «On method of finite differences». 2 стр. по-французски и по-английски. Вычисления.

5. Теория комбинаций. 4 стр., по два столбца в каждой, по-немецки. Выдержки.

II. Геометрия. 1. Тригонометрия. «Calculation of trigonometrical functions». 12 стр. по-французски. Выдержки.

2. «Die vorläufige Rekapitulation of trigonometric developments». 14 стр. по-немецки и по-английски. Выдержки.

3. Начала аналитической геометрии. 4 стр. по-английски. Выдержки.

4. Аналитическая геометрия. Конические сечения. 12 стр. по-немецки и по-французски. Выдержки.

5. Аналитическая геометрия. Конические сечения, прямые треугольники. 23 стр. по-французски и по-немецки. Выдержки.

6. Конические сечения. 24 стр. по-французски и по-немецки. Выдержки.

7. «Sections coniques des genres supérieurs». 15 стр. по-немецки и по-французски. Выдержки.

III. Алгебра. 1. «Algebra I: 1. General theory of equation (общая теория уравнений). 2. Первое элементарное появление $\frac{a}{0} = \infty$ и $\frac{0}{0}$ в обыкновенной алгебре. 3. Элементарное о бесконечных рядах. 4. О понятии функции. 5. Исключение неизвестных в уравнениях порядка высшего, чем первый». 23 стр. по-немецки. Выдержки из Lacroix.

2. «Алгебра II: 6. Пропорции и прогрессии. 7. Величины, изменяющиеся по закону геометрической прогрессии, и логарифмы». 25 стр. по-немецки. Выдержки из Lacroix.

3. «Алгебра III: 8. Продолжение к теории уравнений». 42 стр. по-немецки. Выдержки.

4. «Решение уравнений согласно правилу Кардана и аналогичное». 22 стр. по-немецки. Дословные выдержки из Mac Laurin, «A treatise of Algebra», 6-е изд. Лондон 1790.

5. Геометрические и арифметические прогрессии. 9 стр. по-немецки. Выдержки.

6. «Метод неопределенных коэфициентов». 2 стр. по-немецки и по-английски. Вычисления.

7. «Из алгебры Мак-Лорэна». 16 стр. по-немецки. Выдержки.

IV. Диференциальное исчисление. 1. Диференциальное исчисление I. 28 стр. по-немецки и по-английски. Выдержки.

2. Диференциальное исчисление II. 39 стр. по-немецки и по-английски. Выдержки из различных авторов, так как способы обозначения меняются.

3. Вычисления, не находящиеся в связи между собой. 22 стр., одна страница в два столбца. По-немецки и по-английски.

4. Разные вычисления, не связанные между собою, относящиеся к «диференцированию произведения». 13 стр. по-немецки, некоторые в два столбца. Готовы к печати.

5. «Lagrange. Derived functions». 4 стр. по-немецки и по-английски. Выдержки.

6. «Последовательное диференцирование» (по сочинению G. W. Hemming, «Elementary treatise of the differential calculus». Cambridge 1848). 6 стр. по-немецки и по-английски. Выдержки.

7. «Maxima et minima of functions of one variable» и «Добавочное относительно максимумов и минимумов». 18 стр. по-немецки и по-английски. Выдержки.

8. Частичные выдержки из книги Lacroix, «Traité du calcul différentiel et du calcul intégral». 2 éd., vol. 1—2. Paris 1810—1819. 48 стр. по-немецки и по-английски. Рукою Маркса подчеркнуты места красным и синим карандашом.

V. Теорема Тэйлора. 1. К теореме Тэйлора. 8 стр. по-немецки и по-английски. Вычисления.

2. Вычисления к теореме Тэйлора, не имеющие связи между собою. 24 стр. по-немецки и по-английски.

3. Разложение в ряд логарифма. 4 стр. по-английски. Вычисления.

4. Разложение в ряд Тэйлора с двумя переменными. Диференцирование xy. Метод Лейбница и метод Пуассона. 6 стр. по-немецки и по-английски. Выдержки.

Ниже я даю список набросков, которые годны к печати вместе с самостоятельными работами. Черновики и переписанные начисто рукописи совпадают в полной мере.

C. ЧЕРНОВЫЕ НАБРОСКИ

1. Набросок к «диференцированию простейших функций». 6 стр., написанных по-немецки, некоторые в два столбца. Готов к печати.

2. Набросок к «диференцированию произведения». 11 стр. по-немецки, частью в два столбца. Готов к печати.

3. Вариант к «теореме Тэйлора». 2 стр. по-немецки. Готов к печати.

4. Набросок к «Выводу теоремы Тэйлора». 4 стр. по-английски. Годен к печати.

5. «Добавление к теореме Тэйлора, стр. 3». 2 стр. по-английски. Вычисления.

6. «Видоизмененное Лангранжем доказательство тэйлоровской теоремы на исключительно алгебраической основе». 37 стр. по-немецки и по-английски. Набросок, большей частью подчеркнутый рукой Маркса. Готов к печати.

В основу своих занятий Марксом были положены следующие книги:

Boucharlat, J. L. Elements de calcul différentiel et de calcul intégral. Paris 1830.
D'Alembert, Jean le Rond. Traité des fluides. 1774.
Euler, Leonard. Introduction à l'analyse de l'infini. Lausanne 1748. Institutions du calcul différentiel, 1755, part I, chap. 3.
Hall, T. G. Treatise on differential and integral calculus. London 1852.
Hegel, C. W. F. Wissenschaft der Logik. I. Teil, 2. Abschnitt: das Quantum.
Hemming, G. W. Elementary treatise on the differential calculus. Cambridge 1852.
Lacroix, S. F. Traité élèmentaire du calcul différentiel et du calcul intégral. 2 éd., vol. I. Paris 1805.— Eléments d'Algèbre. Paris 1799.— Traité du calcul différentiel et du calcul intégral. Paris 1810.
Lagrange, J. L. Théorie des fonctions analytiques. Paris 1797.
Landen, John. Residual analysis. 1764.
Mac Laurin, Collin. A treatise of algebra. 6 edition. London 1796.
Moigno, F. Leçons de calcul différentiel et de calcul intégral, rédigées d'aprés A. L. Gauchy. Paris 1840.
Newton, Isaac. De analysi per aequationes numero terminorum infinitas. Gesamtausgabe, 1779 bis. 1785. — Methodus fluxionum et serierum infinitarum. 1711. — Philosophiae naturalis principia mathematica. London 1687.
Taylor, J. Brook. Methodus incrementorum directa et inversa. London 1715.

Издания, которыми пользовался Маркс, трудно было установить с уверенностью ввиду того, что Маркс часто цитировал неточно.

В выдержках «Алгебра I и II» находится, кроме того, большое количество цитат. Но так как они дословно совпадают с цитатами, приведенными Лакруа, то нельзя предположить, что Маркс читал этих авторов; тем более, что он, списывая цитаты, повторял те же ошибки, какие были у Лакруа. Поэтому эти авторы здесь не приведены.

Таким образом, Маркс занимался главным образом теми работами, которые были известны уже в конце XVIII века. В выборе их на него, как это ясно видно, оказал влияние Гегель. Гегель называет те же работы Эйлера, Лагранжа, Ландена, Ньютона и занят также основоположением дифференциального исчисления и выведением производной. Два новых сочинения, от 1848 г. и 1852 г. (Голл и Гемминг), которые читал Маркс, не имеют никакого значения. Маркс не знал непосредственно предшествовавшей или современной ему математической литературы вроде Гаусса и Больцано.

Те рукописи, которые не содержат вычислений или выдержек, можно считать с а м о с т о я т е л ь н ы м и работами Маркса. Только их имеет смысл издать. Они содержат вольное изложение прочитанного Марксом, соединенное с многочисленными хронологическими датами, и философские размышления над прочитанным; в некоторых случаях Маркс ставит проблемы особым способом, свойственным только ему. Эти труды разработаны в разной степени; некоторые было очень трудно расшифровать, другие же готовы к печати. В некоторых случаях рукописи дополняют друг друга таким образом, что дают возможность представить общую картину того, что имел в виду Маркс.

Эти работы занимают 203 рукописные страницы.

Маркс, конечно, не думал об их опубликовании; некоторые работы предназначались для Энгельса. Энгельс просмотрел их и сделал к ним свои добавления. По поводу их он переписывался с Самуилом Муром. Письма Энгельса не сохранились.

однако сохранилось письмо Мура к Энгельсу от 3 июля 1879 г. о диференцировании неявных функций.

Д. САМОСТОЯТЕЛЬНЫЕ МАТЕМАТИЧЕСКИЕ РАБОТЫ

1. Два замечания в выдержке «Алгебра I». Из главы «первое элементарное появление $\frac{a}{0}=\infty$ и $\frac{0}{0}$ в обыкновенной алгебре» и расходящиеся ряды, 2 страницы на пишущей машинке, по-немецки.

2. Сущность диференцирования, раз'яснена на диференцировании степени. 7 стр. по-немецки, частью в два столбца, 7 стр. пишущей машинки.

3. Диференцирование простейших функций. 6 стр. по-немецки, 6 стр. пишущей машинки (Набросок имеется.)

4. Диференцирование произведения. 23 стр. по-немецки, частью в два столбца. 20 стр. пишущей машинки. (Набросок и вычисления имеются.) Два добавления Энгельса: Диференцирование функции от функции. 3 стр. по-английски. 3 стр. пишущей машинки.

5. Вариант к предыдущему. 24 стр. по-немецки, частью в два столбца, 20 стр. на пишущей машинке.

6. Добавления к диференцированию произведения. 16 стр. по-немецки, частью в два столбца. 8 стр. на пишущей машинке.

7. «Теорема Тэйлора». 4 стр. по-немецки, 6 стр. на пишущей машинке. (Имеется вариант.)

8. Вывод теоремы Тэйлора, 4 стр. по-английски, 5 стр. на пишущей машинке. (Имеется набросок.)

9. Теорема Тэйлора в ее различных формах. 19 стр. по-немецки, 20 стр. на пишущей машинке.

10. «Вывод Лагранжем теоремы Тэйлора на алгебраической основе». 48 стр. по-немецки, 60 стр. на пишущей машинке. (Имеется набросок.)

11. Теорема Мак-Лорэна. 16 стр. по-нем. 20 стр. на пиш. машинке.

12. «Теорема Тэйлора, Теорема Мак-Лорэна. Теорема Лагранжа о производных функциях». 29 стр. по-немецки и по-английски. 35 стр. на пишущей машинке.

13. «Из доклада Ньютона от 1669 г. «De analysi per aequationes numero terminorum infinitas» президенту Королевского Общества в Лондоне. 4 стр. по-немецки, 5 стр. на пишущей машинке.

Итак, Маркс занимался следующими отделами математики: элементарной геометрией, первоначальными понятиями диференциальной геометрии, арифметикой, алгеброй и диференциальным исчислением. Особенно его интересовала теорема Тэйлора. Только в трех местах бегло упоминается интегрирование. Представляющая наибольший интерес самостоятельная работа о диференцировании произведения появится в ближайшем номере «Архива К. Маркса и Ф. Энгельса» на немецком языке. Все работы, обозначенные выше №№ 1—13, готовы к печати и появятся в XVI томе Собрания сочинений. Там же будет дано критическое освещение философских проблем, занимавших Маркса в его математических работах.

Б. Николаевский

К ИСТОРИИ ПЕТЕРБУРГСКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ «СТАРИКОВ»

(Сообщение)

История первых опытов письменного обращения к рабочим ранних кружков социал-демократов-пропагандистов конца восьмидесятых и начала девяностых годов до сих пор не только не написана, но даже почти не начата обследованием. Для этой работы еще надлежит собрать необходимый материал. Исходящие от такого рода кружков документы крайне немногочисленны и еще более редки. Размноженные в свое время в весьма небольшом количестве от руки или, в лучшем случае, на гектографе, они далеко не все дошли до нашего времени. Многие едва ли не бесследно погибли, и об их существовании мы часто узнаем лишь по более или менее случайным упоминаниям в мемуарах или в жандармских документах. То, что сохранилось, еще далеко не полностью выявлено исследователями. Ни сборника такого рода документов, ни библиографического описания их до сих пор ни одного не составлено, а появление такого рода сборника и описания было бы крупнейшим событием в деле изучения истории ранних периодов социал-демократического движения в России вообще, ибо, только опираясь на такого рода сводку фактического материала, только ознакомившись со всеми дошедшими до нас документами тех лет, можно будет во всей их конкретности понять отдельные этапы развития политической мысли ранних российских социал-демократов-практиков.

Печатаемый нами ниже документ крайне интересен именно под этим углом зрения.

Документ этот до сих пор в печати никогда не появлялся. Даваемый нами ниже текст его мы воспроизводим по гектографированному экземпляру, который сохранился в архиве П. Б. Аксельрода. Экземпляр этот, к сожалению, дефектен, — в нем недостает начала, и мы поэтому, помимо значительной части текста, не знаем также, какой заголовок носило это воззвание и какое обращение стояло в его начале. Ни подписи, ни даты в конце воззвания не стоит, но определение времени его выпуска затруднения не представляет: воззвание посвящено тем волнениям на Семянниковском (позднее Невском судостроительном) заводе в Петербурге, о которых из отрывочных замечаний текста мы знаем, что они сопровождались разгромом заводских построек. Такой разгром имел место во время волнений 23 декабря 1894 г., когда семянниковские рабочие, возмущенные невыдачею им заработной платы к Рождеству, разнесли заводскую контору, выбили стекла в корпусах, пытались поджечь дом управляющего и т. д.; волнения эти вызвали усмирение, — с избиением рабочих нагайками, с поливанием их водою из пожарных труб, с арестом десятков зачинщиков, которые вскоре были высланы из Петербурга и т. д. Следствием этих волнений было вмешательство градоначальника, отдавшего распоряжение о немедленной выдаче рабочим заработной платы, и так как перед праздниками банки уже были закрыты, то для получения

нужных для расплаты сумм градоначальником был командирован жандармский офицер, — факт, упоминание о котором имеется в листке [1]).

Установив, таким образом, дату выпуска воззвания, сравнительно не трудно будет найти и издавшую его группу.

Сводку данных о кружках социал-демократов-пропагандистов, действовавших в Петербурге в 1894—1895 гг., дал В. И. Невский в своих «Очерках по истории РКП». Из перечисленных им там кружков со счетов следует сбросить группу И. В. Чернышева, как начавшую свою работу среди рабочих только к лету 1895 г., и группу Мартова, Гофмана и др. («Петербургская группа Освобождение Труда»), так как после высылки Мартова в 1893 г. из Петербурга эта группа почти никакой деятельности не проявляла. Это сильно сужает круг возможных издателей листка, сводя его к двум претендентам: к кружку К. М. Тахтарева или к группе, вошедшей ныне в историю российской социал-демократии под именем «стариков» (В. И. Ленин, С. И. Радченко, Г. М. Кржижановский и др.).

Но кружок Тахтарева быть издателем этой прокламации также не мог. Из воспоминаний самого Тахтарева мы знаем, что этот кружок, как целое, пропагандой среди рабочих не занимался, — это был студенческий кружок самообразования с социал-демократической окраской. С рабочими из всего этого кружка сношения вел один К. М. Тахтарев, действовавший исключительно за свой страх и риск, говоря его собственным выражением — «как интеллигент-одиночка» [2]). Допустить, что печатаемое нами воззвание исходило от этого «интеллигента-одиночки», совершенно невозможно. Против этого говорит прежде всего тот факт, что сам Тахтарев, не раз писавший о той эпохе и упоминавший, между прочим, о выпуске, как мы покажем ниже, именно того воззвания, которое мы теперь публикуем, нигде не упоминает о своей причастности к его составлению; скорее обратно, — то место его рассказа, где он издание этого воззвания относит за счет деятельности социал-демократов, в сопоставлении с его собственным признанием, что он сам был тогда всего лишь одиночкою, звучит как признание, что он к этому изданию отношения не имел.

К тому же, допустить, что он был автором-издателем этого воззвания, нельзя и по другим соображениям: печатаемое нами воззвание писано уверенною рукой талантливого и уже опытного литератора, умеющего говорить сильными, убеждающими фразами. Тахтарев этим даром не владел и позднее, — в девяностых же годах он, как литератор, был более чем бледным. Это видно и по тем номерам «Рабочей Мысли», к составлению которых он имел отношение в конце девяностых годов; об этом же свидетельствует и его переписка с П. Б. Аксельродом, сохранившаяся в архиве последнего: попав за границу в марте 1897 г., Тахтарев пытался начать работать литературно в «Работнике» и других социал-демократических изданиях, выходивших под редакцией группы «Освобождение Труда»; эти попытки потерпели неудачу, — и письма Тахтарева к Аксельроду свидетельствуют, что причиною этой неудачи была прежде всего литературная непригодность произведений Тахтарева. Предположить же, что непригодными могли оказаться произведения, написанные автором печатаемого ниже воззвания, конечно, не сможет никто из прочитавших это последнее.

Все эти соображения приводят к выводу, что издателем публикуемого нами воззвания могла быть только одна социал-демократическая группа, а именно группа «стариков». Сравнение техники издания данного воззвания с техникой изданий, несомненно выпущенных «стариками», только укрепляет нас в этом выводе. Таким несомненным изданием «стариков» был выпущенный ими в конце 1894 г. третий выпуск известной брошюры Ленина «Что такое друзья народа» [3]); шрифт пишущей

---

[1]) Довольно подробный рассказ об этих волнениях имеется в брошюре Тахтарева-Петербуржца («Очерки петербургского рабочего движения 90-х годов», изд. 1902 г., стр. 12—14), который наблюдал их как очевидец.

[2]) См. его воспоминания в № 24 «Былого», стр. 8.

[3]) А. Ганшин в своих воспоминаниях об этом издании устанавливает, что к нему был причастен один из виднейших «стариков» — А. А. Ванеев (см. заметку Ганшина в предисловии к «Друзьям народа», стр. XXIII, изд. «Московского Рабочего», 1923 г.).

машинки, на которой отпечатано это издание, очень близко подходит к штрифту, которым переписано публикуемое нами воззвание (цвет чернил, правда, несколько разнится, — в воззвании он заметно темнее, — но это обстоятельство существенного значения не имеет).

Указания на издание в январе 1895 г. группою «стариков» листка, посвященного событиям на Семянниковском заводе, в литературе имеются. Об этом факте говорят Т. Копельзон [1]) и Н. К. Крупская [2]). Весьма существенно установить, относятся ли их рассказы именно к тому листку, который мы публикуем, или же был еще и другой листок.

Допущение о возможности выпуска тогда одною и тою же группою двух листков об одном и том же событии — слишком мало вероятно. Надо иметь в виду, что это был вообще первый в практике «стариков» случай выпуска листка обращенного к рабочим [3]), а в таких случаях не начинают с массового производства. По имеется одно обстоятельство, которое требует более внимательного рассмотрения вопроса.

Н. К. Крупская в своих воспоминаниях говорит, что упоминаемый ею листок был размножен от руки. Между тем публикуемый нами теперь листок сохранился в гектографированном виде (о гектографировании говорит и Тахтарев).

Чем об'ясняется это расхождение, мы пока, за отсутствием данных, решать не беремся. Но нам думается, что и оно все же не дает оснований для вывода о существовании двух листков. Более вероятна наличность ошибки памяти в рассказе Н. К. Крупской (ошибки вполне понятной в воспоминаниях, писанных через 30 лет после события); возможно также, что было два, так сказать, издания одного и того же листка: вначале, под свежим впечатлением от событий, когда хотелось как можно скорее откликнуться на них, воззвание было переписано от руки и распространено на заводе, — и у Н. К. Крупской воспоминание об этом эпизоде четко врезалось в память ввиду его тогдашней новизны и необычности способа размножения; позднее же, когда выяснилось, что листок пользуется успехом среди рабочих [4]), он был размножен добавочно на гектографе, — впечатление от этого переиздания было, конечно, не столь значительным, и память его легко могла не сохранить.

Мы так подробно остановились на этом пункте потому, что с раз'яснением его связан характер ответа на вопрос об индивидуальности автора воззвания: как известно, Н. К. Крупская определенно указывает, что автором того листка, о котором она вспоминает, был В. И. Ленин; поэтому, если выяснится, что печатаемое нами воззвание есть именно то, о котором говорит Н. К. Крупская, то оно будет представлять совершенно исключительный интерес для лениноведов, как документ об его первой попытке непосредственного письменного обращения к рабочим.

Этот специальный вопрос весьма существенен, — дать окончательный ответ на него должны дожившие до наших дней участники движения тех лет. Но и независимо от него научный интерес публикуемого нами воззвания, ввиду роли, которую группа «стариков», как целое, сыграла в истории российской социал-демократии, чрезвы-

---

[1]) Сборник «О Ленине», вып. III, стр. 21, Москва 1925.

[2]) Сборник «О Ленине», в. I, стр. 14, Ленинград.

[3]) Г. М. Кржижановский в своих воспоминаниях «О Владимире Ильиче» (стр. 16, изд. «Красная Новь», Москва 1924) говорит, что «подметные листки» на заводах в Петербурге в обилии начали появляться с зимы 1893 г. Это указание следует отнести за счет несомненной ошибки памяти: нигде в литературе нет указаний на выпуск в Петербурге «стариками» или кем-либо другим из социал-демократов, обращенных к рабочим листков в 1893 и даже в 1894 гг. Наоборот, все писавшие о том периоде споры о переходе к агитации в один голос связывают с появлением брошюры «Об агитации» (хотя иногда и говорят, что в Петербурге почва для такого перехода была подготовлена и самостоятельно деятельностью местных социал-демократов) и относят их к осени 1894 г. (см., например, воспоминания В. А. Шелгунова в сборнике «От группы Благоева к Союзу Борьбы», стр. 57, воспоминания М. А. Сильвина в № 7 «Пролетарской Революции» за 1924 г., стр. 74—75 и др.); о связи во времени этого перехода с появлением брошюры «Об агитации» говорит, наконец, и сам Г. М. Кржижановский, а в 1893 г. этой брошюры ведь еще не существовало.

[4]) Об этом успехе говорит Тахтарев — «Очерки», стр. 14.

чайно велик: он даст нам твердую опору для суждения о том, как проходили в Петербурге первые этапы перехода от пропаганды к агитации.

По документу видно, что переход этот дался не легко и не сразу. Воспитавшиеся на навыках кружковой пропаганды, «старики» и первое свое письменное обращение к рабочим построили почти целиком по пропагандистски [1]). В этом листке они не столько а г и т и р у ю т рабочих, призывая их к определенному действию, сколько п р о п а г а н д и р у ю т их, раз'ясняя им тайны действия скрытых пружин капиталистического строя. О том, к а к надо бороться, они говорят только в самых общих, почти алгебраических формулах, и вывод — заключительный призыв воззвания («Борьбы и знаний — вот чего требует от русских рабочих русская жизнь») — звучит совершенно так же, как, несомненно, звучали — как должны были звучать — все заключительные призывы тогдашних социал-демократов-интеллигентов на собраниях рабочих пропагандистских кружков.

«Новая тактика», которая за год перед тем была разработана виленцами, возвестившими о ней в брошюре-манифесте «Об агитации», и теоретически принята «стариками» осенью 1894 г., на деле была ими еще далеко не полностью усвоена. Они еще только н а щ у п ы в а л и дорогу для перехода к ней. Жизнь вскоре помогла им сделать дальнейшие шаги в этом же направлении. Уже приблизительно через месяц после выпуска «стариками» печатаемого нами листка, разразилась забастовка в порту [2]), и выпущенный «стариками» по поводу этой стачки листок [3]) написан в совершенно иных тонах, по своему содержанию уже очень близко приближаясь к их листкам ноября-декабря 1895 года.

[Прокламация по поводу волнений на Семянниковском заводе 23 декабря 1894 г.].

. . . . . .

Итак, понимающий рабочий в каждом из подобных многочисленных бунтов, во-первых, находит лишний пример безобразий со стороны заводского начальства всякого рода по отношению к его собратьям рабочим, — это раз. Во-вторых, он еще раз убеждается, что как ни темен бунтующийся только таким образом люд, а все же самый пример подобного взрыва показывает, что в нем живет недовольство и рад бы он многим пожертвовать, чтобы выбиться из своей проклятой доли, да только не знает к а к; это два. В-третьих, поневоле приходится сознаться, что еще мало сделал и он, и его близкие по развитию товарищи для облегчения доли всех рабочих, когда еще не придумало большинство русских рабочих другого способа для борьбы. А разве все это не грустно?

Но грусть-то грустью, а работа работой. Работаем мы всю жизнь на капиталистов, поработаемте-ка и на себя. Будем помнить, что первая наша обязанность заранее узнавать о всех таких обстоятельствах, вмешиваться в случае их проявления в толпу, которая только рассчитывает на свои кулаки, и раз'яснять ей, как и почему все это

---

[1]) Нужно оговориться: листок дошел до нас не полностью, — это затрудняет решительность выводов; но наиболее интересная, резолютивная часть листка сохранилась, повидимому, вся, — это дает основание полагать, что вывод, сделанный на основании знакомства с этой частью, верен для всего листка вообще.

[2]) Она началась 7 февраля 1895 г.; рассказ о ней см. в № 23 «Летучих Листков» Фонда Вольной Русской Прессы от 15 августа 1895 г.

[3]) «Чего следует добиваться портовым рабочим»; в печати он не известен (в упомянутом номере «Летучих Листков» цитируется какое-то другое воззвание), — экземпляр его сохранился в архиве П. Б. Аксельрода, где он лежал в одном конверте с печатаемым нами воззванием о волнениях на Семянниковском заводе; техника выдает принадлежность листка «старикам», — о том, что «старики» забастовкой этой интересовались и в связи с нею выпустили листок, в литературе есть указание в воспоминаниях Т. Копельзона (Сборник «О Ленине», в. III, стр. 21).

происходит и почему надо действовать не так, а иначе. Это вовсе не так трудно, а главное, без этого доля рабочих не переменится. Возьмем хоть бы наш пример. Здесь заранее можно было сказать, что разгром хозяйских построек поведет только к быстрому вмешательству полиции, рабочим заткнут рты, и дело кончится так, как оно кончилось.

Ведь все знают, что и заводчики, и полиция, и вся государственная власть — все они заодно и все против нас. Они рады, что мы пустили в ход кулаки; вышлют они потом тех, кто знает не одну только силу своих кулаков, а вслух об'явят: «как же с такими скотами поступать? распусти их, так они только и станут, что бить!»

И будто бы вышли правы те, к[ото]рых самих надо бы судить, да повыгнать из Питера за то, что не платят во-время заработную плату, берут рабочее время сверх уговора, берут и издеваются. Вот и наш пример показывает, как все эти чистые господа спелись!

Знаете, есть такая игрушка: подавишь пружину и выскочит солдат с саблей. Так оно вышло и на Семянниковском заводе, так будет выходить везде: заводчики и заводские прихвостни, это — пружина; подавишь ее разок, — и появятся те куклы, которых она приводит в движение: прокуроры, полиция и жандармы.

Возьми стальную пружину, надави ее разок, да отпусти — она тебя же ударит и больше ничего. Но всякий из вас знает, что если постоянно, неотступно давить эту пружину, не отпуская ее, то слабеет ее сила и портится весь маханизм хотя бы и такой хитрой игрушки, как наша. Это надо записать каждому рабочему в своем мозгу.

Мы давим на эту пружину толчками, а она на нас давит постоянно; во-первых, нам надо перенять эту ее манеру. Как-никак, а пружина уступает только одному давлению: подавили семянниковские рабочие, глядь, и жалованье выдали, и куколок своих, струхнув, прислали; сам г-н градоначальник послал офицера с деньгами. Поослабла сила давления, — пружина снова оттопырилась и г-н градоначальник, сидя в своем уютном кабинете, распоряжается, кому куда из лучших рабочих ехать из Питера. Значит, давить-то нужно, но уж давить, так давить дружней, всем в одну сторону и не отпускать, а то опять еще больней ударит.

Много дела еще предстоит русскому рабочему, много будет жертв с его стороны, но не безнадежна его работа, и пора, уже давно пора к ней приступать. Да и какой ему выбор ставит сама жизнь? Превратиться совсем в вьючного животного, которое только тупо смотрит, как на него все накладывают одну непосильную тяжесть за другой, — да разве это не равносильно умерщвлению в себе человеческого образа, да и не только в себе, а и в своих ближних, всех, для кого живешь и работаешь?.. Уехать в другое место? Но куда? В родной деревеньке одна нищета, кулаки да розги г-д земских начальников; не туда, а оттуда бежит народ в города. Уйти на другой завод или в другой город? Да разве там не то же? Уехать некуда и приходится колотиться изо дня в день и ждать не сегодня, так завтра, расчета из-за какого-нибудь пустячка или просто потому, что нашелся другой или еще более дешевый заместитель, или заместитель с «протекцией». И если поглубже заглянешь в жизнь, то увидишь, что так будет и впредь, будет расти голодная безработица, увеличиваться число лиц, готовых за грош итти на каторжный труд, будут пользоваться этим всякие хозяева, и полиция и вся государственная власть будут помогать им в этом, по нашим временам «законном» стремлении (как же — всякий свой барыш соблюдает!). И будет это так

до тех пор, пока рабочие не поймут, что неоткуда и негде им ждать спасенья, как только в самих себе, и дружно и неотступно не надавят на ненавистную толпу лиц, живущих чужим трудом.

В борьбе соединенными силами западный рабочий добился уже теперь бесконечно лучшей доли, чем наша доля; в такой же борьбе и нам надо искать спасения. В Англии рабочий получает в 3 раза, а в Америке в 6 раз более, чем наш рабочий, и рабочий день у них меньше, а в Англии жизнь немного лишь дороже, чем в таких местах, как Питер и Москва, в Америке же даже дешевле. О прочем же нечего и говорить: тамошние рабочие свободно собираются и говорят о своих делах, имеют большие кассы для поддержки товарищей на случай стачек и безработицы, издают свои газеты и участвуют даже в управлении государством! Но и там всего этого добились не сразу, и там сначала рабочих гнали и преследовали за попытки к соединению, а фабриканты так же томили их в своих заведениях, как и наши. Но рабочие неустанно боролись и теперь заставляют уже трепетать перед своей силой всякие тамошние власти.

Способность же бороться можно выработать только борьбой.

Чем большее число лиц примет участие в каждом случае ее, чем разумнее и хладнокровнее обсудят они начинаемое дело, тем будет и больший успех всего общего дела рабочих.

Как только где-нибудь на заводе становится невыносимо тяжело, растет общее недовольство, — обязанность каждого понимающего рабочего вмешаться в это дело, соединить желающих бороться, показать, какие требования нужно им выставить всем своим угнетателям, и при уменьи всегда дело пойдет на лад, так что и положение рабочих сейчас же хоть сколько-нибудь улучшится, и увеличится числу лиц, понимающих выгодность такой борьбы.

Если бы на том же самом Семянниковском заводе рабочие, к[ото]рые уже так давно терпели оттяжки выдачи жалованья, обманы и издевательства заводского начальства, сговорились бы заранее в как можно большем числе или совсем бросить работу, или добиться исполнения хотя бы нескольких маленьких требований, вроде немедленной выдачи жалованья по субботам как раз после шабаша, выдачи всего заработка перед Рождеством, — то, действуя не кулаками, а таким общим, определенно высказанным фабриканту соглашением, они, наверно, добились бы этой уступки и без стольких напрасных жертв. Тут же бы они увидели, на кого из товарищей можно больше положиться, кто постоит за себя и других не выдаст, кто друг рабочих и кто их враг, кто больше знает и может помочь своими знаниями и советом; глядишь, на следующий раз вести борьбу было бы легче, и можно было бы добиться еще большего облегчения своего положения. «Борьбы и знаний» — вот чего требует от русского рабочего русская жизнь.

А. ВОДЕН

НА ЗАРЕ «ЛЕГАЛЬНОГО МАРКСИЗМА»

(Из воспоминаний)

Редакция «Летописей Марксизма» выразила желание, чтобы я представил воспоминания о генезисе полулегального русского марксизма 1890-х годов, о членах группы «Освобождение Труда», а главное, — о том, что именно говорил мне Энгельс в 1893 г., когда я имел честь и счастье бывать у него в Лондоне.

Выполняя это задание, я — по причинам самоочевидным — воспроизвожу свою долю в разговорах с этими лицами лишь постольку, поскольку без этого была бы неясна связь. Но для того, чтобы читатель мог представлять себе их собеседником не абстрактного интеллигента эпохи перехода от народничества к марксизму, а человека с моим тогдашним кругозором, я резюмирую ход моего умственного развития и перечисляю мои выступления в Петербурге в 1889—1891 годах.

I

До от'езда за границу

Новгород-Северская гимназия.—Прочтение первого тома «Капитала». — Переписка с Русселем и с Плехановым. — Петербургские кружки. — И. В. Богословский, П. Б. Струве, Р. Э. Классон. — Дебаты в аудитории Свешникова. — Чтения по Туну. — Похороны Шелгунова. — Первое мая 1891 г.

Я рано услышал о «хождении в народ» и о некоторых — прямых и косвенных — его результатах благодаря глубоко запечатлевшемуся в моей памяти обыску у моей матери (двоюродной сестры эмигранта Русселя) и благодаря разносторонним комментариям к этому эпизоду, прервавшему мои обычные занятия.

Во второй половине 1870-х годов мой отец был врачом в Клинцах (Черниговской губ.). Его часто вызывали для оказания помощи — нередко хирургической — фабричным рабочим, и я слышал об'яснение большей части этих несчастных случаев на фабриках корыстолюбием клинцовских фабрикантов и отсутствием в России фабричного законодательства. Поэтому мне не пришлось переживать ломки, сопряженной с отрешением от наивной идеализации капитализма.

Я избежал и ломки в религиозных воззрениях: мне рано поставили на вид, что содержание «священной истории» составляют поэтические легенды.

Новгород-Северскую гимназию я окончил (в 1889 г.) с золотой медалью; но весь строй школьного преподавания внушал мне едва скрываемую антипатию, особенно с тех пор, как я, основательно подготовившись к экзаменам на аттестат зрелости за два года до окончания гимназии, узнал, что это воспрещено особым циркуляром министерства народного «просвещения».

Добившись — еще в низших классах — уменья читать à livre ouvert латинских и греческих авторов, я принялся за новые языки и при поступлении в университет читал интересовавшие меня французские, немецкие и английские книги, все реже

прибегая к словарям. Летом 1887 г. я нашел у знакомых комплект «Современника», а затем и очень хороший подбор французских писателей XVIII и XIX веков.

Осенью и зимой 1887 г. я проштудировал несколько курсов статистики и готовился к заграничному университету. Ослабление зрения заставило меня с'ездить в Харьков, где проф. Гиршман спас мне глаза. Он настоял на продолжительном отдыхе. В феврале 1888 г. я нашел на юге Харьковской губернии у своей матери первый том «Капитала» в русском переводе.

До тех пор мои сведения по политической экономии ограничивались Миллем с примечаниями и (рукописными) лекциями А. И. Чупрова. Приступив к чтению «Капитала», я скоро понял, что эта книга по существу отличается от всего до тех пор мною прочитанного по общественным наукам и что для адэкватного понимания Маркса важно отчетливо выяснить себе его м е т о д.

Раздобыв прежде всего «Энциклопедию философских наук в кратком очерке» Гегеля, я не замедлил убедиться в обязательности и неотложности для меня серьезно заняться историей философии, а главное — историей логики, на которой я впоследствии и специализировался.

Считаю нужным отметить, что пробуждением во мне серьезного интереса к истории философии и логики я обязан «Капиталу» Маркса. Поэтому, слыша впоследствии от «критиков» Маркса, что «диалектика есть нечто внешнее для «Капитала» и что она «только затрудняет понимание наиболее трудных глав», я недоумевал.

Тогда мне удалось проконспектировать только учение о стоимости и главу о продолжительности рабочего дня: меня вызвали в Новгород-Северск «по неотложному делу», а именно для обсуждения вопроса о возобновлении неоднократно проваливавшейся тайной библиотеки. Меня выбрали библиотекарем: мой отец согласился, в случае надобности, выдать книги за свои с условием, чтобы совершенно нелегальные издания не залеживались; кроме того, моя незыблемая, — с точки зрения гимназического начальства, неоднократно убеждавшегося в наличности у меня серьезного интереса к античной литературе, — благонадежность представляла, при местных условиях, серьезную гарантию от провала. Реорганизованная библиотека обслуживала не только учащихся. Я должен был выписывать целесообразнейшие книги, ориентировать, составлять рефераты; например, по истории французской революции: у меня были важнейшие французские историки и монография Кареева по крестьянскому вопросу.

Впоследствии эта тайная библиотека перешла в руки Н. А. Алексеева и его кружка.

В то же время мне предложили привести в порядок фундаментальную учительскую библиотеку, предоставив читать из нее что угодно. За полтора года я проштудировал по логике и по истории философии все, что там было, в том числе Редкина, Куно Фишера, Ланге. Самих философов я решил читать не спеша, тем более, что до-сократики настолько меня заинтересовали, что я тогда же проштудировал важнейшие первоисточники [1]). Впоследствии это пригодилось мне: во-первых, когда Энгельс излагал мне диссертацию Маркса; во-вторых, когда я перепечатывал на пишущей машинке греческие тексты, приводимые в этой диссертации.

Летом 1888 г. я усердно ботанизировал. Тогда я часто встречался со студентом Одесского университета И. Г. Дроздовым, вскоре арестованным и сосланным в восточную Сибирь. Он старался отвлечь меня от «увлечения естествознанием» и пробудить к исполнению долга «критически мыслящих личностей», т.-е. вызвать во мне энтузиазм к студенческим волнениям, от которых я в восторг не приходил, хотя бы уже

[1]) Для тогдашнего «классицизма» и его отношения к ж и в о м у интересу к античной мысли характерно следующее: когда я получил от Киевского учебного округа премию за конкурсное латинское сочинение, гимназическое начальство, не подозревавшее, что мой бойкий латинский слог об'ясняется конспектированием на языке подлинника «Теологико-политического трактата» Спинозы, расточало мне похвалы, отравившие даже удовольствие от отказа от премии в пользу нуждающихся учащихся. А когда мои выписки из до-сократиков были кем-то пред'явлены директору, он начал исправлять «ошибки» т.-е. орфографию фрагментов, написанных на диалектах, пока я не предложил «исправить» также текст Геродота или хотя бы Гомера.

потому, что активнейшие их участники, «пострадав» и скоро выдохнувшись, начинали строчить прошения об обратном приеме и обивать пороги канцелярий... А кроме того, многие тогдашние студенты возмущались, например, тем, что на медицинских факультетах преподавались «ненужные врачам» ботаника и зоология и т. д., а мне русские университеты были антипатичны отсутствием в них «философских» факультетов.

Когда я выражал предпочтение «Современнику» пред «Отечественными Записками», И. Г. Дроздов указывал на непосредственную связь кое-чего в «Отечественных Записках» с народовольческой идеологией. Меня интересовало, какое отношение все это имеет к социализму в европейском смысле, что общего между так определяемым русским социализмом и хотя бы немецкой социал-демократией, о которой И. Г. Дроздов говорил почти с таким же восторгом, с каким он декламировал Надсона. Ответом, что в России — до конституции — социализм означает главным образом проникнутость революционеров социалистическим идеалом, я не вполне удовлетворялся. Тогда я узнал от И. Г. Дроздова о существовании за границей русских «кровных марксистов», полемизирующих с «Народной Волей» и придающих — еще до конституции — главное значение рабочему движению. Я просил ориентировать меня точнее, но И. Г. Дроздов ограничился перечислением фамилий «кровных марксистов» и заглавий их полемических произведений. Из Сибири он переписывался со мной; впоследствии я потерял его из виду. Между прочим он указал мне на статью Валентинова о Родбертусе. Непосредственно полезен для меня был его совет не откладывать прочтения «Капитала» до изучения Гегеля и истории логики, как того требовала моя совесть, взглянуть на дело проще, — тем более, что ведь и Маркса и Гегеля я буду не раз перечитывать, — и использовать как пропедевтику к Марксу Зибера. Зимой и ранней весной 1889 г. я дочитал первый том «Капитала». Тогда же я перевел брандесову биографию Лассаля. Кто-то зачем-то переслал мою рукопись за границу; неисповедимыми путями она очутилась у Энгельса и была пред'явлена им мне, в ночь первого мая 1893 г., как наглядное доказательство существования в России лассальянской ереси; мне не трудно было разубедить Энгельса, не отрицавшего, что русский гимназист в провинциальной глуши мог и хуже затратить время, и улыбнувшегося, когда, на вопрос о мотивах, я сознался, что, переводя биографию Лассаля, я имел в виду выяснить знакомым барышням различие между Лассалем и шпильгагенским Лео.

Зимой и весной 1889 г. я обменялся несколькими письмами с Русселем, один из братьев которого учился в одном классе со мной и жил у моего отца. От Русселя я хотел узнать данные о прожиточном минимуме в Германии и в Лондоне. Руссель моего намерения в русский университет не поступать не одобрил. Он советовал мне не подражать ему, уверовавшему в торжество общинных начал, представлявшееся ему на заре туманной юности столь близким, и оторвавшемуся от отсталой, но родной страны, предостерегал от изолированности от народных масс. Обосновывая свое желание поскорее вырваться за границу, я, между прочим, выразил мысль, что необходимо и желательно вовсе не торжество русских общинных начал, и преподнес своему «американскому дядюшке» рассуждения — весьма наивные и отвлеченные — о благотворности диалектического процесса самоотрицания капитализма. Руссель отвечал, что тем хуже для меня и для моих единомышленников, одного из которых он не замедлил обрадовать, переслав ему мои рассуждения, «от которых Гегелем так и брызжет».

Затем я попросил Русселя выяснить условия приема в швейцарские университеты для особы, намеревавшейся изучать там медицину. В ответе Руссель приложил детальные указания относительно этого, за подписью Р. Боград, а затем — опять-таки через Русселя via Сан-Франциско — я получил и несколько строк от «м у ж а Р о з а л и и М а р к о в н ы», любопытствовавшего, какие именно р у с с к и е книги являются первоисточником моих рассуждений о разложении общины и о самоотрицании капитализма. Я сослался на русский перевод первого тома «Капитала», с другими произведениями автора которого я пока незнаком; что же касается русских книг, в которых эта точка зрения проводилась бы в применении к русскому историческому

процессу, то о существовании таких книг я, к сожалению, только слышал. «Муж Розалии Марковны» отвечал, что он этому не вполне доверяет, хотя и допускает, что при сколько-нибудь внимательном чтении первого тома «Капитала» такие взгляды на общину не только могут, но и должны возникать. Давая более удобный передаточный адрес, он выразил уверенность, что мы встретимся за границей, но просил не упускать из виду, что в Петербурге можно кое-что сделать, и притом в той среде, с которой я буду непосредственно соприкасаться; он советовал не верить утверждениям, что уже в ближайшем будущем целесообразно лишь непосредственное воздействие на тех, к кому прямо хотелось бы обратиться всякому чуткому читателю «Капитала»; он желал знать, какие книги философского содержания я уже прочитал и какие наметил для прочтения. К сожалению, из следующего письма «мужа Розалии Марковны» я помню только непонравившийся мне пренебрежительный отзыв о Н. И. Кареееве и совет заинтересовывать стоящих того интеллигентов не теорией стоимости, а философией истории автора «Капитала», кроме того, упрек мне за чрезмерную осмотрительность, проявившуюся в умолчании о том, какие р у с с к и е книги и т. д. На этом и прекратилась переписка. Тогда я не заинтересовался выяснением личности «мужа Розалии Марковны», предполагая, что Руссель переслал мои рассуждения относительно общины какому-нибудь заграничному специалисту по части составления программ для кружков самообразования, а я этот жанр недолюбливал. Впоследствии мне не раз приходилось убеждаться в том, что Г. В. Плеханов не только в самом деле полагал, что в России никто не в состоянии сделать элементарнейшие выводы из «Капитала» непосредственно, но и не считал нужным скрывать это — столь лестное для россиян — суждение.

Мои попытки заинтересовать провинциальных интеллигентов «Капиталом» были неудачны: учащиеся возмущались предложением приняться за чтение толстой книги; толстовки находили, что в «Капитале», вероятно, то же самое, что и в других книгах о положении рабочих на Западе, а не убеждались, когда я утверждал, что Маркса стоит прочитать хотя бы для того, чтобы перестать удовлетворяться не только этими книгами, но и самим Флеровским.

Единственным читателем привезенного мною в Новгород-Северск экземпляра «Капитала» в 1889 г. оказался преподаватель физики И. С. Кононенко, мечтавший вырваться из окружающей среды и «сесть на землю». Он много рассказывал об учившихся в одно время с ним в Новгород-Северской гимназии Кибальчиче и А. Д. Михайлове, которых тогда еще хорошо помнили в Новгород-Северске, равно как и Русселя.

Мне не удалось уехать за границу сразу, но я предупредил своих ближайших родных, что 1 ноября 1891 г. я возьму документы из университета, выясню, предстоит ли мне отбывать воинскую повинность, а затем меня в России не удержать никакими силами.

Я был очень переутомлен и принял предложение братьев Русселя отдохнуть у них на хуторе в Могилевской губернии.

Старший из братьев Русселя, К. К. Судзиловский, изучивший земледелие на трудовых началах у Энгельгардта, отвел мне участок для корчевания, и этому виду физкультуры я обязан тем, что в Петербурге надорвался не сразу, а только к концу ноября 1889 г.

В начале августа я нашел в Петербурге заработок: я переводил доктору Попову иностранные цитаты для его диссертации и читал с ним «L'Histoire de dix ans». Вообще такого рода работы часто выполнялись мною. Вскоре я прочел группе учительниц, недоумевающих, какое отношение может иметь социализм к педагогике, свой первый реферат: «Социализм и педагогика. Педагогические теории Консидерана».

В университете я поступил на естественный факультет, — удалось до начала занятий определять кривые растворимости солей; затем я усердно работал по ботанике и у П. Ф. Лесгафта, очень хорошо ко мне относившегося, хотя я и перепортил множество препаратов; кроме того, я почти ежедневно занимался по анатомии вместе с приятелями медиками. Но больше всего я занимался математикой: «механический

отдел физики» проф. Фан-дер-Флита и в издании для естественников, и в издании для математиков был для меня слишком элементарен; аналитическую геометрию я уже знал; до ноября я успел проштудировать «Introductio in Analysin infinitorum» Эйлера.

Считаю не лишним отметить это по двум причинам: во-первых, мои сверстники, социально-политическим индифферентизмом не зараженные, не обнаруживали ни малейшей склонности «предоставить науку будущим поколениям»; во-вторых, я лично серьезно хотел сметь свое суждение иметь и его высказывать по вопросам теории методов.

По философии я прочел за это время только «Kritik der reinen Vernunft», а по общественным наукам — второй том «Капитала» и кое-что из французских утопистов.

Предоставляя читателю догадаться, сколько времени мне оставалось для сна, констатирую, что регулярно обедать у меня не оказывалось ни времени, ни желания: деньги я считал более интересным и моральным тратить иначе.

Настроение мое было безотрадно: я воображал, что в Петербурге — интенсивное политическое движение, а подавленность настроения в конце 1889 г. была несомненна: единственная тогдашняя демонстрация (после смерти Н. Г. Чернышевского) воочию обнаружила бессилие организации, поскольку таковая намечалась.

О смерти Н. Г. Чернышевского я узнал из разговора однокурсников в аудитории: передавали, что на демонстрации, наверно, будет много медиков; что священники вряд ли решатся отслужить панихиду; спорили, являться ли на панихиду в форме или в штатском... Кто-то спросил: кто был покойный, и кто-то ответил: известный либерал. Я не выдержал и, резюмируя статьи в «Современнике», постарался выяснить отношение Н. Г. Чернышевского к либералам. Слушали меня очень внимательно, особенно когда я резюмировал статью «Научились ли?», как непревзойденное выражение студенческих требований. Однако кто-то шепнул мне, что в аудитории целесообразнее говорить о чем-либо другом. Тогда я сказал еще несколько слов об «Эстетических отношениях искусства к действительности» и о судьбе этой диссертации и ее автора. Когда я кончил, несколько студентов попросили меня записать им заглавия важнейших статей Чернышевского.

На демонстрации в церкви я стоял с медиками; из церкви вышли стройными рядами; но было совершенно ясно, что продолжение демонстрации на улице ни к чему не привело бы.

Вскоре у меня обнаружились симптомы переутомления, и притом настолько острые, что в конце ноября пришлось уехать из Петербурга. В Москве я посетил беллетриста Мачтета, к которому мне дали поручение личного свойства; помню его рассуждения о том, что старые знамена истрепались, а новых не оказывается.

В Черниговской губернии мне стало еще хуже... Я предположил, что моя работоспособность иссякла, и сделал соответствующий вывод; но три револьверные пули не привели к желанному результату. Родные предложили мне уехать за границу, но я предпочел дождаться 1 ноября 1891 г.

В Петербург я мог вернуться только в апреле 1891 г. Я поселился в очень дешевой и в очень темной комнате у Богословских. И. В. Богословский был математик, лишившийся учительского места за «вредное влияние» на учеников. От него я неоднократно слышал в 1890 г. многие из тех «возражений против русских учеников Маркса», которые не стали более убедительными в статьях народников. Он громил «марксят» — товарищей Р. Э. Классона и меня лично — «за фатализм, равнодушие к страданиям народа, уверенность, что все само собой образуется» и т. д. Приходилось по пунктам разбирать нелепые обвинения, но скоро это надоело.

Я был нужен И. В. Богословскому как переводчик. Он писал такую книгу, «которая положила бы конец шатанию мысли, антиобщественным тенденциям», обосновав «цельное миросозерцание».

Несмотря на мой скептицизм к осуществлению такого рода начинаний, я не отказался перевести для него — он не знал языков — два первых тома контовского

«Cours de philosophie positive» целиком, остальные — все более сокращая, и множество мест — им почти не использованных — из «Dynamic Sociology» Лестера Уорда. Как пробирал меня через два года после этого за приобретение этой книги Г. В. Плеханов, утверждавший, что трактат Уорда можно принять за перевод из Лаврова!..

И. В. Богословский был поэт. Из его произведений помню поэму из жизни русских революционеров и драму «Священник Мелье». По просьбе Богословского я отнес эти талантливые, но тогда совершенно нецензурные вещи в «Северный Вестник», где мне ответили, что «печатают только уже известных авторов» [1]).

Разошелся я с И. В. Богословским через несколько месяцев: его выходки, отчасти об'ясняемые чахоткой, переходили через край. Катаясь на лодке, он настоял, чтобы мы высадились у чьего-то особняка, и проповедывал сбежавшимся лакеям всеобщую забастовку. В холодный осенний день он буквально принудил меня явиться в университет в сером плэде, чтобы «приучить субиков к появлению студентов не в ливрее» [2]). Отдавшего мне визит кузена Русселя он приветствовал как «наймита тиранов» за то, что тот служил по ведомству уделов. Осведомившись, где служит сам И. В. Богословский, «наймит тиранов» полюбопытствовал, не являются ли служащие в банках наймитами буржуазии. Одного моего однокурсника, носившего обручальное кольцо, он приветствовал возгласом: «Ах, дикарь вы этакий! Зулус, ботокуд, папуас, вас бы в музей отправить как образчик атавизма с вашим кольцом! Вы бы еще по браслету сквозь нос и губы себе продели!»

Перехожу к моим тогдашним отношениям с Петром Бернардовичем Струве. Выясняя характер этих отношений, я вынужден просить не упускать из виду, что как П. Б. Струве, так и другие упоминаемые мною лица выступают в моих воспоминаниях такими, какими они являлись мне в те годы, безотносительно к дальнейшему.

В начале мая 1890 г. один из моих товарищей по курсу, находя, что людям, интересующимся сочинениями Маркса, следует познакомиться друг с другом, пришел ко мне с нашим однокурсником, вскоре, впрочем, перешедшим на юридический факультет, а именно с П. Б. Струве. Оказалось, что мы уже знакомы и обменивались мыслями после первых лекций Менделеева.

П. Б. Струве предложил мне пользоваться его книгами. Только благодаря ему я мог тогда прочесть «Нищету философии», «18 Брюмера», «Анти-Дюринг». Затем он и Д. В. Странден выяснили мне весьма существенные моменты в истории немецкой социал-демократии: оба они уже побывали за границей, а в Петербурге тогда было очень трудно ориентироваться относительно этой партии. Вообще П. Б. Струве щедро делился своими сведениями по библиографии рабочего движения. Я лично обязан ему еще и ориентацией относительно научной постановки вопроса о происхождении русской общины.

Вскоре я получил приглашение присутствовать на реферате П. Б. Струве о жизни и деятельности Маркса. Именно этот реферат, приспособленный к удовлетворению очередной и неотложной потребности: ориентироваться в основных фактах биографии Маркса с марксистской точки зрения, «пробил лед»: это был первый осязательный шаг в том направлении, которое в течение некоторого времени приурочивалось к имени П. Б. Струве, например, в стихах, которые так любил цитировать Г. В. Плеханов:

Старый друг народа в вечность отошел,
И ему на смену Пе фон-Струве шел...

Впоследствии П. Б. Струве умалял значение этого своего дебюта как не достаточно оригинального, а Р. Э. Классон, наоборот, усматривал главное достоинство этого реферата в том, что в нем не имелось никакой «струвистской отсебятины».

---

[1]) В 1911 г. я получил от вдовы Богословского томы, в которых излагается «цельное миросозерцание»; не знаю, удалось ли ей издать поэму и драму.

[2]) Плэд не был допущен в стены университета; меня вызвали к инспектору (Цивилькову). Он рявкнул: «Подать его характеристику!», но, пробежав оную, ограничился советом: пропускать лекции в холодные дни.

Благодаря любезности референта я мог прочесть его рукопись. На вопрос: каких добавлений я желал бы? — я отвечал: выяснения философских взглядов Маркса. П. Б. Струве возразил: не все же вдруг!

Вскоре П. Б. Струве прочел реферат о 1848 годе в Германии, в котором останавливался преимущественно на деятельности Маркса и Энгельса. Этим открылся ряд рефератов. Б. Л. Зотов прочел несколько рефератов о декабристах, энергичнейших из которых он изображал народовольцами 1820-х годов. Я прочел несколько рефератов по истории французского социализма. Затем П. Б. Струве надолго дал мне свой — едва ли не единственный тогда в Петербурге — экземпляр «Geschichte der revolutionären Bewegung in Russland» Туна. Я часто читал из Туна по-русски лицам, желавшим узнать детали из сколько-нибудь об'ективного источника. Число интересовавшихся этими чтениями по непредусмотренному тогдашней университетской программой периоду русской истории все возрастало, и зимою я исполнял обязанности лектора по истории революционного движения в России, дополняя Туна по первоисточникам, стекавшимся ко мне в изобилии, заменяя перевод изложением и открывая дискуссии. Но при этом всякий раз обнаруживался один пробел: ни одного из изданий группы «Освобождение Труда» ни я, ни мои слушатели и оппоненты не могли разыскать в Петербурге. Выяснилось, что у технологов имеется какой-то «экстракт» из «Наших разногласий», но они его из своих рук не выпускали. Подробнее о содержании «Наших разногласий» я слышал, с одной стороны, от П. Б. Струве, а с другой — от Б. Л. Зотова, у которого имелся и народовольческий Vademecum по Плеханову. Б. Л. Зотов показал мне и приводившую его и его единомышленников в негодование речь Плеханова на Парижском конгрессе; но всего этого было недостаточно для того, чтобы составить себе отчетливое представление о конкретной программе заграничных «кровных марксистов».

Осенью 1890 г. я познакомился — не помню, на чьем реферате — с Р. Э. Классоном. Один технолог выразил желание, чтобы на предстоящем реферате Р. Э. Классона о первобытной семье, кроме его секундантов-марксистов, «т.-е. технологов», выступали и «антимарксисты, т.-е. студенты университета», с выразительным взглядом на меня. Я выразил недоумение по поводу зачисления Маркса по технологическому ведомству, а меня, — на основании столь несущественного признака, как студенческий мундир, в ряды антимарксистов. Р. Э. Классон пожелал, чтобы в таком случае я после его реферата поддержал не стоявшую в прямой связи с темой этого реферата определенно марксистскую резолюцию. По тогдашнему обычному праву, я тогда же получил для прочтения «Ursprung der Familie», а кроме того мне обещали раздобыть «Die Lage der arbeitenden Klasse in England» и «Манифест», но «экстракта» из «Наших разногласий» все-таки не дали.

С тех пор технологи, — чаще всего сам Р. Э. Классон, иногда его коллеги, всякий раз представлявшие несомненные доказательства того, что они имеют с ним дело, — иногда приходили ко мне с текущей немецкой социал-демократической литературой, которую я возвращал с приложением своего перевода. Они уверяли, что эти переводы проникают в рабочую среду, а меня лично они туда предпочитают не вводить потому, что моя, во всяком костюме бросающаяся в глаза наружность, могла бы ускорить провал едва налаживающейся пропаганды.

Такого же рода переводы поручал мне делать Н. Д. Соколов, — также уверяя, что эти переводы проникают к рабочим. От его имени ко мне заходили и рабочие. Они интересовались не только Туном, но и историей французской революции и тридцатыми и сороковыми годами во Франции. Интеллигентностью они интеллигентам не уступали; иногда я думал, что меня мистифицируют; заметив мое сомнение, мой собеседник стал уверять, что и рабочие в праве интересоваться историей тех стран, где рабочие кое-чего добились.

Чаще всего я встречался тогда с Д. В. Странденом, а из лиц, оставшихся активными участниками движения, я встречался, между прочим, с Н. Л. Мещеряковым.

Мне предложили участвовать в практических занятиях у доцента Свешникова. Я отказывался под предлогом, что я не юрист, но меня познакомили с Свешниковым, и он ничего не имел против участия студентов других факультетов.

Я предложил реферат о праве на труд. Отклонили. Я предложил реферат о «Politique positive» Конта, чтобы поскорее ребром поставить вопрос о суб'ективном методе. И это отклонили, но сочли желательным, чтобы я участвовал в дискуссиях.

Выступления марксистов на этих рефератах в аудитории Свешникова обыкновенно намечались предположительно с распределением ролей, так что эти дискуссии называли «разговорами марксистов промеж себя».

Мне пришлось делать и фактические поправки. В дискуссии после реферата Н. В. Водовозова о Фурье я противопоставил утверждению, что «laissez faire» особенно ярко выразилось в декларациях прав, текст Декларации прав Робеспьера. Кроме того, возражая Н. В. Водовозову, я использовал книгу Бебеля о Фурье, которою именно для этого снабдил меня П. Б. Струве.

Тем неожиданнее для меня было, что П. Б. Струве, тогда нередко щеголявший марксистским «определением государства», счел возможным сделать нижеследующее: после чьего-то прославления культурной миссии государства я поставил вопрос об отношении с о в р е м е н н о г о государства к праву на труд, желая вызвать дискуссию на эту тему и ожидая, что, как было заранее условлено, формулировкам Луи Блана, которого я цитировал, будет противопоставлена точка зрения научного социализма.

Тогда П. Б. Струве заявил, что он не имеет ничего общего с только что формулированным отрицанием в с я к о й государственности.

Зайдя к П. Б. Струве, я просил его указать, на каком основании Луи Блан и — implicite — Лассаль выдаются им за отрицателей всякой государственности.

П. Б. Струве недоумевал: он только воспользовался «первым предлогом», чтобы отмежеваться от анархизма; кроме того, он хотел указать на роль государства, обеспечивающего организованность производства «в реальном, а не в утопическом смысле слова». Я утверждал, что это или лассальянство, или трюизм. П. Б. Струве выразил уверенность, что в аудитории Свешникова почти никто не понял ни меня, ни его...

Затем, П. Б. Струве подчеркнул, что он вообще не понимает и не одобряет интереса к до-марксистским идеологиям, от которых достаточно «раз навсегда отмежеваться», не останавливаясь на таких несущественных различиях в оттенках мелкобуржуазного утопизма, как, например, различие между Луи Бланом и Прудоном. За мой интерес к этим «оттенкам» он назвал меня «истинным социалистом», но был вынужден признать, что этот эпитет прилагался не к французским утопистам, как бы ни были они мелко-буржуазны.

Я попросил указать видовое отличие марксизма. Тогда П. Б. Струве усматривал это отличие в том, что в марксизме нет ни грана этики, что последовательный марксист только констатирует то, что есть и становится, что всякая этическая аргументация в формулировке программных требований есть пережиток утопизма, извинительный у Лассаля, но окончательно искорененный В. Либкнехтом, Бебелем и Каутским, что у Маркса и Энгельса эта реалистическая точка зрения, к сожалению, затемнена гегельянской фразеологией, но что он, П. Б. Струве, намерен проводить эту точку зрения в более адэкватных терминах рилевского критицизма. Не считая себя тогда достаточно компетентным по истории философии, я спор о значении диалектического метода отложил, но отстаивал правомерность изучения до-марксистских идеологий, хотя бы как одного из интереснейших и практически важнейших об'ектов для применения материалистического понимания истории.

П. Б. Струве утверждал, что изучение политической экономии лучше всего начинать прямо с Маркса, и считал счастьем для себя лично, что экономистов других направлений он начал читать, у ж е у с в о и в Маркса. В заключение он выразил мнение, что для ознакомления с французскими утопистами достаточно Л. Штейна, но все-таки мои томы Луи Блана и Прудона перешли к П. Б. Струве, и обратно я их

не получил. Позднее в Лондоне П. Б. Струве говорил мне, что на обыске у него обыскивающие выражали задним числом интерес к моему интересу к этим авторам.

Мои чтения по Туну продолжались: собиралось человек 20—30. Окончились они хаотически. Меня просили прочесть реферат по Туну, предупредив, что, может быть, соберется несколько больше публики; безопасное помещение взялся найти непревзойденный специалист по этой части, Н. Д. Соколов. Я поставил непременным условием, чтобы была дискуссия и чтобы кто-нибудь резюмировал точку зрения Плеханова, хотя бы по «экстракту», который обещали реквизировать у технологов. Как темы для дискуссии, я наметил отношение политической свободы к социалистическому движению и отношение русских революционных идеологий к западно-европейским. Я неоднократно предупреждал тех лиц, на которых имел основание рассчитывать как на участников предполагаемой дискуссии, о своем намерении, в случае ареста, сделать жандармски-административный процесс невозможным, а на настоящем процессе выступать как социал-демократ.

Явившись в условленное место с Туном, конспектами и некоторыми первоисточниками, я очутился в большом зале, переполненном пестрой по составу публикой. Мне тотчас же сообщили, что явились преимущественно знакомые знакомых тех лиц, которые были более или менее непосредственно приглашены на реферат, и поставили на вид, что я должен серьезно считаться с этим фактом; но переменить тему ни я, ни те из близких знакомых, с которыми я имел возможность наскоро посоветоваться, не сочли желательным: Тун и первоисточники все равно явились бы уликами несомненными. Мои предыдущие чтения по Туну меня несколько тренировали. Но то были чтения и дискуссии, на которых я имел в виду лиц, серьезно и вовсе не академически интересовавшихся русским революционным движением и его историей, а теперь, — кроме нескольких знакомых лиц, с которыми я предпочитал обсуждать эти темы в менее многолюдных местах, — я видел перед собой людей, пришедших от нечего делать.

Вручая на следующий день П. Б. Струве его экземпляр Туна, я услышал от него: «Наделала синица славы, а море не зажжено. Басню эту можно бы и больше пояснить». Я просил пояснить, какое море — и какими спичками — кто бы то ни было мог зажечь в переполненном пестрой, случайной публикой зале? Конкретно: корректно ли по отношению ко мне, во всяком случае наиболее рискующему, завлечь меня в такую аудиторию и даже не отозваться на ряд моих предложений открыть дискуссию? Почему никто не поставил мне дельных вопросов, которые я всякий раз слышал на моих предшествовавших чтениях по Туну? Какой смысл имело в данном случае привлечение «широких кругов»? П. Б. Струве безмолвствовал, а «пояснение басни» я услышал в 1895 г., но не от П. Б. Струве, а от В. И. Ульянова (Тулина-Ильина) [1]).

Через несколько дней ко мне явились технологи, не одобрили инициаторов привлечения «широких кругов», выразили недоумение по поводу противоречивых слухов о «сумбурном сборище», заявили, что предпочитают не «словоблудствовать перед четвероногими» (фразеология Р. Э. Классона), а дело делать с рабочими, дискуссию о плехановской программе в «широких кругах» считают вредной, а мысль положить

---

[1]) В 1895 г. (в начале лета) я провел с Владимиром Ильичем и А. Н. Потресовым несколько очень содержательных суток в Ormonts-Dessus: они выразили желание, чтобы я провел их туда из Монтрэ через долину Hongrin'a горными тропинками, подальше от любопытных. В конце лета 1895 г. я еще раз встретился с Владимиром Ильичем на берегах Женевского озера; он предложил мне иметь с ним двухчасовой разговор на теоретические (преимущественно философские) и на — тогда весьма злободневные — практические темы на лодке; этого разговора я не воспроизвожу, потому что, вопреки моему желанию, говорить пришлось больше мне: он потребовал от меня, — подчеркнув, что это нужно, — об'ективной ориентации, а сам ограничивался вопросами и в высшей степени характерными замечаниями. Ограничусь упоминанием, что непосредственно после этого разговора мне пришлось быть очевидцем его спора с Г. В. Плехановым по вопросу о феодализме в России. — По поводу моих чтений по Туну зимой 1891 г. он выразился: для либерала — слишком смело; для марксиста — трата времени.

конец жандармским процессам — вряд ли осуществимой; мне они убедительно советовали временно бездействовать, обещали давать переводы «попрежнему», «а там видно будет».

Мне в самом деле нужна была передышка, и я серьезно занялся кристаллографией с тем результатом, что после экзамена проф. Докучаев предложил мне по окончании курса остаться при университете. Д. В. Странден предложил мне помочь подготовиться и по минералогии; но я сдавал экзамены только за первый курс (я был переведен на второй условно). Мое желание уехать за границу было неизменно; при хронических университетских беспорядках перспектива доцентуры меня привлекать не могла.

Выражение рабочими сочувствия Н. В. Шелгунову мне весьма понравилось; за что мне пришлось — при первом же свидании — выслушать неожиданный реприманд от Г. В. Плеханова. Во время обсуждения деталей демонстрации меня несколько раз посылали к Н. К. Михайловскому, у которого я и прежде бывал [1]). На кладбище я стоял рядом с высланной вскоре студенткой. Когда после одной из речей долго никто не говорил, я сказал несколько слов, упомянув между прочим, что мы чтим Н. В. Шелгунова не только за недавние статьи, но и как ближайшего единомышленника М. Л. Михайлова. Мне посоветовали уходить не с толпой.

Недалеко от кладбища я встретил П. Б. Струве; он заговорил со мной, и наш разговор продолжался на конке, а затем у него, на квартире. А. М. Калмыковой. П. Б. Струве отметил, что Шелгунов едва ли не первый заговорил в русской литературе о «Положении рабочего класса в Англии» Энгельса. Он излагал свои планы дать в близком будущем народникам необходимые раз'яснения относительно идеализации общины, артелей и т. п., относительно особых путей русского прогресса и, не ограничиваясь критикой, обосновать свои взгляды на крестьянский вопрос в России. Многое он намечал шире, лучше, чем написал в своей первой книге.

Материалистическое понимание истории он хотел применять как метод, т.-е., не ограничиваясь повторением классических формулировок, освещать ряд конкретных проблем. «Критического отношения к Марксу» в 1891 г. он не проявлял; о скептицизме по отношению к «прогнозу» речи еще не было. Он подчеркивал, что уважает всех искренних борцов против абсолютизма и его пережитков, но он подчеркивал и свое убеждение в том, что, что́ бы ни делали буржуазные партии, от их полумер и промахов может выиграть только социал-демократия. (Эти слова отчетливо запечатлелись в моей памяти.) Социал-демократию он считал нормальным типом движения для всех стран. Ко всяким попыткам разжижения марксизма путем сочетания его с мелко-буржуазными тенденциями он относился отрицательно. Из буржуазных экономистов он считал брентанистов... подающими надежды на то, что они понемногу усвоят кое-что из Маркса под давлением «принудительной» логики фактов. Все это я слышал тогда от него не раз, и это звучало как выражение искреннего убеждения.

В русской публицистике он находил редкие оазисы, к числу которых причислял, например, статью Чернышевского «Научились ли?», которую он раз прочел вслух как адэкватнейшую постановку студенческого вопроса, предлагая присутствующим догадаться, когда это написано. По поводу репрессий после демонстрации на похоронах Шелгунова он выражал надежду, что мщение не заставит себя долго ждать, и притом не только в форме «индивидуальных актов».

Слово «национал-либерал» он употреблял как ругательство; всякий национализм (напр., в «Reden an die deutsche Nation») он считал патологическим явлением.

Его тогдашнее отношение ко всякой метафизике выразилось, например, в том, что, когда (на вечеринке в годовщину основания Петербургского университета) П. Ф. Лесгафт советовал проникнуть в смысл мировоззрения Спинозы, П. Б. Струве резко протестовал против призывов не к общественной деятельности, а к метафизике, и выразил надежду, что подобные призывы останутся безрезультатными. Еще резче

---

[1]) Никаких симптомов озлобления против марксизма он тогда не обнаруживал и выражал сожаление, что «Валентинов» не пишет в легальных журналах.

были его рассуждения о В. С. Соловьеве, экземпляры статей и трактатов которого П. Б. Струве испещрял замечаниями на полях, свидетельствовавшими о таком негодовании против самой постановки вопросов этики не с классовой точки зрения, по сравнению с которыми бледнеют наиболее резкие укоризны ортодоксальных марксистов по адресу самого П. Б. Струве. К истории философии П. Б. Струве всегда относился свысока.

И тогда, и уже в Лондоне (при обсуждении «Zum sozialen Frieden» Шульце-Геверница) я изумлялся резкости его суждений — не о какой-нибудь «редкой, бразильской бабочке» (он уличал меня в «коллекционировании раритетов» в истории мышления), а о Карлейле: он не признавал даже значения карлейлевской переоценки ценностей по отношению к деятелям 1640-х и 1650-х годов.

Из моей петербургской жизни остается отметить еще то, что—по приглашению технологов — я с'ездил на лодке на взморье с врученным ими мне предварительно экземпляром резолюции; выслушал речи других, говоривших с лодок, ораторов и обосновывал эту резолюцию. Затем я вернулся к Стрелке, а о дальнейшем ходе этой первомайской демонстрации на суше узнал от технологов через несколько дней.

II

Первые заграничные впечатления

На Австро-германской границе. — В Берлине. — У Р. Э. Классона во Франкфурте-на-Майне. — У П. Б. Аксельрода в Цюрихе. — У Морнэйских отшельников (1892—1893).

В ноябре и декабре 1891 г. я штудировал (в Черниговской губернии и в Киеве) Гегеля.

В середине января 1892 г., переезжая в вагоне четвертого класса австро-прусскую границу, я был задержан прусским жандармом на станции Myslowicz-Osweczim и препровожден обратно в Австрию за то, что у меня не оказалось при себе достаточного количества денег для того, чтобы уехать в Америку, куда, по соображениям жандармов, я только и мог желать ехать. Сначала жандармы отказывались верить, что я студент и стремлюсь не в Америку, а в Берлинский университет, а когда темно-зеленый цвет моего пальто доказал, что я только что был студентом в России, меня доставили на русскую границу. Русские жандармы констатировали, что мой паспорт и австрийская виза в порядке, принять меня отказались и выругали своих прусских коллег за усердие не по разуму, указав им на вздорность высказанного ими предположения о вывозе запрещенных книг из России. Прожив недолго в Кракове, я беспрепятственно переехал австро-прусскую границу в Одерберге во втором классе. Это был первый предметный урок относительно die Freiheit, die ich meinte...

В Берлине меня встретил и ориентировал студент Карфункель. В прусской столице я нашел очень культурную русскую колонию; там жили тогда, между прочим, д-р Гельфонд («Парвус»), д-р Н. Рейхесберг, — вообще я не находил столь высокого уровня интеллигентности и порядочности в русской среде ни в одном из заграничных городов. Я работал в химической лаборатории, посещал «Уранию», изучал историю социал-демократии и т. д. Разрешения на жительство в Берлине мне долго не выдавали: сначала под предлогом, что на моем паспорте только австрийская виза, требовали германской визы от «германского», а затем даже от прусского консула в Берлине; затем мне сказали: «он» посещает собрания, покупает социал-демократические брошюры и «он» хочет, чтобы ему дали — во всякое время могущее быть отобранным — разрешение проживать в Берлине! Я констатировал, что — стилистически — обращение на «er» такой же архаизм, как английское «thou». Зайдя в редакцию «Vorwärts», чтобы побудить «товарищей» протестовать против произвола прусских властей на границе, я услышал от этих «товарищей», что такие местные инциденты имеют лишь местное значение и не представляют интереса для центрального органа партии, тем более, что дело шло о русском. В мою комнату на Invaliden-

strasse и при мне, и без меня являлись агенты; мне это надоело; я был переутомлен и хотел отдохнуть в свободной стране.

Получив, наконец, Aufenthaltserlaubnis в середине мая, я в тот же день уехал из Берлина. По дороге в Швейцарию я заехал во Франкфурт-на-Майне по настойчивому приглашению Р. Э. Классона, служившего там на заводе, и пробыл там с неделю.

Я обязан констатировать, что я не мог не считать Р. Э. Классона наиболее дельным и вдумчивым из тех активных русских марксистов, с которыми я имел дело до тех пор. Он живо интересовался социалистической литературой — не только немецкой; его отзывы о книгах были метки, продуманы и прочувствованы. Уже тогда, обсуждая возражения против теории концентрации капиталов и иронизируя насчет мелких двигателей, как панацеи против концентрации, он доказывал осуществимость и целесообразность использования мощных источников энергии.

К реальным перспективам для рабочего движения от достижения социал-демократией власти Р. Э. Классон уже тогда (в мае 1892 г.) относился весьма скептически, при чем этот скептицизм вытекал не только — как у тогдашнего Парвуса — из соображений относительно трудности осуществлять социалистический строй в отдельных странах, но и из наблюдений над провинциальными социал-демократами и их образом действий не на парадных собраниях, а в повседневной практике. Относительно рабочего движения в России Р. Э. Классон выражал уверенность, что его рост в ближайшем будущем приведет к массовым вооруженным конфликтам, и с увлечением развивал свои соображения о целесообразнейшей постановке технической стороны уличных боев. Для себя лично он предусматривал арест вскоре после возвращения в Россию, но подчеркивал, что и в дальнейшем он удовлетворится только революционной деятельностью.

Меня он побуждал выяснить Плеханову (полагая, что я еду прямо на берега Женевского озера, он направил меня не к Аксельроду, а к «женевскому божку»), что на золотой дождь из России нельзя рассчитывать, ибо там деньги нужны для работы на местах, и что средства на издание литературы и на транспорт будут отпускаться при непременном условии тщательного контроля над целесообразностью их расходования. Кроме того, он поручил мне изложить Плеханову пожелания своих петербургских товарищей относительно целесообразнейшей литературы для рабочих. Он рассчитывал, что я подготовлю почву, а затем он и сам побывает и у Аксельрода, и у Плеханова и внушит кому следует «надлежащие мысли».

На швейцарской границе (на вокзале в Шаффгаузене) во мне заподозрили немца-дезертира и грозили препроводить назад в Германию, но затем разрешили направиться к водопаду. «Beau pays, tristes habitants» — слышал я нередко от самих швейцарцев.

У меня была записка от Парвуса к П. Б. Аксельроду. День, проведенный мною с Павлом Борисовичем в Цюрихе, принадлежит к числу моих отраднейших заграничных воспоминаний. П. Б. расспрашивал меня о Петербурге и о Киеве с живым интересом; шелгуновскую демонстрацию он очень одобрял, откровенно признавал, что они мало осведомлены о том, что в России на самом деле происходит, от рассказа о мае 1891 года пришел в восторг; технологов порицал за монополизирование «экстракта» из «Наших разногласий»; сожалел о неудовлетворительности транспорта; выражал полную готовность сообразоваться с желаниями русских товарищей относительно характера литературы, но предупреждал, что с «Жоржем» будет трудно столковаться.

Меня он уговаривал пожить в Аффольтерне; но я спешил в Лозанну по личному делу. Он настойчиво советовал мне во французской Швейцарии не засиживаться, а Женеву именовал отвратительной дырой; рекомендовал мне поскорее поселиться в южной Германии, держаться подальше от русских кружков, дать забыть о себе в Петербурге, основательно поправить расшатанное здоровье и вернуться в Россию с дипломом [1]).

[1]) Из этих советов я своевременно не мог, к сожалению, исполнить ни одного: вышло так, что во французской Швейцарии я очень скоро надолго утратил свободу передвижения и застрял в ней, горьким опытом убедившись в правильности предупреждений П. Б. Аксельрода.

О русских цюрихчанах П. Б. Аксельрод отзывался в общем весьма неодобрительно; прямо говорил, что с «толковыми либералами» проще и приятнее иметь дело: они дают деньги и не мешают дело делать, а заграничные «товарищи» денег не дают, а дело делать мешают. Но все-таки он утверждал, что русские колонии в Берне и даже в Цюрихе выносимее женевской.

Он выразил сожаление, что я явился не в качестве официального уполномоченного от петербургской организации; но я, констатировав, что не имею чести к таковой формально принадлежать, старался убедить его, что для роли официального уполномоченного не годился бы, и утешал его перспективой, что он вскоре будет иметь «сомнительное удовольствие» [1]) беседовать с одним из активнейших петербургских деятелей. И, не называя имени, я передал одно из поручений Р. Э. Классона к Плеханову, а именно предупреждение, что на деньги из России в большом количестве рассчитывать не следует. Тогда П. Б. Аксельрод стал выяснять мне, что деньги за границей очень нужны; что очень целесообразно было бы избавить издательство от крайне стеснительной материальной зависимости от заграничных русских; что было бы чрезвычайно полезно устроить так, чтобы такие силы, как Парвус, могли не отвлекаться работой не для России.

П. Б. Аксельрод выражал уверенность, что в ближайшем будущем в Германии установится такой режим, при котором можно будет перенести русское социал-демократическое издательство в Кенигсберг.

Мне П. Б. выяснил многое неясное для меня в движении семидесятых и начала восьмидесятых годов, в том числе и деятельность Русселя, о котором я, кроме достоверных фактов, слышал и множество легенд. На прощанье П. Б., выразив предположение, что мне не чужды философские интересы, убедительно советовал уклоняться от разговоров на философские темы с Плехановым. Я отвечал, что читал я по философии еще очень мало, так что вряд ли могу быть сколько-нибудь интересным собеседником. П. Б. повторил свой совет, предупреждая, что Г. В. Плеханов оказывается недовольным как в случае обнаружения неизбежных между интересующимися философскими вопросами разногласий в оттенках понимания Гегеля, по его (П. Б.) мнению, не столь существенных для теории и несущественных для практики революционного марксизма, так и в случае полного согласия, ибо вполне во всем соглашающиеся с Георгием Валентиновичем высмеиваются им как умеющие лишь повторять чужие мысли; поэтому полезнее с Г. В. о философии не говорить. Убедившись, что я не имел никакого представления об Авенариусе, П. Б. обратил мое внимание на его труды [2]), предупреждая, что Г. В. считает излишним, чтобы марксисты читали Авенариуса, неокантианцев и т. д. иначе как с полемическими целями, а он лично так далеко не идет, философию же считает яблоком раздора между людьми, которым следовало бы дружно работать.

В Лозанне родственники Классона передавали мне его запросы: повидался ли я уже с «женевским божком»; но я в Морнэ не спешил... Предварительно я несколько раз прочел произведения Плеханова: мнение мое, — и не только мое, а и большинства только что из России приехавших читателей, — было: «Социализм и политическая борьба» — великолепно; «Наши разногласия» — растянуты, а главное — программа, превосходно намеченная в речи на Парижском конгрессе, еще должна быть выработана в деталях, и притом применительно к очередным потребностям русского движения.

В Морнэ я в первый раз побывал в средине июня 1892 г. Георгий Валентинович и Вера Ивановна, сначала представленная мне как «Н. Бельдинская», встретили меня очень радушно. Г. В. одобрял, что я не устремился в Париж, а заинтересовался прежде всего Берлином; одобрил и мое желание подольше пожить в Лондоне. В отличие от некоторых берлинских товарищей, журивших меня за чтение памфлетов Рихтера, Г. В. рекомендовал принимать к сведению и возражения противников и немедленно

---

[1]) Я предчувствовал, что с Р. Э. Классоном ему не суждено ужиться в мире и добром согласии.

[2]) Эмпириокритицистом я не стал, о чем свидетельствует мое предисловие к переводу вундтовой критики эмпириокритицизма.

преподнес мне «Историю немецкой социал-демократии» Меринга в ее тогдашнем виде, подчеркивая наиболее пикантные места. «Бельдинскую», не замедлившую приподнять забрало и сразу очень хорошо ко мне отнесшуюся [1]), он попрекал за то, что в полемике она умеет вонзать куда следует кинжал, но из ложной гуманности не переворачивает его несколько раз в зияющей ране. Он опасался, что у Веры Ивановны нашлись бы смягчающие обстоятельства даже для Лаврова, этого эклектика, «округляющего философию». Последовало картинное изображение процесса «округления философии», т.-е. подбора отовсюду отрывков мыслей, выдергиваемых из связи и претворяемых по образу и подобию автора «Опыта истории мысли до истории», как Г. В. именовал opus magnum Лаврова. Затем был изложен ряд анекдотов о журнале «Вперед», о свидании Лаврова с Гамбеттой, о том, как один французский радикал, выслушав от самого Георгия Валентиновича изложение народнической программы, изрек: «Mais, Plekhanoff, quand vous serez ministre, il faut faire quelque chose pour le peuple». На прощанье Г. В. резюмировал сущность суб'ективного метода как «уверенность в несуществующем как бы в существующем», добавив, что, впрочем, «дураками всякое дело красится и цветет».

На следующее утро Г. В. не поверил мне, что я уже выкупался в Арве, так как она слишком холодна, а затем начался разговор по существу.

Я передал ему пожелания группы технологов в формулировке Р. Э. Классона. Г. В. очень неодобрительно отнесся к желанию иметь только «литературу для рабочих». С очевидно долго накоплявшимся раздражением он утверждал, что под этим—по крайней мере, в заграничной русской среде — обыкновенно кроется лень, нежелание самим научиться марксистски мыслить. Вера Ивановна заметила, что марксистски мыслить пропагандисты могут выучиться только на практике. Они осведомились о моих личных пожеланиях относительно литературы. Я выразил свое убеждение в целесообразности безотлагательно издать ряд кратких, но содержательных и не конспективных обзоров рабочего движения в разных странах с марксистской точки зрения с необходимыми введениями, об'ективно резюмирующими обособление рабочих партий от буржуазных, и выразил свою готовность быть полезным в этом отношении, а в первую очередь я считал желательным краткий об'ективный очерк русского революционного движения с марксистской точки зрения без полемики задним числом, но с отчетливым резюме сменявших друг друга идеологий; добавив, что, не состоя формально членом группы [2]), я выражал свое личное мнение, составившееся у меня по опыту при моих чтениях по Туну, отвечавших — за исключением попытки привлечь широкие круги — серьезной потребности. Г. В. согласился, что издать исторические обзоры рабочего движения и краткую историю русского революционного движения в самом деле следовало бы, но и то, и другое непременно с полемикой. Он осведомился, что из изданий группы «Освобождение Труда» имелось в Петербурге, и полюбопытствовал, какие возражения формулируют петербургские эпигоны «Народной Воли». Он отказался верить, что в Петербурге их изданий вовсе не имелось, и недоумевал, зачем я отрицаю, что я читал его произведения еще до 1890 г. Я недоумевал. Он осведомился, в чем же выражается фактически деятельность группы технологов; монополизирования ими «экстракта» из «Наших разногласий» он не одобрял; выражал опасение, что из этого «экстракта» удалено принципиально

---

[1]) Весной 1896 г. В. И. очень обрадовалась моему появлению в Лондоне, где она чувствовала себя изолированной. От меня она узнала о разговорах, происходивших летом 1895 г. между Плехановым и петербуржцами: Владимиром Ильичем и А. Н. Потресовым, а затем и с П. Б. Струве о сожженном марксистском сборнике и т. д.; я был участником этих разговоров; она называет в связи с этим меня в недавно напечатанном письме к Г. В.: почему-то после упоминания обо мне (по имени и отчеству) в напечатанном тексте стоит вопросительный знак. И впоследствии В. И. поддерживала очень хорошие личные отношения со мной и с моей женой; я очень сожалею, что не сохранилась ее очень продолжительная переписка с нами из Цюриха и уже из Петербурга. В 1901 г. в Мюнхене она примирила «Nedow'a» с Г. В., неоднократно бывавшими у меня в Мюнхене.

[2]) Формально я никогда членом партии не состоял, если не считать «лозаннской группы», самое существование которой я категорически отрицал.

существенное, и предположение, что народовольческий «Vademecum по Плеханову», о котором он только что слышал, содержательней. Ответ на вопрос о конкретных проявлениях активности технологов я отложил до возвращения Веры Ивановны, вышедшей за покупками. Г. В. одобрил попытки вызвать дискуссию об его точке зрения. Когда вернулась В. И., я сказал, что технологи меня к рабочим не вводили. Упоминание о делаемых мною в Петербурге по их заказу переводах с немецкого вызвало недоумение: как же это люди получают немецкую социал-демократическую литературу, но не имеют русской. Он выразил предположение, что мне не приходилось встречаться в Петербурге с активными социал-демократами. Я констатировал, что относительно активности технологи заслуживают всяческих похвал; но когда я упомянул о выражении рабочими сочувствия Шелгунову, Г. В. резко порицал, что марксисты допустили это выражение сочувствия со стороны рабочих «либеральному публицисту»: марксистам следовало бы о т г о в а р и в а т ь рабочих от таких выступлений, способствующих затемнению классовой точки зрения. Он смягчился, только услышав, что Шелгунов когда-то упоминал о «Положении рабочего класса в Англии». Он спросил, что же еще сделали технологи, и, услышав о маевке 1891 г., воскликнул: «Быть не может! Кто-то что-то об этом в Цюрихе рассказывал; но, если бы эта маевка в самом деле состоялась, мы здесь точно были бы осведомлены о ней».

Я стал прощаться; но Вера Ивановна упомянула, что она слышала от туземного населения о моем купанье в Арве и что, пожалуй, и первомайская демонстрация 1891 г. не вымысел. Она пожелала узнать подробности и спросила, говорю ли я как очевидец, или со слов других. Я, обращаясь уже к ней, рассказал и о той части демонстрации, в которой я лично участвовал, о чтении резолюции и речах с лодок на взморье, и о той, о которой я слышал от непосредственных участников.

Они взяли с меня слово заглядывать в Морнэ почаще и дали несколько поручений к Розалии Марковне в Женеву.

Розалия Марковна всегда производила на меня впечатление самоотверженной труженицы, сознательно жертвовавшей возможностью проявлять свой незаурядный талант, чтобы посвящать себя заботам о «Жорже» и о детях. В редкие для нее минуты отдыха она обнаруживала тонкую наблюдательность, своеобразный юмор и изящный вкус. Я обязан ей не только моральной поддержкой в очень тяжелые для меня дни, но и медицинской помощью: она приводила меня в чувство при обмороках, промывала часто открывавшиеся у меня огнестрельные раны на голове и т. д.

Когда я опять посетил недели через две морнэйских отшельников, они предложили мне поселиться поближе к ним, находя, что — в конспиративном отношении — это, в сущности, безопаснее, чем частые поездки взад и вперед. Я прожил в Морнэ недели три, пока не нахлынули дачники, а осенью из Монтрэ и зимой из Лозанны я часто приезжал или приходил к ним.

От разговоров на философские темы я сначала воздерживался, утверждая, что я почти ничего не читал, но Г. В. представил мне, во-первых, мое письмо в Берлин, в котором химикам, желавшим ориентироваться в Vorgeschichte понятий: атом, молекула, элемент, сила, энергия..., давался ряд указаний на важнейшее в философской литературе относительно этого; во-вторых, он показал мне совершенно забытое мною письмо к нему от 1889 г., и только тогда для меня выяснилось, с кем я тогда переписывался.

За это время Г. В. осведомился «в разных местах» о маевке 1891 г.; выразил готовность напечатать и мои слова, сказанные с лодки, но согласился, что существенное значение имеют только речи рабочих. Показался в Швейцарии и сам Р. Э. Классон, о чем Р. М. Плеханова со всеми онерами изложила в комментариях к напечатанным ею показаниям Р. Э. Классона, в которых он амикошонствовал с жандармами — излагал — не понимаю для чего — им, что я «бывал в Морнэ от нечего делать» и т. д.

Тогда Р. Э. Классон был недоволен, что я не сумел или не захотел «подготовить почву для внушения эмигрантам надлежащих мыслей». Я очень часто встречал его в Лозанне и несколько раз в Морнэ, уклоняясь от присутствия на конкретно-деловых разговорах между ним и Плехановым. Впоследствии я слышал от Мотовиловых (род-

ственниц супруги Р. Э. Классона, у которых я давал уроки, которые потом передал Н. Н. Слещовой-Винярской), что Р. Э. Классон неоднократно и детально писал из Женевы и ее окрестностей своей супруге, жившей в Лозанне, излагая в подробностях и не стесняясь в выборе выражений, что́ именно он слышал и кого он встречал в Морнэ, а затем эти письма, привезенные супругою Классона в Петербург, были обнаружены жандармами на случайном обыске, так что Классон *не мог отрицать*, что он встречался у Плеханова со мною и с Шуйловым (Классеном). Но этому как будто противоречит то, что, с одной стороны, Классон, долго ведший со мною конспиративную переписку уже из Петербурга, настойчиво рекомендовал мне соблюдать сугубо осторожность в письмах к нему. С другой стороны, в мае 1893 г. он настойчиво звал меня *из Лондона* в Лозанну (он жил в Лозанне в моей комнате), а затем в июле 1893 г. он сообщил мне, что их группа постановила «валить на заграничников все, что можно»... В мае 1894 г. Л. В. Миловидова-Кудрявская передала мне от имени Р. Э. Классона предостережение в Россию в ближайшем будущем не являться, так как он был вынужден дать обо мне какие-то показания.

В 1892 г. и весной 1893 г. Г. В. относился к мысли помещать что-либо в русских легальных журналах чрезвычайно скептически; мне едва удалось убедить его в конце 1893 г. послать через меня небольшую статью в «Северный Вестник»; оттуда последовал отказ, мотивированный тем, что редакция не уверена, сумеет ли автор статьи ответить на неминуемые реплики Михайловского и других задетых писателей [1]).

Тогда (в конце 1892 и в начале 1893 гг.) Г. В. Плеханов находил, что из попыток формулировать и обосновать марксистские тезисы в русской легальной печати по существу дела ничего путного выйти не может, потому что в этой области теория и политические приложения настолько неразрывно связаны друг с другом, что, если бы даже и удалось что-либо напечатать легально, неизбежен ряд недоразумений, за которые — ввиду легальных недомолвок — придется расплачиваться путаницей в представлениях местных деятелелей-интеллигентов, в подготовке кадров которых он усматривал свою очередную задачу.

Впоследствии А. Н. Потресову стоило не малых усилий побудить Плеханова практически отказаться от этой точки зрения на легальный марксизм; да и то Г. В. Плеханов продолжал убеждать и его, и П. Б. Струве поскорее перенести центр литературной деятельности за границу. Он злорадствовал по поводу конфискации марксистского сборника, признавая именно статью «Тулина» наглядным доказательством невозможности *легально высказать по существу нелегальные мысли*.

Об этом он со мною очень часто говорил, выражая намерение использовать меня при отстаиваемом им расширении рамок заграничной печати.

Летом и осенью 1892 г. я часто видался с Л. И. Аксельрод; она была активной участницей дискуссий и довершала для меня курс политической пропедевтики, обнаруживая при этом свойственную ей основательность. Когда я, проведший детство в «русском Манчестере», Клинцах, уверял, что не нуждаюсь в подробных доказательствах существования в России капиталистической эксплоатации фабричных рабочих, Л. И. была непреклонна, и меня не минул ни один из аргументов, применявшихся тогда при обращении неофитов; зато я до пресыщения узнал и контр-аргументы; все стадии обращения были предусмотрены: я выражал согласие, но раздавалось: нет, постойте... противники возражают то-то и то-то; а им следует процитировать то-то и то-то... И меня потянуло от этой схоластики «на простор широкий»... в Лондон.

---

[1]) Недавно я читал где-то, что эта попытка напечатать небольшую статью в «Северном Вестнике» и отказ редакции с вышеприведенной формулировкой относятся к 1898 г., т.-е. что она была произведена не *на заре* легального марксизма, а в эпоху, когда... уже давно «из-за границы Бельтов прикатил».

ПИСЬМА М. БАКУНИНА К ГРАФИНЕ Е. В. САЛИАС

ПРЕДИСЛОВИЕ

Печатаемые ниже семь писем Бакунина к гр. Салиас охватывают двухлетний период, с 28 октября 1862 г. до 13 декабря 1864 г., относясь, впрочем, кроме первого, к 1864 г.

Прежде всего об адресатке этих писем.

Елизавета Васильевна Сухово-Кобылина (1815—1892) — москвичка, дочь генерала, получила хорошее образование. За границей вышла замуж за французского графа Андрэ Салиас-де-Турнемир, от которого имела сына, впоследствии писателя, Евгения Андреевича Салиас-де-Турнемир (1841—1902), но с которым разошлась. По возвращении в Москву сошлась с либерально-профессорскими кругами (Грановский, Кудрявцев) и открыла литературный салон. Между прочим, в Москве она сблизилась с Н. П. Огаревым, у которого с нею в сороковых годах был даже неудачный роман; в шестидесятых годах, когда Салиас проживала за границей, у Огарева любовь к ней на время снова вспыхнула [1]).

Во время студенческих беспорядков 1861 г. Третьим отделением получен был донос, приписывавший влиянию графини Салиас, жившей в одном доме с проф. Вызинским (его имя упоминается в письме Бакунина от 1 февраля 1864 г.), революционное настроение московских студентов, в числе которых находился тогда ее сын, якобы «усвоивший под руководством матери понятия весьма предосудительные и служащий вредным примером для своих товарищей». В действительности графиня Салиас была довольно умеренной либералкой, а сын ее впоследствии выказал себя человеком, вообще весьма далеким от всякого либерализма. Однако этого доноса оказалось достаточно, чтобы за графиней был установлен полицейский надзор.

25 ноября 1861 г. графиня Салиас выехала за границу (куда она наезжала спорадически). Проживала она то в Версале, то в Париже, то в Фонтенебло. В Париже с нею встречался Герцен, рассказывающий об этом в своих письмах. Он называет ее «доброй, экзальтированной женщиной», но отмечает умеренность ее взглядов. Польскому восстанию она вполне сочувствовала, что было известно и русскому правительству (между прочим, при аресте литератора Н. Альбертини у него найдены были письма графини Салиас от 1864 г., свидетельствовавшие о ее симпатиях делу Польши). Но симпатии ее склонялись больше к правому, «белому», аристократическому крылу польских националистов, чем к левому, демократическому, «красному», что и отмечается в письмах Бакунина к ней.

Печатаемые нами письма Бакунина к графине Салиас до сих пор были неизвестны в литературе. Они хранятся в «Раперсвильском музее», созданном в Швейцарии польскими эмигрантами. Копии с них были любезно предоставлены нам польским правительством для подготовляемого нами к печати полного собрания сочинений и писем М. А. Бакунина.

---

[1]) О литературной деятельности гр. Салиас (Евгении Тур) и ее сына мы здесь не говорим, ибо это не относится к нашей теме.

Для биографии Бакунина эти письма дают ряд новых и весьма интересных штрихов. В частности, они характеризуют отношение Бакунина к двум основным направлениям, боровшимся в польском движении 1862—1864 г.г., «белому» и «красному». Все симпатии Бакунина принадлежат последнему, хотя он лично, особенно с 1864 г., идет гораздо дальше его, высказываясь за «хлопскую» Польшу, до чего не решались договориться даже самые крайние из польских революционеров.

Бакунин отмечает, что реакционная политика «белых» не только убивала движение в самой Польше, но и подрывала сочувствие европейской демократии к борьбе поляков за свое национальное освобождение (письмо от 5 января 1864 г.). И когда до него дошли слухи о перемене настроения среди польской эмиграции в Париже в сторону большего демократизма, он уже не верил в благодетельные результаты этой перемены, наступившей слишком поздно. То, что он говорит здесь (письмо от 18 марта 1864 г.) об «историческом грехе отеля Ламберта», почти буквально совпадает с тем, что он писал Герцену в 1863 г. Разочаровавшись в движении 1863 г., из которого, по его мнению, могла родиться и революция в России, Бакунин возлагает отныне свои надежды на социальное восстание низов, которое должно разрушить старый мир. Начинается его переход от увлечения буржуазно-демократическими и национально-освободительными движениями к анархизму, к «всеразрушению», который (после временного рецедива буржуазно-демократических увлечений, например увлечения Лигой Мира), к концу 1868 г. превращает его в «апостола анархий».

В этом отношении особенно характерно письмо от 18 марта 1864 г., а именно начало его, где он говорит о предпочтении им разрушительной тактики. Предоставляя другим строить и издеваясь над напрасным трудом строительства из гнилых материалов, он избирает себе разрушение обреченного на слом старого мира и заранее упивается «суровой поэзией разрушения». Это место сильно напоминает развитие аналогичной мысли в известной прокламации 1869 г. «Начала революции», которую историки упорно приписывают Нечаеву, но которая в действительности несомненно принадлежит Бакунину.

Значительный интерес представляет также описание визита Бакунина к Гарибальди (письмо от 1 февраля 1864 г.). Состоялась ли вторая поездка Бакунина на Капреру, о которой говорится в письме от 18 марта, мы не знаем. Новые данные о разрыве Бакунина с гр. Муравьевым-Амурским содержатся в письме от 5 января 1864 г.

Ю. Стеклов.

ПИСЬМА М. А. БАКУНИНА К ГРАФИНЕ Е. В. САЛИАС

1

Лондон, 28 октября 1862 г.
10. Paddington Green. W.

Я не имею чести быть Вам знакомым лично. Знаю даже, что как человека политического Вы меня не милуете. И все-таки обращаюсь к Вам с просьбою для меня весьма важною. Вот в чем дело. . .

Решившись бежать из Сибири, я должен был оставить жену в семействе ее родных, в Иркутске. Об этом я предуведомил во-время братьев еще из Иркутска [и] просил их немедленно принять меры для доставления ей средств ехать в Россию. Письма мои были получены ими в конце мая или в начале июня 1862 года. Но до сих пор они, кажется, не сделали ничего. Эта непостижимая и, по меньшей мере, несчастная медленность, похожая, как две капли воды, на совершенное равнодушие, не может быть об'яснена отсутствием средств потому, что наш общий приятель И. С. Тургенев в то же самое время предложил им дать им взаймы деньги, нужные на поездку жены. Они отказались, своих не послали, долго не находили даже нужным написать ей несколько добрых, успокоительных слов.., одним словом, совсем изменили доверию моему к ним, но тако[во]е было до сей минуты смело и непоколебимо. Не стану осуждать братьев. При таких расстояниях и в своем собственном деле трудна справедливость. Они люди добрые, благородные и честности несомненной. После долгой и тесной дружбы, я разошелся с ними по тем же самым политическим причинам, по которым, вероятно, никогда не сойдусь с Вами. Но это не мешает мне признавать их несомненно высокие качества, не мешает мне также и обратиться к Вам с полною верою, как к другу моего друга Огарева [1]).

После долгого, долгого и несказанно мучительного для меня молчания, я, наконец, получил письмо от жены из Иркутска от 5/17 июня. Не получая ни писем и никаких известий от моих родных, она, бедная, решилась было выехать, наконец, из Сибири собственными средствами, собранными ею с помощью ее небогатых родных. Ее не пустили. В это время генерал-губернатор Корсаков, — человек добрый, честный, хотя и ограниченный и немного наш родственник, — был в отлучке, на Амуре. Место его занимал временно николаевский генерал Жуковский. Он не пустил, говоря, что должна сперва испросить высочайшего соизволения. Это было и нелепо, и беззаконно. Жена моя, по закону, не утратила даже права дворянства, пользуется полною гражданскою свободою. Но что говорить о законах — Жуковский ее не пустил. Она решилась ждать Корсакова, который прежде соглашался дать ей паспорт в Тверскую

губернию. А кто знает, может быть, и Корсаков заартачится, может быть, из Петербурга ему придет приказание не выпускать жену из Сибири — это будет и бесполезно, и отвратительно даже, но в России, несмотря на реформы, еще все возможно... и если это случится, я прокляну братьев, которые будут всему виноваты... Простите меня, я не могу говорить хладнокровно об этом предмете. — Вот в чем моя просьба. Я сам не могу писать братьям. Письмо мое не дошло бы до них. Будьте добры, так или иначе напомните братьям моим о существовании моей жены, о том, что она заключена там в тюрьме в Сибири, и что за неимением других деятельных друзей в России, которым бы я мог поручить это дело, я хоть à contre-coeur еще раз прошу их принять решительные меры для немедленного освобождения ее. Деньги, благодаря И. С. Тургеневу, ей посланы, и потому им остается только, в о - п е р в ы х, написать ей пригласительное письмо и сделать над собою героическое усилие, постараться написать его как можно приветливее и теплее, а то ведь она, пожалуй, их доктринерского холода испугается и к ним не поедет. В о - в т о р ы х, просить прямо или косвенно Корсакова об облегчении ей выезда из Сибири. А если ее в самом деле задерживают без приказания или по приказанию Петербурга, то принять деятельные меры как в Иркутске, так и в Петербурге. В - т р е т ь и х, позволить ей пробыть недолгое время в нашем семействе (Тверской губернии, Новоторжского уезда, село Прямухино, в 60 верстах от станции Осташково) и, наконец, уведомить меня, где она, что она, прибыла ли или когда прибудет в Прямухино. Уважая их благоразумную осторожность, я не решаюсь просить их, чтобы они написали мне сами — они так осторожны, что со времени выезда моего из Иркутска я не получил ни от одного из них даже полстрочки, — но надеюсь, что они согласятся, наконец, передать мне через другого — через Вас, если Вы на то согласитесь, — известия о моей жене, которых я жду вот уж целый год с мучительным беспокойством и нетерпением.

Не прибавлю ни слова. Вы женщина и потому сами дополните, что бы мне нужно было сказать Вам. Мне же остается просить Вас простить мне бесцеремонность или, вернее, ту дерзостную веру, с которою я к Вам обращаюсь.

Глубоко Вас почитающий М. Б а к у н и н.

II

5 января 1864 [года]. Vevey.
На дороге в Италию.

Добрый и почтенный друг!

Позвольте мне назвать Вас этим именем. Я потому так смел, что полюбил и люблю Вас от всей души. Вот Вам и декларация.

L'homme propose et je ne sais qui dispose. Мы предполагали пробыть в Веве только два-три дня, но пробыли две недели. Я захворал, и после парижского шума мы оба ощутили необходимость немножко отдохнуть, а для этого можно ли было выбрать место удобнее милого и тихого Веве, который весь еще полон Вашей памяти? M-me Maillard, красивая дочь ее и горничная Каролина говорят о Вас чуть не со слезами. Одна только неприятность в Pension Maillard — это уж именно московская дама (в польском смысле этого слова), какая-то барыня Ильинская, которая за первым обедом, не зная еще, что я русский, об'явила мне на нижегородско-французском языке,

què l'amperère est très bon et qu'alle è une parente du Mourawieff *). Она тут состоит в карточной связи с другими, вероятно, такими же русскими барынями и, между прочим, с m-me Щебальскою, женою историка-полициантa Щебальского, занимающегося здесь прямо шпионством [2]). Да к тому ж и мерзкий супруг ее сюда приехал. Он, несомненно, раз'езжает с тайными правительственными поручениями. В 6 дней приехал из Питера через В и л ь н о, где пробыл день, через В а р ш а в у, где пробыл также день, прямо сюда; пробыл здесь всего неделю и теперь прямо летит в Петербург. Мы полагаем, что, по крайней мере, одна из целей его прибытия сюда — Погосский: он сильно уговаривал его возвратиться в Питер и вновь издавать «Солдатскую Беседу» [3]). Но, к счастью, Погосский получил свои деньги из России, которые теперь позволяют ему не возвращаться.

Я встретил у него Щебальского вчера вечером. Ну, добрый друг, не знаю, видели [ли] Вы эту скотину, но, уверяю Вас, мерзее рожу я редко встречал, и хотя он и действ[ительный] статский советник, я поступил с ним по-генеральски: его представили мне, я сухо поклонился и не подал ему руки. Он был весьма не свой. А насчет Погосского скажу Вам, что он славный и дельный человек. И Польша сделает ужасную глупость, если не воспользуется его сильным влиятельным словом для демонрализации или, скорее, для морализации русских солдат. Но они эту глупость сделают непременно, потому что в отношении к нам и той помощи, которую мы могли бы им оказать, несмотря на всю бедность наших средств, им суждено делать только глупости.

Ну, познакомился я здесь и подружился с Вашими друзьями, двумя Г. Что за чудные, кроткие, благородные личности! А от Антигоны я без ума. Антося с ними, как рыба в воде, как сыр в масле, — Антигона и она уже на ты. Антося не теряет здесь времени: составляет здесь дамские комитеты для помощи польскому делу, неутомимо агитирует и не без успеха. Мы ездили в Берн обнять старых друзей, семейство Фохтов, с которыми Вы, без сомнения, знакомы по печатным рассказам Герцена [4]). Старушка 64 лет бросилась мне на шею и зарыдала. Ведь я самый старый друг их из русских. Сыновья ее молодцы: и учтивы, и свободны, и благородны. Мы завербовали их в польское дело, а жены их согласились основать в Берне Центр[альный] Дамский Комитет для собирания денег в Швейцарии в пользу польского дела. Только вот в чем дело. Известная всем наклонность Отеля Ламберта [5]) к папизму и вследствие того враждебное его отношение к Гарибальди и ко всем итальянским стремлениям и старания его уверить Европу, что движение Польши не только не революционерное, но строго консервативное, аристократическое и католическое, чтоб не сказать ультрамонтанское, и в Швейцарии, равно как и почти везде, возбудили недоверчивое, а в иных местах даже враждебное расположение к самому польскому делу. Большого труда мне стоило уверить здешних друзей, что собранные деньги пойдут не в Hôtel Lambert и не к папе, а через посредство Дамского Комитета в Париже прямо к польскому правительству в Варшаву. Беда другая, что уполномоченный от Польского Парижского Комитета в немецкой Швейцарии, граф Ladislas Plater, кажется, человек очень неловкий — по крайней мере, в Берне, а по уверению Фохтов и в большей части Швейцарии он пользуется замечательною непопулярностью. Прилагаю программу предполагаемого им журнала, им подписанную. Я подчеркнул место, которое особенно не понравилось. Ведь в самом деле, из рук вон и хоть эта несчастная, надутая программа. И как же

*) Так в тексте. — *Ю. С.*

это он живет и действует в Швейцарии по поручению правительства, а в Швейцарии никто почти не знает, ни из-за чего поляки восстали, ни в каком положении восстание? Так мало поляков, которые вместо романтично-надутых фраз умели бы рассказать дело. В Берне мои друзья Фохты и в Веве здешний Ministre Dor — человек и почтенный, и очень влиятельный — убедили меня, с своей стороны, в действительности швейцарских симпатий к польскому делу, а с другой стороны — в необходимости прислать сюда дельного поляка, который бы об'ехал как французскую, так и немецкую Швейцарию и рядом митингов в Женеве, в Невшателе, в Лозанне, в Берне, в Цюрихе и т. д. рассеял бы ложные мнения и растолковал бы швейцар[ц]ам сущность дела.

Познакомился я также и с Б. Он мне очень-очень понравился, она — решительно нет. Он же человек и благородный, и умный, и дельный, каких мало. Только дельность, окончательно вылившаяся в административную форму, для нас окончательно похерена. А все-таки он наш по сердцу только, не по вере. О, вера — великая вещь. Она определяет всю жизнь человека. И все-таки, несмотря на совершенную бесполезность этой встречи, весело и отрадно встречаться с такими людьми.

А знаете ли, с кем я еще встретился, едучи из Парижа в Лозанну? С графом Муравьевым-Амурским [6]). Мы проговорили целую ночь. Мне было невыразимо грустно слушать этого человека, на которого я когда-то надеялся. Да, он тогда клонился к федерализму, теперь он централизатор, поэтому поклонник Муравьева-Вешателя и Каткова. В такие минуты, при очень щекотливых об'яснениях, ему было совестно смотреть мне прямо в глаза. Мы расстались не то, чтоб грубо, но с окончательным выражением разрыва. Он сказал мне, между прочим, что правительство решилось дать всем хлопам в Царстве Польском и в западных губерниях, не только домохозяевам, но и каждому батраку (паробку), по три десятины земли. Не легко будет полякам противодействовать такому соблазну. Но я надеюсь на медвежью натуру русского чиновника, который и ласку превращает в утеснение. Надеюсь также на польского бога, который умеет внушать своим детям высокие жертвы. Не то, что наш русский бог. Здесь, впрочем, я почти ничего не слышу о польских делах и не знаю поэтому, в каком они теперь положении. Верите ли вы в войну? А если верите, на каких новых основаниях? Пожалуйста, напишите, что знаете. Будем меняться известиями: вы парижскими, я итальянскими. Пишите мне до 15 января включительно Henri Soulé.—Gênes—Poste restante, а после 15-го Henry Soulé.—Florence. Poste-restante [7]). Прошу Вас, пишите, что знаете, что слышите, что имеете право писать. Я заплачу Вам тем же. Говорите также о себе и о Вашем себя-знайке сыне, которого я, несмотря на редкость наших встреч и разговоров, полюбил от души. Он славный и крепкий человек. У него душа на месте. Я и ему буду писать из Италии. Ну, а что Ваша переписка с Лондоном? [8]) Дописались ли Вы до чего-нибудь? Добрый друг, не спорьте с ними: оставив нервы и горячку в стороне, постараемся соединиться сколько можем. Ведь нас немного. Не дадим же торжества врагам, уже и без того торжествующим. Ну, а когда наши общие дела пойдут лучше, тогда, пожалуй, и разойдемся, если только будет нужно. Ну, пора письмо кончать. Поздно. Вот, по словам Щебальского, план правительства в отношении к Литве и Украине: после настоящей муравьевской работы, начнется [неразобранное слово] другая. Всем остающимся полякам предстоит выбор: или принять православие, или продать имение, которое будет покупаться русскими помещиками и капиталистами за полцены. В это же самое время

крестьянам будут предоставлены всевозможные льготы и выгоды. Везде заведутся великорусские школы, и будет издаваться русский народный журнал. А по прошествии 15 лет, когда Литва совсем обрусеет, Царству Польскому возвратят независимость и свободу.

Пользуясь Вашим позволением, посылаю Вам три письма: 1) к братьям, 2) к матери Antonie [9]), 3) к ее брату. Прочтите все три письма и по прочтении первые два заклейте, а с третьим поступите, как найдете лучше. И, прошу Вас, воспользуйтесь первым удобным случаем, чтобы доставить их по адресам. У. и Л. дружеский поклон. Буду им писать из Италии, а также Вызинскому [10]) и Каплинскому [11]).

Преданный вам М. Б.

III

1 февраля 1864 [года]. Firenze, 5. Corso Vittorio Emanuele, 1-o piano.

Ваше Сиятельство!

Писал я Вам из Швейцарии длинное письмо с моим адресом в Флоренции и надеялся, очень надеялся, что найду здесь ответ. Но врезался, ответа не нашел. Итак, мне остается думать, что Вы или моего письма не получили, или не нашли его достойным ответа, или, наконец, по нечеткости до сих пор разобрать его не могли и отдали его в какую-нибудь ученую комиссию для дешифрирования моих иероглифов. Постараюсь теперь написать так четко, что последнее предположение сделается невозможным, а как это письмо до Вас непременно дойдет, то в случае упорства в молчании с Вашей стороны останется возможным только второе. Письмо это Вам передаст граф Roger Raczynski [12]), умный, образованный и в высшей степени благородный и добрый человек, только с взбалмошною головою, полный духа противоречия. Так, например, несколько месяцев тому назад, ему надоело слушать отовсюду ругательства против маркиза Велепольского [13]), и он написал брошюру в его защиту.

Однако мне было бы очень досадно, если б мое письмо из Швейцарии пропало; в нем не было ничего компрометирующего, ни для Вас и ни для кого, но вещи, которым было бы все-таки лучше не попадать под чужие глаза, а, главное, два письма, одно к братьям, другое к матери Antonie, которые Вы нам обещали, при первом удобном случае, препроводить куда следует. Будьте добры, графиня, напишите хоть в нескольких словах, получили ли Вы мое письмо из Швейцарии или нет.

Мой адрес здесь:

M-r Eugène Vieusseux.—Libraire à Florence.
А на внутреннем конверте: Pour M-r Bakounine
или еще pour A. D.

Другой адрес на имя графини Рачинской с просьбою передать мне. Адрес же графини Вам передаст ее муж. Кстати, прибавляю, что я Вам написал из Швейцарии на имя Seigneur Klaczko, Quai d'Orléans 6, pour remettre à M-me Elise так, как Вы приказали. Так как [я] не имею еще права думать, что Вы не хотите ни получать моих писем, ни отвечать на них, то продолжаю рассказывать Вам свои похождения, как будто бы ни в чем не бывало.

Спускаясь с 10-го на 11-е января ночью по Mont Cenis в Италию, мы перекувырнулись, к счастью не на сторону пропасти, а в другую, и без всякого вреда для кого бы то ни было; только перерезал я себе пальцы стеклом, о которое опирался рукою, чтобы не задавить своею тушею старого венгерца, ехавшего подо мною. Я принял это маленькое происшествие за хорошее предзнаменование. Когда я уезжал из Сибири, выезжая из Кяхты, также ночью и, по русскому обычаю, на несущейся тройке, я также чуть-чуть было не разбил себе голову об опущенный шлагбаум, но отделался над [?] разбитым пальцем. С тех пор, в продолжение всего пути до Лондона, мне все счастливилось. Так же и здесь. До сих пор все идет ладно. В Турине мы нашли Сибирь. Бедная Антося не знала, куда деваться, и чуть было не заболела от холода, но бог спас. Благодаря Mazzini я с первого дня сошелся с несколькими людьми, в высшей степени приятными и интересными, разумеется, без исключения принадлежащими к демократической партии, и если с первого раза не нашел Италию в климате, нашел ее в людях. Впрочем, я не ограничился демократами и благодаря другим рекомендациям мог познакомиться и с партизанами умеренной партии, даже с двумя министрами. В Турине мы пробыли пять дней, в Генуе три дня, а 19-го отправились в Капреру в сопровождении одного юного и долговязого англичанина и трех англичанок, из которых две порядочные и красивые, одна урод. Эта пожилая англичанка-урод — очень богатая и экзальтированная дама, по уши влюбленная в Гарибальди и, недовольная премного порциею восторженности, которою ее наделила природа, пьющая des petits verres de cognac с прибавлением нескольких капель хлороформа, вследствие чего у ней нос очень красен, и она постоянно и всем улыбается, исключая Антоси, которую она из ревности к Гарибальди возненавидела, и на которую в продолжение всего времени, проведенного нами в Капрере, она бросала яростные взоры.

Гарибальди принял нас дружески и произвел на нас обоих глубокое впечатление. Он совсем выздоровел и, хотя немного прихрамывает, силен, как лев, и на ногах с утра до ночи. Он сам работает в своем саду, который хотя и не великолепен, но чрезвычайно интересен, потому что весь посеян его рукою на скале и между скалами. Вид грустный и великолепный. Тут один белый каменный дом, громко называемый Palazzo di Garibaldi *), один маленький железный, третий, еще меньше, деревянный. В саду у него все южные деревья и растения, апельсиновые, лимонные, оливковые, миндальные, виноград, фиговые, le palmier aux dattes etc., etc. **) и много цветов; цвели, впрочем, только миндальные деревья, да прелестная белая роза. В Капрере русское лето. Мы пробыли там три дня, и все дни были прекрасные, вечером и ночью даже тепло.

При Гарибальди нашли мы одного молодого политического секретаря Guerzoni, служащего ныне звеном нового союза Mazzini и Garibaldi, военного и морского Basso, американского товарища Garibaldi, его двух сыновей Menotti и Riccioti, да несколько гарибальдийцев, военных и моряков, всего человек двенадцать. Здесь совершенная демократическая и социальная республика. Собственности здесь не знают: все принадлежит всем. Туалетов также не знают: все ходят в куртках из толстого сукна, с открытыми шеями, с красными рубахами и с голыми руками; все черны от солнца; все дружно работают и все поют. Высоко на скале стоит небольшая паро-

*) Дворец Гарибальди.

**) Финиковая пальма и проч., и проч.

вая мельница, и, когда она работает, всем праздник. Все хлопочут вокруг нее, одни тянут воду, другие подкладывают в очаг сучья и корни, которыми Капрера богата — другие стоят с [неразборчивое слово], другие лежат на скале в живописных позах, толкуют о политике, о прошедших и предстоящих походах или поют. Вообще это маленькое скопище здоровых, сильных и славных молодых людей на Капрере, из которых каждый ознаменовал себя каким-нибудь особенным подвигом храбрости, напоминало мне первые страницы из байроновского «Корсара».

Но посреди их Гарибальди, величественный, спокойный, кротко улыбающийся, один вымытый и один белый в этой черной и, пожалуй, несколько неряшливой толпе, и с глубокою, хотя [неразборчивое слово] и ясною меланхолиею во всем выражении, производит невыразимое впечатление. Он бесконечно добр, и доброта его простирается не только на людей, но на все создание. Он любит своих двух волов, своих коров, своих телят, своих баранов, — и все его знают, и лишь только он появится, все тянутся к нему — и каждого он потладит и каждому скажет доброе слово. Мне рассказывали, что раз он встретил ягненка, заблудившегося и ищущего свою мать; он взял его на руки и в продолжение 4 часов искал его мать по скалам и, не найдя ее, принес ягненка к себе, постлал ему сена подле своей кровати, велел принести молока и губку и пролежал целую ночь с опущенною рукою и с губкою, из которой ягненок сосал. На другой же день рано встал и проходил с ягненком на руках часа два или три, пока не встретил мать. Точно так же одному молодому человеку, ломавшему сучья без всякой нужды, он сказал: «Зачем Вы это делаете? Надо уважать все живое». Религия его та же, что и Ваша, он верит в бога и в историческую судьбу человека. «Далее, — говорит он, — я ничего не знаю». Я Вам сказал, что заметна в нем глубокая, затаенная грусть. Такова, должно быть, была грусть Христа, когда он сказал: «Жатва зрела, а жателей мало». Такова грусть нашего созревшего человека, всю жизнь посвятившего освобождению и очеловечению человечества. Так-то, но даже самые великие и самые счастливые люди не достигают своей цели. А все-таки надо стремиться и тянуть мир за собою вперед.

Посреди одного долгого разговора Гарибальди мне сказал: «За последнее время мне жизнь надоела; я охотно расстался бы с нею, но я хотел бы умереть с пользою для моего отечества и для свободы всех народов. Я собирался поехать в Польшу, но поляки просили мне передать, что я буду там бесполезен, а мой переезд принесет больше вреда, чем пользы, поэтому я воздержался. Впрочем, я и сам полагаю, что здесь я буду для них полезнее, чем там. Если мы сделаем что-нибудь в Италии, то это будет выгодно и для Польши, которая ныне, как и всегда, пользуется всем моим сочувствием» *).

Он, ясно, со всею партиею движения, готовится к весеннему делу. В чем будет состоять это дело, еще трудно сказать. Препятствий тьма. Война или, что еще лучше было бы, революция в Германии могут страшно подвинуть нас всех. Но об этом в следующем письме, которое напишу после Вашего ответа на это и на предыдущее.

Теперь возвращусь к Гарибальди. Он был чрезвычайно мил и любезен с женою, к немалому огорчению пьющей и красноносой англичанки. Провожая нас, он посадил

---

*) В оригинале письма слова Гарибальди приведены по-французски. — Руководители польского восстания, как показал пример Бакунина, опасались испортить свое дело привлечением известных революционеров, чтобы не лишиться поддержки европейской дипломатии.—*Ю.С.*

ее на лодочку, сам греб, а она длинною палкою таскала морских ежей, какое-то frutti di mare.

23-го мы возвратились в Геную, а 26-го через Ливорно прибыли в Флоренцию. И, скажу Вам по секрету, я уже влюблен в Италию и дал жене слово, что через месяц буду говорить по-итальянски.

А что Вы скажете о «Колоколе»? Ведь, право, переродился. Прочитав статью Герцена «1-го января» и письмо к Гарибальди, я сказал «Христос воскресе»: и сила, и вера, все к нему возвратилось. Ну, да о всем этом в следующих письмах, а теперь обращаюсь к Вам с всепокорными просьбами.

1. Поцеловать в умный лоб Вашего сына и пожать руку общим знакомым: Вызинскому, Каплинскому, Клячке [14], Калинке [15]), Залескому [16]), Гриневичу, если он возвратился, а также и Усову [17]), которому я непременно писать стану, и Лугинину [18]), если он еще в Париже.

2. Сказать Марко-Вовчок [19]), что я ей писал Poste restante на имя M-lle S. O., как она приказала, и дать ей мой адрес.

3. Попросить Вызинского, чтобы он справился, не приехал ли в Париж наш общий знакомый, а мой большой друг, Augusto Blanche, швед [20]). Я получил из Стокгольма известие, что он выехал в Париж, откуда должен ехать в Италию, и прошу Вас передать ему через наших общих друзей мой настоящий адрес, т.-е. № 5, Corso Vittorio Emmanuele, 1-o piano, дабы он мог меня отыскать. Если Вы узнаете, что он в Париже, то научите Рачинского, как его отыскать, чтоб он мог отдать ему мое письмо. Да и мне о нем напишите, если что знаете.

4. Видитесь ли вы с живописцем Якоби [21])? Если да, то скажите сами, если же нет, то попросите Вашего сына [сказать], что я ему писал два раза, один раз из Швейцарии с приложением письма к его брату [22]), а в другой из Генуи с приложением трех писем: Демонтовичу [23]), Наржимскому [24]) и живописцу Хлебовскому. Ни на одно не получил ответа. Получил ли он мои письма? Передайте ему также мой адрес.

Вечером.

Был на почте, и какова же моя радость! Получил Ваше письмо, добрый друг. Итак, Вы были больны и оттого только молчали. Теперь выздоровели, хоть это слава богу. Ну, а прочее также бог даст. Несмотря на все и всех, я все-таки уверен, что Польша не погибнет. Электричества набралось так много в политической атмосфере, что должно лопнуть.

Ну, впрочем, до будущего письма, а теперь набрались люди, и Антося, любящая Вас от души, но не умеющая писать писем, зовет чай пить.

Ваш преданный друг
М. Бакунин.

IV

18 марта 1864 [года]. Firenze, 5. Corso Vittorio Emmanuele, 1-o piano.

Добрый друг!

Письмо это передаст Вам M-me la comtesse Przezdziecka, та самая, которую наша любезная соотечественница M-me Nowikoff хотела обезобразить в Биарице. Я думаю, Вы будете нам благодарны за это знакомство. Природа она, пожалуй, и не

глубокая, но зато трудно отыскать даму милее, любезнее и потешнее ее. Она разгонит Вашу меланхолию, как бы сильна последняя ни была. Она родная сестра жены покойного графа Roger Raczynski, который только потому с Вами не познакомился, что умер.

Добрая графиня, я Вам очень давно не писал, но ведь, право, говорить нечего. Куда ни обернись, все гадко. О деле скажешь не много, а рассуждать, рассуждать in's Blaue hinein не хочется. Не знаю, как кажется Вам общее положение дел в Париже, но с здешней точки зрения оно гадко. За что ни ухватись, все гнило, все рвется. Цивилизация гниет, варварство еще не выросло до силы, а мы сидим entre deux chaises. Очень жестко, хоть бы дожить нам до великого дня Немезиды, до страшного суда, которого не миновать этому мерзкому европейскому обществу. Пусть друзья мои строят, — я жажду только разрушения, потому что убежден, что строить в мертвечине гнилыми материалами — труд потерянный, и что только из великого разрушения могут возникнуть новые живые материалы, а с ними и новые организмы.

Если не будет войны, или если не будет поголовного восстания польских, литовских и украинских [провинций?] нынешним летом, Польша социальная, Польша хлопская, пожалуй, и не пропала, но то, что называется теперь польским делом, потеряно. Начнется тогда, может быть, новое польское дело, из которого, пожалуй, разовьется и русское крестьянское дело. Но Вам, добрый друг, все это не в утешение. Ваша мысль готова итти далее, но Ваше сердце, Ваши инстинкты, Ваши привычки привязаны к старине, без сомнения во многих отношениях и прекрасной, но все-таки умирающей или даже умершей. Другой поэзии, кроме суровой поэзии разрушения, на долгое время не предвидится, — и счастливы мы будем еще, если нам придется увидеть разрушение. Хуже будет, если заместо разрушения будет мирное гниение. Наш век — во всех отношениях переходный, несчастный век, и мы, отвязавшиеся от старого и не примкнувшие к новому, несчастные люди. Будем же нести свое несчастье с достоинством, жалобы нам не помогут, и будем разрушать, сколько можем.

Вот Вам и рассуждения in's Blaue hinein.

Вот Вам письмо к брату Александру. Если Вы моего общего письма ко всем братьям еще не послали, то уничтожьте его, а пошлите это, — все по старому адресу: братьям Бакуниным, Тверской губернии, Торжковского или, правильнее, Новоторжского уезда, село Прямухино — и, прошу Вас, постарайтесь послать как можно скорее. Брат Александр писал недавно сюда к одной приятельнице иносказательное письмо, в котором спрашивает, как [и] через кого пересылать мне деньги. Посылаем письмо в ответ ему.

Антося здорова, учится по-итальянски с большим успехом. Недели две тому назад мы, наконец, посетили могилу Вашего друга и принесли с собою много цветов. Прежде не было возможности, так было холодно. Теперь становится всякий день теплее.

Что Ваш сын? Где он? Хандрит или опять пишет роман? Вы сами пишете ли что-нибудь con amore?

Скажите, правда ли, что в парижской Польше произошла большая перемена, что власть Отеля Ламберта, если не совсем уничтожена, [то] по крайней мере, сильно укорочена? Эта мера могла быть благодетельною год тому назад, теперь вряд ли принесет она какую-нибудь пользу. C'est trop tard. Теперь вопросы поставлены так, что, кажется, партия не будет в состоянии внести в них нового элемента. Польшею упра-

бляет теперь деспотически Фатум, добрый или злой, неизвестно, и, вероятнее, злой, но и которого панская личная инициатива теперь переменить ни пересилить не в состоянии. Польша зависит отныне не от себя, а от подлых государственных интересов Европы. Боюсь, чтоб не изменили ей все. Исторический грех Отеля Ламберта это — губительное безверье в революцию и вера в дипломатию, надежда на Австрию. Так было во время Костюшки, так в 1831 году, а ныне повторилось то же самое.

Вот и опять рассуждения, да еще такие, которые Вам, вероятно, не понравятся.

Поклонитесь Каплинскому, Вызинскому, Клячке, которых я люблю и уважаю, несмотря на то, что не люблю их знамени. Обнимите Вашего сына. Пожмите руку Усову. А где Лугинин? Послали ли Вы записочку Antonie к ее брату? 26 марта еду с одним шведским другом опять к Гарибальди в Капреру; 30-го или 31-го возвращусь во Флоренцию. Прошу Вас, пишите.

Ваш М. Бакунин.

Адрес все тот же: M-r Eugène Vieusseux, Libraire à Florence, pour A. D.

Прочтите мое письмо к братьям и, если найдете нужным, перемените конверт и адресуйте, как хотите.

V

2 августа 1864 [года]. Antignano.

Добрый друг, пишу Вам в этот раз не много, чтобы уведомить Вас, что около 16—17-го сего месяца я буду в Париже, а на другой или даже в тот же день в Версале [25]). Жену с собою не беру: денег не много. Она останется до 15 сентября в Антиниане в обществе добрых людей, а потом с этими же добрыми людьми поедет в Флоренцию, где будет ждать меня около 15 октября. Итак, я с Вами увижусь: это меня чрезвычайно радует. Не много радостного придется нам поделить между собою. зато погорюем вместе — и то легче. А я все-таки не унываю: рано или поздно и наша возьмет.

Прощайте, до скорого свидания,

обнимаю Вас братски.

Ваш

М. Б.

VI

3 ноября 1864 [года]. Лондон.

Добрый друг!

Вот уже более двух недель, как я приехал сюда из Стокгольма, и ждал только, чтоб наш-то убрался из Франции [26]). И зачем он приезжал? Не для того ли, чтоб убедить французов, что он не только бесчувственно-развратная скотина (pardonnez moi le mot), но еще и дурак? Под дождем мучил французских солдат, а потом кормил их котлетами. Что ни шаг, то фраза, а что ни фраза, то глупость. Да, о многом придется нам поговорить с Вами. Да где с Вами встретиться, где Вас найти? Сказал мне Огарев, что Вы живете теперь в Fontainebleau у князя Трубецкого [27]). Он, говорят, человек очень добрый, очень хороший, а все-таки меня пугается и Вам не простит, что Вы со мною знаетесь. Герцен — другое дело, он литературная слава и комильфотельный демократ. Итак, решите сами, где и как нам свидеться, решите и напишите мне

под двойной анвелопой; на наружной напишите так: Paris, M-r Kossilowski, 56 Boulevard des Batignolles, Ecole Polonaise, а на внутренней мое грешное имя; внутри же Ваши приказания.

Я не намерен долго оставаться в Париже. Вот уже скоро три месяца, как я в разлуке с Антосей, и спешу к ней. К тому ж и деньги приходят к концу. Приеду в Париж в воскресенье 6-го и пробуду понедельник и вторник, может быть, еще среду, а в четверг непременно отправляюсь прямо через Marseille и Livorno во Флоренцию. Итак, надеюсь найти у Коссиловского [28]) Ваше письмо и поступлю по Вашему приказанию.

А до тех пор с глубокою и почтительною симпатиею остаюсь

Преданный Вам
М. Бакунин.

VII

13 декабря 1864 [года]. Флоренция, 13.
Via dei Pucci — 2-o piano.

Добрый друг!

Вот, наконец, и пишу Вам. Я все ждал, что Антося, сбирающаяся каждый день написать Вам длинное и дельное письмо, в самом деле исполнит свое намерение; наконец, потерял терпение и пишу Вам за нее. Итак, отец ее не получил до сих пор ни места, ни предложения — ждет того и другого, и если Вам можно будет еще раз написать Вашей приятельнице, чтобы напомнить ей ее обещание, то мы Вам будем оба очень, очень благодарны. Сделайте, что можете, а там будем надеяться на... на кого?

Кстати, чем кончился или продолжается ли еще Ваш спор с молодыми поляками, моими не-иезуитами? И часто ли они ходят к Вам? Думаю, что часто, потому что знаю, что Вы и сын Ваш им очень полюбились. А часто ли видели Вы Герцена? Бедные, их поразило несчастье. У Огарева умерла младшая дочь, и, кажется, сын болел. Видели ли Вы Наталью Алексеевну?

Графиня, у меня до Вас просьба: один из моих здешних русских друзей, Ваш знакомый, Забелла, скульптор [29]), не имея заказов, находится в нужде и, чтоб из нее выйти, начал переводить на превосходный французский язык книгу Достоевского «Мертвый дом». Вы помните, как мы оба желали, чтоб ее перевели как можно скорее. Но вот ему сказали, что будто бы она уж переведена в Париже каким-то господином Сверчковским, и будто бы по поручению Герцена, в самый год ее появления. Забелла остановился, а перевел было уж две главы с большою охотою. Я ж уверял, что это слух пустой и что книга не переведена. Понятно, однако, что Забелла не хочет работать попустому, и потому прошу Вас навести точные справки: переведена ли она или нет? Вероятно ли, чтоб эта страшная книга могла появиться, не обратив на себя внимания европейской журналистики? Неужели поляки, которые не пропускают ни единого случая, чтоб осрамить русское правительство, могли дозволить такой книге пройти без шума? Вам будет легко узнать в Париже, переведена ли она в самом деле, или нет. Если ж нет, то, прошу Вас, поспешите нас о том известить. Забелла тотчас станет продолжать перевод, и когда переведет поболее глав, мы прибегнем к Вам с другою просьбою: нельзя ли Вам будет через Вызинского, Калинку и Клячку представить

перевод его редакторам de «La Revue des deux Mondes»? Я бы сам мог послать его с письмом к М-г Forcado, с которым познакомился в прошедшем году. Но, во-первых, живой разговор всегда влиятельнее письма, а во-вторых, они и помимо того имеют на г-д редакторов de «la Revue des deux Mondes» несравненно более влияния, чем я. Они ж, без сомнения, сделают это для Вас, сделают еще потому, что появление такой книги на французском языке и ее наибольшее обнародование принесут значительный вред русскому правительству, а по тому самому значительную пользу польскому делу. Может быть, Клячко захочет написать к ней предисловие, если ж не он, то не откажется Герцен, и, пожалуй, это будет еще полезнее.

Теперь что ж скажу Вам о нас? Живем мы тихо, работаем мало. Я каждую неделю посылаю по два мелких листа в Стокгольм и зарабатываю, таким образом, 100 франков, а иногда и более, в неделю. Антося принялась серьезно учиться. Иногда ходим в театр и редко вечером посещаем знакомых: у нас же собираются по вторникам. Познакомились мы с генералом Босаком, Ct Hauke [30]) и с его женою—хорошие люди,—познакомились также и со многими весьма порядочными русскими. Одним словом, читаем, учимся, пишем, иногда болтаем, и проводим время тихо, невинно, но довольно приятно. Наследник с визитом у меня еще не был, и вообще никто здесь не замечает его существования, а дряни русской здесь также довольно, думаю, однако, менее, чем в Париже.

Не знаете ли, виделся ли Анненков [31]) с Герценом? Ну, а Вы как живете? Кого чаще видите? Что нового вообще в Вашем мире? Здесь готовятся сделаться столицею, хотя без всякой суеты. Да еще чуть ли не готовятся к войне с Австриею, а, впрочем, все довольно глухо и тихо. Co 'to będzie?

Обнимите вашего сына.

Преданный Вам
М. Бакунин.

Невинные письма посылайте прямо на мой адрес.

Винные же на следующий: На наружном конверте:
Italie. — Monsieur Eugène Vieusseux, libraïle à Florence, на внутреннем: Madame Bacounine.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]) О недовольстве Бакунина поведением родных в деле выезда его жены из Сибири см. его письма к ним, напечатанные в № 3/31 «Былого» за 1925 г., а также во 2-м издании первого тома моей книги «М. А. Бакунин», Москва 1926, изд. «Коммунистической Академии».

[2]) Щебальский, Петр Карлович (1810—1886) — историк и публицист реакционного направления; бывший гвардейский офицер, затем московский полицеймейстер, далее чиновник особых поручений при Главном управлении цензуры; с конца 1860 г. составлял для царя «литературные обозрения»; сотрудник «Русского Вестника» и «Московских Ведомостей»; в последние годы своей жизни редактор «Варшавского Дневника».

[3]) Погосский, Александр Фомич (1816—1874) — писатель для народа в официально-казенном духе. С 1858 г. издавал журнальчик «Солдатская Беседа», а с 1862 г. — «Народную Беседу». Увлечение Бакунина Погосским, ни в каком

отношении не оправдавшим его надежд, представляет одно из обычных проявлений бакунинской легковерности. Как видно из письма Бакунина к Герцену от 4 марта 1864 г. (Драгоманов, стр. 154 и след.), он рассчитывал использовать его для революционной пропаганды в народе и в армии. Поляки были осторожнее и практичнее, чем пылкий Бакунин, и за Погосским не гнались.

[4]) С семьею Фохтов в Берне Бакунин был знаком еще с 1843 г.

[5]) «Отель Ламбер» (Бакунин пишет «Ламберт»)—парижская резиденция князя Адама Чарторыйского, главы монархически-конституционного течения, аристократического и католического, в Польше и за границей, центр «белых».

[6]) Увлечение Бакунина гр. Н. Н. Муравьевым-Амурским в Восточной Сибири известно. См., например, «Письма Бакунина к Герцену и Огареву», изд. М. Драгомановым, или первый том моей книги о Бакунине.

[7]) Как известно, Бакунин в 1863 г. ездил в Швецию под именем канадского профессора Анри Суле. Повидимому, этим же паспортом он пользовался и в Италии.

[8]) Повидимому, с Герценом и Огаревым.

[9]) Антония Ксаверьевна Квятковская — жена Бакунина.

[10]) Вызинский, Генрих — польский эмигрант, б. профессор истории Московского университета, один из заведующих дипломатической канцелярией князя Владислава Чарторыйского (сына князя Адама).

[11]) Каплинский, Леон (1826—1873) — польский писатель и художник; был заключен в тюрьму за участие в познанском движении 1846 г., в 1848 г. был освобожден, с 1850 г. поселился в Париже.

[12]) Рачинский, Рожер, граф — галицийский помещик, в сороковых годах был директором кредитного товарищества в Бродах, член познанской депутации в 1848 г.; много содействовал тогда собиранию средств для польского патриотического дела.

[13]) Велепольский, Александр, маркиз (1803—1877) — представитель консервативно-аристократической партии, пытавшийся в 1861 г. раздробить силы польской революции, давая частичное удовлетворение высшим классам и обрушиваясь с жестокими репрессиями на низшие. Ему принадлежит мысль о насильственном рекрутском наборе в городах, который спровоцировал восстание в январе 1863 г.

[14]) Клячко, Юлиан (1827—1906) — известный польский писатель и публицист; эмигрант, член партии «белых»; один из заведующих дипломатической канцелярией князя Вл. Чарторыйского; приятель Герцена.

[15]) Калинка, Валериан (1826—1886) — ксендз, польский историк, секретарь князя Вл. Чарторыйского. Бакунин познакомился с ним в Швеции в 1863 г.

[16]) Залеский, Иосиф-Богдан (1802—1886) — польский поэт, представитель «украинской» школы; после поражения революции 1831 г. оставил родину и в конце концов поселился в Париже, где стал во главе Батиньольской школы.

[17]) Гриневич и Усов не установлены. В 1843 г. привлекался и был сослан на каторгу Адольф Гриневич, литовский помещик, но тот ли это, — мы не знаем.

[18]) Лугинин, Владимир Федорович (1839—1911) — известный химик. В молодости либерал; в 1860 г. выехал за границу, где был членом русской гейдельбергской колонии; познакомился с издателями «Колокола» и с Бакуниным; участвовал в агитации в пользу Земского Собора в 1862 г.; в конце семидесятых годов вернулся в Россию; позже был профессором в Москве.

[19]) Марко-Вовчок — литературный псевдоним Марии Александровны Маркович (1834—1907); демократическая писательница на сюжеты из народной жизни (сначала по-украински). За границей сблизилась с Герценом.

[20]) Бланш, Август — один из шведских приятелей Бакунина по 1863 году.

[21]) Якобий, Валерий Иванович (1834—1902) — академик и профессор живописи; с 1862 по 1868 г. проживал за границей, где и познакомился с Бакуниным. Наиболее популярна его картина «Привал арестантов».

[22]) Якобий, Павел Иванович — русский политический эмигрант; по окончании Михайловского артиллерийского училища в начале шестидесятых годов выехал за границу; в Вюрцбурге прошел курс медицины; как врач-психиатр, проживал сначала в Швейцарии, затем во Франции (в Ментоне). Был женат на сестре В. Зайцева. Принадлежал в шестидесятых годах к молодому радикальному крылу эмиграции, воевавшему с Герценом (А. Серно-Соловьевич, Элпидин и пр.).

[23]) Демонтович, Иосиф — известный деятель польской эмиграции и активный участник восстания 1863—1864 гг.; был уполномоченным Варшавского центрального комитета в Познани а затем комиссаром на Литве; заведывал морской экспедицией Лапинского.

[24]) Наржимский, Иосиф (1839—1872) — польский писатель и политический деятель; в 1863 г. короткое время был членом Жонда Народового (так наз. «террористического»); затем выехал в Париж.

[25]) Речь идет о второй поездке Бакунина в Швецию. В Стокгольм он прибыл 6 сентября 1864 г., во второй половине октября он был уже на обратном пути в Лондоне, а в первых числах ноября выехал оттуда во Флоренцию, где он тогда проживал.

[26]) В октябре 1864 г. Александр II ездил во Францию на свидание с Наполеоном III.

[27]) Речь идет о московском общественном деятеле Павле Петровиче Трубецком, который тогда находился во Франции.

[28]) Коссиловский — капитан, польский эмигрант, секретарь польской военной школы в Батиньоле (Париж), приятель Бакунина.

[29]) Забелло, Пармен Петрович (1830—1890) — академик скульптуры с 1869 г.; в Италии проживал в 1854—1872 гг.; во Флоренции познакомился в 1864 г. с Бакуниным, который, по рассказу Л. Мечникова, «наметил его для каких-то особых целей и возлагал на него самые блестящие надежды за одну только его энергическую и красивую наружность».

[30]) Гауке, Иосиф, известный под названием генерала Босак (1834—1871) — родился в Варшаве, был полковником русской службы, в 1861 г. вышел в отставку, участвовал в восстании, а в 1864 г. проживал в Швейцарии; позже участвовал в Лиге Мира; в Вогезской армии, руководимой Гарибальди, был в чине генерала и убит под Дижоном.

[31]) Анненков, Павел Васильевич (1813—1887) — писатель; в молодости приятель Белинского, Герцена, Бакунина и т. д.; знакомый Маркса. После сороковых годов отошел от всякой политики и крамольных знакомств.

I. ДИАЛЕКТИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ

(Иностранная литература)

Martin Mertens. Neumarxismus contra materialismus. 1. Otto Bauer «Monistische Monatshefte», Februar 1926; 2. Max Adler, «Monistische Monatshefte», März 1926.

Maximilian Lange. Der Materialismus und die materialistische Geschichtsauffassung. «Monistische Monatshefte», Juni 1926.

Мартин Мертенс. Неомарксизм против материализма. 1. Отто Бауер, «Монистические Ежемесячники», февраль 1926 г.; 2. Макс Адлер, «Монистические Ежемесячники», март 1926 г.

Максимилиан Ланге. Материализм и материалистическое понимание истории. «Монистические Ежемесячники», июнь 1926 г.

В февральском и мартовском номерах «Monistische Monatshefte» за 1926 г. появилась статья М. Мертенса, озаглавленная «Неомарксизм против материализма». В июньском номере того же журнала напечатана статья Ланге, направленная против Мертенса. Статья Мертенса распадается на две части: в первой он критикует Отто Бауера, во второй — Макса Адлера.

Основные положения критики Мертенса сводятся к следующему: О. Бауер хочет преодолеть материализм и превратить «монистически-материалистическое мировоззрение марксизма в метафизический идеализм». Он ставит на голову марксистскую диалектику, утверждая, что есть две возможности представить происхождение и развитие мировоззрений: 1) путем «имманентной истории идей», при которой каждый мыслитель завершает мысли своего предшественника, и 2) путем «трансцендентной истории идей», т.-е. путем изменения жизненных условий (хозяйственной жизни, общественных отношений, государства, права).

С точки зрения Мертенса «имманентная история идей» есть абсурд, так как она, в конечном счете, сводится к признанию имманентных законов развития мышления, к той попытке вывести знание из диалектического самодвижения мышления без всякого участия об'ективной действительности, которую (попытку) основательно раскритиковали Фейербах и Маркс.

Что касается «трансцендентной истории идей», то и она, по Мертенсу, оказывается неудовлетворительной, так как «отношения производства, общественные отношения, государство и право суть опять-таки только абстракции, которые, конечно, очень сильно влияют на образ мыслей людей, но, однако, создать из самих себя об'ективную действительность они так же не могут, как не может существовать «зеркальное отражение без предмета, который оно отражает» (стр. 60). По мнению Бауера, наука упорядочивает опыт всегда согласно потребности определенного класса, марксистская теория познания имеет своей целью указать тот духовный процесс, посредством которого люди создают свое мировоззрение, исходя из хозяйственных, социальных и политических потребностей. Мертенс не соглашается с этими положениями, как и с тем, что материализм

судит обо всех явлениях мира по аналогии с отношениями, существующими в человеческой работе между силой и материей.

Вообще, по мнению Мертенса, О. Бауер злоупотребляет аналогиями. Таково, например, положение Бауера о том, что схоластическое духовенство потому идеалистически смотрело на мир, что, будучи занято исключительно духовной работой, судило о мире по аналогии с ней. Если бы это утверждение было верно, то материалисты Демокрит, Эпикур, Лукреций, Гольбах и Гельвеций — все люди из высшего сословия и весьма состоятельные — должны бы были быть идеалистами. Сводить всякую идеологию к экономическому базису нельзя. Марксистской постановкой проблемы является не вопрос: «почему мыслится эта идея?», а вопрос: «почему он господствует?». Наконец, ошибкой Бауэра является и его утверждение, что некоторые (какие?) составные части капитализма перейдут в наследство к будущим общественным формациям.

Мертенс заканчивает свои рассуждения о Бауере заявлением, что рабочий класс, для успешного ведения освободительной борьбы, нуждается в реалистическом мировоззрении. Ленин — великий революционер — прекрасно понимал значение материализма и страстно выступал на его защиту. Идеалистическая философия — яд, который господствующие классы предлагают угнетенным. Социализм должен или вовсе не быть, или быть материалистическим.

Вторая часть статьи посвящена М. Адлеру. Он, по Мертенсу, является типичным неокантианцем. Чтобы добиться крушения научного фундамента марксизма, Адлер об'являет марксизм чисто социально-экономической теорией. Теоретико-познавательный фундамент подводится под марксизм путем весьма своеобразного соединения Канта с Марксом. Адлер для этой цели по-своему комментирует диалектическое единство мышления и бытия. «Мышление и бытие, — пишет он, — в марксизме, точно так же как и в махизме, идентичны, при чем Мах, так же как и Маркс и Энгельс, исходит из примата природы над духом, но только Мах отсюда идет к учению об элементах мира, Маркс же и Энгельс делают из этого не гносеологические, а практические выводы». Таким образом мы видим, что, по Адлеру, учение Маха об об'ективности совпадает с учением Маркса и Энгельса. Однако сам Адлер говорит, что учение Маха есть «метафизический материализм», так как «элементы» его суть «голые абстракции», «метафизические реальности». И с этим-то «метафизическим материализмом», который в действительности оказывается суб'ективным идеализмом, Адлер отожествляет материализм Маркса и Энгельса! По Адлеру, единственно существующей закономерностью является закономерность мышления — положение чисто идеалистическое. Мертенс заканчивает статью словами: «Мировоззрение класса, желающего господствовать в действительности, может быть только монистическим реализмом».

Ланге в своей статье «Материализм и материалистическое понимание истории» критикует Мертенса. Он находит (и вполне основательно), что в критике Мертенса нет системы, что его собственная точка зрения не ясна. Ланге заявляет, что он не является сторонником Бауера и Адлера и не согласен с их гносеологическим обоснованием марксизма. Мертенс, — пишет Ланге, — не понял Бауера, для которого материализм тесно связан с радикальной философией буржуазии и носит характер радикально-буржуазного историзма. С этим Ланге вполне согласен. Он говорит, что у марксизма есть нечто общее с материализмом, позитивизмом, реализмом и прагматизмом — именно натурализм, ограниченность посюсторонностью, здравая оценка реальных фактов истории. Натурализм, как это и указал Бауер, является связью между марксизмом и материализмом. Маркс и Энгельс были натуралистами, а если они назвали свое учение «диалектическим материализмом», то нет решительно никакой причины держаться такого определения марксизма. Ланге подчеркивает, что и Мертенс склонен видеть в марксизме натурализм, что сказывается и в его словах о «монистическом реализме». Но ведь и Бауер, и Адлер тоже реалисты.

Пролетариат, — говорит Ланге, — нуждается в своем собственном мировоззрении без всяких примесей буржуазных мыслей. Руководящей нитью в выработке его послужит диалектический метод, без которого марксист превращается в догматика. Ланге заканчивает свою статью заявлением, что связь «материалистического взгляда на историю с материализмом не есть необходимая связь, и марксистская система основана не на метафизических воззрениях».

Оба автора, и Мертенс, и Ланге, не являются марксистами. Мертенс вполне правильно, с марксистской точки зрения, борется против соединения марксизма с идеализмом, — он понимает, что только материализм может быть гносеологическим фундаментом марксизма. Однако его собственная точка зрения не выявлена в статье, и что он подразумевает под «монистическим реализмом» — сказать трудно.

Что касается Ланге, то он, не считая связь марксизма с материализмом обязательной, стоит на антимарксистской точке зрения. Его толкование марксизма как радикально-буржуазного натурализма, конечно, явно ошибочно; однако он признает значение для марксизма диалектического метода, что является положительным моментом его статей; к сожалению, остается неизвестным, как мыслит он этот диалектический метод.

В общем обе статьи не безынтересны для русского читателя-марксиста; они дают представление о тех своеобразных преломлениях марксизма, которые имеют место за границей, и о тех суждениях по поводу диалектического материализма, которые высказываются в кругах западно-европейских монистов.

Ferdinando d'Antonio. Del materialismo storico. «Nuova Rivista Storica», Marzo—Jugno 1926.

Фердинанд д'Антонио. Об историческом материализме. «Новое Историческое Обозрение», март — июнь 1926 г.

Статья дает изложение основ исторического материализма. Автор определяет исторический материализм как «философию истории на экономической базе». Исторический материализм нельзя смешивать с материализмом философским. Правда, они имеют общий фундамент, а именно положение о том, что материя первична, дух же произошел из материи на определенной ступени ее развития. Во всем же остальном, по мнению автора, они совершенно различны, так как «исторический материализм есть и хочет быть идеалистичным».

Далее автор излагает возникновение исторического материализма и первое его конкретное выражение в «Коммунистическом манифесте». Касаясь диалектического метода в историческом материализме, автор бегло и поверхностно прослеживает возникновение и источники диалектики Гегеля, указывая на связь его диалектического метода с методом Платона и Прокла. По мнению автора, исторический материализм, перевернув гегельянскую концепцию истории и поставив диалектику на ноги, «применил к новому истолкованию истории критерии учителя философского идеализма». Тем не менее диалектика играет громадную роль для правильного и глубокого понимания исторических явлений, она есть, собственно говоря, единственно правильный метод их изучения, и автор показывает это на конкретных примерах (полигамия и моногамия, античное рабство, средние века, развитие ячменного зерна, и т. п.).

Исторический материализм, — говорит д'Антонио, — воспринимает диалектически не только природу, но и дух, этим он резко отличается, с одной стороны, от философского материализма, сводящего все к материи, с другой — от философского идеализма, сводящего все к идее, духу. Исторический материализм основой общественно-исторической жизни считает экономический фактор, который не надо смешивать с экономическими интересами. Как же определяет автор экономический фактор? — Экономический фактор есть способ, каким люди определенного общества производят средства своего существования и распределяют между собой продукты производства, а в зависимости от этого и разделяются

на классы. Однако экономический фактор не является непосредственной причиной решительно всех явлений истории, сводить все к нему было бы ошибкой.

Автор затрагивает (правда, бегло) отношение исторического материализма к таким вопросам, как личность и коллектив, государство, право и другие «надстройки». Но трактовка им этих вопросов совершенно поверхностна.

В конце своей статьи автор говорит, что, по его мнению, ценность исторического материализма заключается в позитивистическом истолковании генезиса и развития социальной действительности.

В общем статья является весьма неглубоким изложением основ исторического материализма; значение и сущность материалистической диалектики, как философии марксизма, совершенно не понята автором: смешиваются воедино идеалистическая диалектика Гегеля и материалистическая диалектика Маркса и Энгельса; есть грубые промахи, — например, утверждение, что исторический материализм идеалистичен; совершенно не выявлена роль борьбы классов.

Franz Erhard. Materialistische Geschichtsauffassung. «Philosophie und Leben», H. 1. Januar 1926.

Франц Эрхард. Материалистическое понимание истории. «Философия и Жизнь», январь 1926 г.

Статья представляет попытку анализа того отношения, которое существует с точки зрения исторического материализма между базисом и надстройками. Автор стоит отнюдь не на материалистической точке зрения; по его мнению, считать базисом человеческой культуры экономические отношения нельзя. Такие явления культуры, как философия, религия, мораль, искусство, покоятся на врожденных способностях человека и развиваются в силу имманентных законов.

Как постановка, так и решение вопроса слишком избиты, банальны и поверхностны, чтобы стоило на них останавливаться. — Решительно ничего нового в них нет: так ставили и так решали вопрос идеалисты и ревизионисты всех стран, всех эпох и всех оттенков. Еще Плеханов в полемике с ревизионистами прекрасно осветил этот вопрос, показав всю несостоятельность их домыслов и все непонимание ими марксистского решения вопроса. Статья Эрхарда заслуживает внимания лишь в качестве очередной иллюстрации того непонимания марксизма, которое царит за границей и ныне.

Heinrich Cunow (Berlin). Zur Geschichte der Klassenkampftheorie. «Jahrbuch für Soziologie». Eine Internationale Sammlung. Hersg. von Dr. G. Salomon (Frankfurt a. M.), Karlsruhe, Braun, 1926, B. II, pp. 332—351.

Генрих Кунов (Берлин). К истории теории классовой борьбы». «Ежегодник по социологии». Интернациональный сборник под ред. Г. Саломона (Франкфурт н/М.), Карлсруэ, Браун, 1926, т. II, стр. 332 — 351.

Генрих Кунов, достаточно известный реформист и теперь один из академических представителей немецкой социал-демократии, полемизирует в своей статье (стр. 332 — 334) со всеми теми, кто «опровергает», «отрицает» классовую борьбу в теории и на практике, кто считает ее абсурдной «выдумкой» Карла Маркса, а также с теми, кто, как выражается Кунов на стр. 334, в результате известных ошибок, пришел к «чрезвычайно одностороннему и поверхностному представлению о классовой борьбе и об ее роли в историческом процессе». Следует заметить, что, по вежливому и во всяком случае вполне марксистскому убеждению Кунова, одна из этих «ошибок» состоит в том, что эти люди «не рассматривают вопроса об историческом развитии понятия класса или понимания классовой борьбы» (стр. 334). Даже «совсем поверхностное исследование такого рода, — продолжает Кунов, — показало бы, что Маркс не выдумал классовой борьбы, а, наоборот, имел в этой области целый ряд предшественников, от ко-

торых и заимствовал многие мысли» (стр. 334). Этим определяется тема данной статьи. Без сомнения, после такого вступления читатель будет ждать от Кунова уж не столь поверхностного исследования.

Формально «марксист» Кунов, как мы видим, выступает в качестве апологета марксизма против анти-марксистов. Что касается содержания, то он апеллирует к истории, но не к живой грубой истории, как она есть на самом деле, а скорее к элегантной и изящной истории представлений и идей. Само по себе это не вызывает возражений. Главное, как это делается и какие при этом получаются выводы. Выводы Кунова должны удивить читателя и формально, и по содержанию: его надежды на углубленность исследования не оправдаются, но в своем разочаровании он будет утешен весьма неожиданным, весьма своеобразным, весьма актуальным и историческим заключительным выводом из этой статьи.

Кроме целого ряда замечаний по поводу понятия класса в древности, в средние века (стр. 334 — 338) и в XVIII веке и после цитат из социальных философов XVIII века, из Ленгэ, Марата и Прудона, после нескольких слов о Минье, Гизо, Тьерри и т. д., автор переходит к Марксу. Прежде всего он констатирует, что Карл Маркс основательно изучал историю французской революции, сочинения Тьерри, Гизо, Леру, Сисмонди, Бюше, движение сен-симонистских и фурьеристских сект, также как Марата «Друг народа» (Ami du peuple) и Прюдома «Парижские революции» (Révolutions de Paris). Затем о теории классовой борьбы говорится: «Он (Маркс) только соединял различные элементы этой теории, которые он находил в вышеназванных произведениях, и делал из них определенные выводы для дальнейшей формы социальной борьбы» (стр. 345). Это верно: определенные выводы. Но какого рода эти определенные выводы? К чему они ведут? Какое учение развил Маркс о «дальнейшей форме социальной борьбы»? На это Кунов не дает ответа. А между тем сам Маркс давал на это не раз определенный, резко формулированный ответ в виде отчетливых тезисов. Кунов «забывает», скрывает ответ, и в этом мы видим больше, чем «забывчивость».

Мы удовлетворимся только одним известным указанием на то, как сам Маркс понимал свое историческое значение по сравнению с классическими буржуазными теориями классов: «Что касается меня, то мне не принадлежит заслуга открытия существования классов в современном обществе или их борьбы. Буржуазные историки задолго до меня описали историческое развитие этой борьбы классов, а буржуазные экономисты — экономическую анархию классов. Я же заново доказал: 1) что существование классов связано лишь с определенными историческими формами борьбы, совершающейся при развитии производства; 2) что борьба классов необходимо ведет к диктатуре пролетариата; 3) что эта диктатура сама есть только переход к уничтожению всех классов и к бесклассовому обществу» (письмо к Вейдемейеру в «Neue Zeit», XXV/12, стр. 164). Поэтому теория борьбы классов у Маркса заканчивается теорией пролетарской революции. Тот, кто замалчивает, уничтожает, отрицает эти революционные «выводы» учения Маркса, тот последовательно уничтожает всю внутреннюю связь в целом, основу и диалектику, — словом, искажает все учение. Мы понимаем своеобразную и осторожную формулировку Кунова: «определенные выводы относительно дальнейшей формы социальной борьбы», это — смущенный шопот тех, кто старается как можно незаметнее пройти мимо «больного места».

В действительности Кунов молчаливо «свел» закономерность капиталистического общества исключительно к развитию общества и классов в рамках капитализма. Фактически он дает бесконечное воспроизведение данного классового антагонизма на основе бесконечного воспроизведения основных капиталистических отношений, т.-е. бесконечной зависимости рабочего от эксплоататора. Это достаточно отчетливо выступает в его «изложении» «марксовой» теории классовой борьбы (стр. 345—350), несмотря на все его осторожные и неясные фразы. Таковы «определенные выводы» «марксиста» Кунова, которые

он не решается произнести открыто. Но принять их — значит в лучшем случае стать на точку зрения классической буржуазной политической экономии[1]), принимающей свои буржуазные предпосылки как нечто от века данное. Следует заметить, что Рикардо уже предчувствовал исторические сумерки капитала, т.-е. крушение капиталистического общества в результате его противоречий.

Псевдо-марксистская теория Кунова, это — теория классического трэдюнионизма, буржуазного рабочего движения. Она несомненно приемлема для «современных», более или менее «просвещенных», более или менее «положительно-реалистических» представлений буржуазной интеллигенции. Что говорит по этому поводу сам Кунов?

«Само собой понятно, что марксова теория классовой борьбы получила весьма разнообразную оценку в кругу современных экономистов и социологов; в общем же Отмар Шпанн несомненно прав, когда он... говорит, что за единичными исключениями вся современная социология и политическая экономия пропитана индивидуалистическим понятием класса и совершенно в марксистском духе. Марксова теория классовой борьбы еще недавно была резко отвергнута, а теперь она пробила себе дорогу в современное учение об обществе — вот успех, которым она, по моему мнению, обязана не только своей внутренней логической законченности, но еще больше тому обстоятельству, что в настоящее время во всех капиталистических государствах классовая борьба играет огромную роль. Она уже не теория или гипотеза, а простой факт, который нельзя отрицать или считать несостоятельной выдумкой Маркса» (стр. 351).

Этими словами кончается статья Кунова, и именно на них обращаем мы внимание читателя. Они и с точки зрения логической и с точки зрения исторической представляют большой интерес. Прежде всего они являются выражением определенной ступени развития внутри реформистской теории, с одной стороны, и вульгарной буржуазной теории — с другой. Кто впервые прочтет эти заключительные слова Кунова, тот может на секунду подумать, что земля остановилась и солнце стало двигаться вокруг земли — но это только действительное движение Куновых и, что особенно становится ясным, их движение вокруг буржуазной оси; стоит только обернуть тезис Кунова, и его загадка будет разрешена.

Henr. Roland-Holst van-der-Schalk. Communisme en moraal. Arnhem, N. V. von Loghum Slaterus Uitgevers-Maatschappij, 1925, pp. 218.

Генр. Роланд-Гольст ван-дер-Шалк. Коммунизм и мораль. Арнгем 1925 стр. 218.

Книга Роланд-Гольст «Коммунизм и мораль» вышла как ответ на книжку т. Преображенского «О морали и классовых нормах» (Москва, Гиз, 1923, стр. 114; нем. перев. Р. Адлер, Hamburg, C. Hoym, 1923, стр. 94). Роланд-Гольст не может согласиться с положением т. Преображенского, что «мораль в классовом обществе следует за классовым интересом, который она заставляет щеголять в туманном мифологическом одеянии, т.-е. просто делается классовой» (Преображенский, стр. 18); что вечных моральных истин нет и даже социальный инстинкт одной части общества на баррикадах противостоит социальному инстинкту другой. Точка зрения, согласно которой мораль идентична с классовым интересом, по Роланд-Гольст, не что иное, как социально-рационалистический утилитаризм, отголосок буржуазной морали, для которой мораль действительно идентична с «полезностью для социальной группы». Мораль Преображенского несуразна и вредна для коммунистического движения; он «ставит классовые нормы буржуазии периода ее упадка, — т.-е. в эпоху, когда она уже перестала принимать участие в производственном процессе и держится у власти лишь при помощи

[1]) Кунов о ней не говорит в связи с марксовым развитием классовой теории по причине, которой мы здесь не будем касаться.

обмана и насилия, — на одну линию с классовыми нормами поднимающегося пролетариата, в эпоху его борьбы за коммунизм, за освобождение человечества» (Роланд-Гольст, стр. 92).

Преображенский преувеличивает релятивизм и исходит из формальных воззрений; он рассматривает развитие общества не как беспрерывный процесс, а как ряд эпизодов, он не может выбраться из временных и преходящих явлений и не замечает полезного не только для социальной группы, но и для всего человечества, для космической человеческой жизни. — Этим взглядам Преображенского на мораль как на «цель, оправдывающую средства», характерным для эпохи упадка буржуазии, Роланд-Гольст противопоставляет свою точку зрения, органически-диалектическую: поведение человека не может быть об'яснено лишь одним разумом, одними лишь рациональными силами; эта «рационализация» всей жизни — лишь продукт капитализма. Нормы поведения человека устанавливаются не только классовыми интересами, но и иррациональными, подсознательными силами.

Основываясь дальше на учении Дарвина о самосохранении вида и учении психоаналитической школы о подсознательном, Роланд-Гольст старается доказать, что приматом в коммунистической морали должен быть социальный инстинкт, превращающийся в процессе развития общества в вечно существующее сознание космического единства человеческого рода.

Корни морали лежат в «космическом чувстве единства» (стр. 85), имевшемся уже у примитивного человека, «погибшем в капитализме и рационализме и воскресшем в наши дни» (стр. 88). В этих глубинах коренится единство всех людей, «единство, существующее несмотря на расовые, национальные и классовые противоречия, потому что его корни восходят к сфере, лежащей вне времени» (стр. 151).

При таком понимании морали, роль марксизма, конечно, ограничена. Космическое единство, — основа морали Роланд-Гольст — «в марксизме почти совсем отсутствует» (стр. 131). Марксизм недооценивал действия неожиданных, внезапных, веками подавляемых подсознательных сил человеческого сознания (стр. 163), он еще не выявил своего отношения к новому течению в психологии (стр. 165), он только одна из частей нового, образующегося мировоззрения (стр. 20). Коммунистическая мораль, по мнению Роланд-Гольст, в известной степени должна заменить религию, подвергнуть пролетарский авангард испытанию в самопожертвовании и самообладании, в подавлении корыстных стремлений, страстей и т. д. «Она теперь уже должна подготовить то изменение в приспособлении сознания, которое наступит после завоевания власти, пролетариат теперь уже должен понять вечное целое; мы должны учить его видеть в сегодняшнем угнетателе и классовом враге человека и товарища по работе завтрашнего дня. И когда этот социальный идеал общечеловеческого братства будет освещаться для авангарда пролетариата — как более сильным светом — сознанием той всеобщей космической связи, погружаясь в которую человек очищается от страстей и личных стремлений, тогда, по крайней мере, авангард пролетариата будет ощущать причинение боли классовому врагу не как удовлетворение инстинктивной страсти, а как самую тяжелую жертву, требуемую от него.

Всякому, кто знает прежнюю прекрасную работу Роланд-Гольст «О буржуазной и пролетарской морали» (пять статей, опубликованных впервые в голландском рабочем журнале «De Bode» за декабрь 1903 г., переведенных на нем. язык и напечатанных в № 12 сборника «Aus der Waffenkammer des Sozialismus» за 1910 г.), должна броситься в глаза громадная эволюция, проделанная автором в течение последнего десятилетия, эволюция, означающая отказ от основных принципов революционного марксизма и переход к своеобразному коммунистическому романтизму и мистицизму. Как в своей теории искусства, так и здесь, в морали, Роланд-Гольст считает необходимым «дополнить» марксизм психоанализом, так как марксизм, по ее мнению, есть результат научной мысли XIX века и не

может устоять перед научными достижениями XX века особенно в психологии. Беда Роланд-Гольст не в том, что она вообще критикует точку зрения т. Преображенского, а в том, что эта критика не по адресу. В книжке т. Преображенского есть места, с которыми многие марксисты могут и не согласиться — особенно что касается части практических выводов, — но в основном его постановка вопроса правильна: мораль определенного класса вытекает из его классовых интересов (как это прекрасно доказывала раньше сама Роланд-Гольст).

Формулировка т. Преображенского, правда, носит немного упрощенный, сугубо-технический характер; его моральные нормы отбрасываются, когда они технически исполнили свою роль в рамках определенного исторического периода; в этом смысле, есть доля правды в упреке Роланд-Гольст в «социальном утилитаризме». У Ленина, например, есть другая постановка вопроса (развитая Дебориным в его книжке «Ленин как мыслитель», М. 1924, стр. 81—87), по которой моральные нормы необходимо вытекают из общественных отношений. «Только через п р о т и в о р е ч и я общество идет к с о л и д а р н о с т и, через строгую организацию и подчинение — к общественной организации, не знающей насилия, подчинения и принуждения. Для того, чтобы люди п р и в ы к л и, как говорит Ленин, соблюдать элементарные правила общежития, необходима не проповедь моральных идей, а с а м о в о с п и т а н и е и и з м е н е н и е ч е л о в е к а, в связи с необходимыми экономическими преобразованиями общества» (Д е б о р и н, стр. 84).

Не так понимает Роланд-Гольст свое «космическое единство», выведенное из социального инстинкта сохранения человеческого вида. Это м и с т и ч е с к о е единство, существующее где-то вне времени, лопнет, как мыльный пузырь, при первом соприкосновении с реальной действительностью. Роланд-Гольст пошла еще дальше и договорилась до взгляда социал-демократического проф. Геймана, согласно которому о моральности или неморальности поступка нужно судить не по самому поступку или по его последствиям, а по м о т и в а м, вызвавшим его. Недаром книга Роланд-Гольст заслужила такую большую похвалу голландского социал-демократического журнала «De Socialistische Gids» (дек. 1925).

II. ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ И МАРКСИЗМ

Бернгард Фишер. В и т а л и з м и п а т о л о г и я. Перевод с немецкого под редакцией и с предисловием В. А. О б у х а. Изд. Мосздравотдела М. 1926, стр. 133, ц. 2 руб.

Фишер отличается от ортодоксальных механистов тем, что он не отдает на растерзание виталистам проблему качества, а пытается разрешить ее, исходя из эмпирических завоеваний биологии; на этом пути он блестяще борется с витализмом. Как и многие другие механисты, Фишер воображает, что в своем «механистическом мировоззрении» он свободен от философии. На деле же он пробавляется таким философским суррогатом, который связан с именами Маха, Бергсона, Риккерта и пр. Но это не мешает ему отстаивать механистические позиции. «Советские» механисты напрасно думают, что «механистическое мировоззрение» авансом материалистично; наоборот, Фишер, например, утверждает, «что нет доказательства абсолютного существования материи, что вся наша действительность — лишь суб'ективное явление» (стр. 126). Тем не менее сам же Фишер выступает против нематериальной энтелехии виталистов и доказывает, что в основе органического формообразования лежат физико-химические процессы. Но это в начале книги; в конце же он ставит восклицательный знак и многоточие, когда перед ним «встает первичная и неразрешимая проблема формы!..» (стр. 117).

В «химической теории формообразования» Фишера важнейшим моментом является положение, что «все формообразование является лишь выражением специфической химической структуры, специфического обмена веществ». Впрочем,

автор здесь не оригинален, он повторяет и развивает положения, высказанные многими другими биологами. Тем не менее в этом — один из интереснейших моментов книги Фишера. Странно, однако, что Фишер, сторонник «наследования приобретенных свойств», не замечает того, что и разделение вейсманистами плазмы на смертную и бессмертную бито тем же аргументом, т.-е. единство соматических и генеративных элементов организма дано в единстве обмена веществ; Фишер, наоборот, признает теорию двух плазм и даже дает ей (бессознательно) свое химическое обоснование, предполагая «в каждой клетке... наличность двух групп белковых молекул: специфической функционирующей клеточной молекулы, соответственно отдельным функциям клетки организма, и индивидуальной плазмы как части всего индивида» (стр. 29).

Только теоретической слабостью можно об'яснить притягивание Фишером теорий наследственности, а вместе с тем и спекулятивной концепции идиоплазмы Негели, для «подтверждения» единства организма.

Как механист, Фишер придает исключительное значение в формообразовании физико-химической структуре; эта односторонность лишает автора возможности дать качественное определение жизни, и, как увидим далее, отсюда вытекают плачевные последствия.

Фишер, например, присоединяется к Ферворну и Гертвигу в том отношении, «что характер клетки определяется свойственным ей обменом веществ» (стр. 39). Но в том-то и суть, что в дифференцированной клетке дело обстоит как раз наоборот: именно специфичность веществ обмена определяется функциональными особенностями клетки (некоторой ткани) и в этом последнем — ее качественная особенность; в развитии, в формообразовании происходит обратное[1]): причина становится следствием, и, при познании качественных особенностей бытия, надо уметь диалектически сочетать эти противоположности.

Для недиалектического мышления качество иррационально. Прав поэтому Фишер, когда он пишет: «Как раз качественная сторона явлений всего более возбуждает интерес многих людей. А в этой области механистическое естествознание ничего дать не может» (стр. 124).

Почему же «механистическое естествознание ничего дать не может» в этой области? Это не входит в его методологические задачи. Механистическое естествознание сводит в единство моменты конкретного многообразия действительности, данной в представлении. Таким путем описательные науки формулируют в абстрактных понятиях, в «общем», отдельные моменты, стороны, отношения и т. д. единичного; воззрительное конкретное единство стало быть анализируется на составные части, относясь к абстрактным понятиям, как сложное к простому; на этом недиалектическое естествознание и останавливается. Но задача познания не окончена, она требует еще и воспроизведения конкретного (познанного) синтетическим путем, требующим единства тех различных «общих» моментов, на которые разложено аналитически-конкретное единство. Вот почему вся важность познания действительности в ее качественном многообразии заключается в проблеме диалектической философии, в проблеме конкретного понятия. Вот почему прав Фишер, заявляя: «Мы можем лишь доходить до основных [т.-е. абстрактных] (стр. 114) понятий». Не ошибается Фишер также, когда утверждает, что «конечные основные понятия точного естествознания, пожалуй, носят метафизический характер» (стр. 103). Именно в этой незаконченности, односторонности, абстрактности естественно-научных понятий находится логический корень всякой и всяческой метафизики.

Любопытно, что лучшее, что мог сказать Фишер о качестве, он развил в своеобразной «теории синтеза». Здесь он пытается отмести от «механистического мировоззрения» упрек в том, что оно «требует полного сведения всех жизненных процессов к простым законам физики и химии» и что «будто, — говорит

[1]) Это положение действительно и в отношении целого организма.

он, — те же законы неорганической природы могут раз'яснить нам проблему жизни». Он признает своеобразие законов для каждой качественно своеобразной области: «уже законы и проблемы клетки иные, чем законы физики» (стр. 119).

«В атоме обнаруживаются свои закономерности, в молекуле свои, в клетке, в свою очередь, коренным образом другие, еще иные в частичках тела, иные в психике», — все это верно, но вот и «ложка дегтя»: «Мы особенно настойчиво подчеркиваем, — говорит он, — что механистическое мировоззрение утверждает лишь абсолютное постоянство, неизменную закономерность всякой деятельности, всякого процесса» (стр. 103). В этом-то и заключается ахиллесова пята всего современного естествознания. «Абсолютное постоянство, неизменная закономерность» в современном естествознании означает отрицание развития, между тем только развитие дает методологическую возможность познать качество.

Фишер толково, как диалектик, говорит, «что в результате соединения двух атомов или двух молекул возникает не нечто просто сложенное, не нечто «суммированное», но совершенно новое тело с совершенно новыми свойствами. Если это наблюдается у самых простых тел, то при более сложных синтезах приходится считаться с совершенно новыми качествами».

Положительно на одной странице вмещается у Фишера недоказуемость «абсолютного существования мира», об'явление его продуктом суб'ективного творчества, суб'ективных образов, с мечтами разрешить в пробирке проблемы качества.

Если бы Дриш, виднейший из виталистов, стал на ту точку зрения, что энтелехию можно измерять и «демонстрировать в пробирке», то все различие между механистом и виталистом, по Фишеру, пало бы. Но как можно измерять и демонстрировать «суб'ективные качества» в пробирке?

Фишер проделал три этапа: первый этап — изложение «физико-химической теории формообразования» (этап механистический), второй этап — признание качества и отрицание возможности об'яснения его в «теории синтеза» (этап агностицизма и, в теории познания, — суб'ективизма) и третий этап — «всемогущего», «чуда» (этап теологический). К «чуду» автор рецензируемой книги пришел как к крайнему экстраординарному средству буквально на последних страницах по вопросу о строении яйцевой клетки. Но стоило ли огород городить: сразу—оно бы лучше!

Несмотря на всю теоретическую безответственность, книжка Фишера является живым свидетельством (в постановке проблемы качества) беременности естествознания диалектикой; она еще раз подтверждает, что роды мучительны и что повивальной бабкой, способной дать жизнь ребенку — сознательно-диалектическому естествознанию, — является философия марксизма — диалектический материализм, и, с другой стороны, убеждает, что явно губителен тот философский паек, на котором продолжает сидеть современное естествознание — паек эмпиризма и позитивизма.

Б. М. Завадовский. Дарвинизм и марксизм. Гиз, М. 1926, стр. 112, ц. 60 к.

Подводя итоги борьбе неоламаркистов с неодарвинистами, Б. Завадовский выдвинул положение, что «нет никаких оснований противопоставлять» неоламаркизм неодарвинизму, «ибо они не только допускают, но и требуют взаимного примирения». Легко и просто говорится в книге, «что спор между ламаркизмом и дарвинизмом есть в значительной мере спор о словах и проистекает... из привычки мыслить формально логическими понятиями и догматизировать принятые в основу положения». Как-то даже не верится, что в наши дни можно сказать: «причина безрезультатности (?) исхода 50-летнего спора между ламаркизмом и дарвинизмом — в ложности постановки самой проблемы. Истина в том, чтобы, взяв здоровые зерна как в том, так и в другом течении, синтезировать их в единую теорию внешних и внутренних факторов эволюции» (стр. 30). «Несчастье эволюционной теории, — говорит автор, — в том, что

она до сих пор находится в руках биологов, прошедших школу морфологических дисциплин». Но это только прелюдия. Главное же в том, что морфологи или, выражаясь «конкретно», «ламаркистские и неодарвинистские схоластики» «топчутся» около «вопроса и потребности непосредственно об'яснить причины изменчивости», «проморгавши», «что в проблеме раскрытия причин изменчивости нет единого общего решения, а есть их столько же, сколько существует форм животных и растений» (стр. 44).

Итак, основная проблема спора отменяется на том основании, что общего решения быть не может: в природе что ни форма, то особое решение вопроса о причинах изменчивости. Спорили «схоластики» 50 лет впустую; теперь надо начинать все сызнова.

В научной биологии, вопреки нашему «физиологу-экспериментатору», разделяют все факторы изменчивости по двум обобщающим группам: на экзогенные и автогенные; сообразно с этим делением механоламаркисты признают причинным источником изменчивости влияние внешней среды на организм, а неодарвинисты об'ясняют изменчивость, имеющую значение в развитии вида, наследственностью, т.-е. придают исключительное значение органическому развитию самой (наследственной) плазмы особей, оставляя экзогенным факторам ограниченную роль причин (соматической) не наследуемой изменчивости. Обе концепции требуют критического преодоления и диалектического синтеза, что собственно и хотел сделать автор рецензируемой книжки, но одного доброго желания не достаточно. Если быть логически последовательным, то — об'явив вопрос исследования причин изменчивости безраздельным уделом ползучего эмпиризма, в такой форме, что «единого общего решения» вообще не может быть, — нет оснований возвращаться к попытке дать «единое общее решение». Но для «методологии» нашего автора характерно отсутствие логической последовательности. Снятая проблема вновь ставится. Вопреки «схоластикам от науки» (вроде «догматичного ума Филипченко», или «буржуазного евгениста Кольцова»), ставящим вопрос так: или наследуются благоприобретенные признаки, или нет, стало быть причины изменчивости — либо внешнего порядка, либо нет, Завадовский говорит, что, во-первых, «нельзя говорить: или — или, а нужно говорить и — и», а во-вторых, «принципиальной» разницы между автогенезом и эктогенезом нет.

Остановимся сначала на «и — и»; автор распространяется по этому поводу так: «Прежде всего нужно понять, что нельзя этот вопрос решать огулом или только «за», или только «против», но что может быть и решение по принципу диалектики: и наследование, и не-наследование, в зависимости от того признака и того вида животного, который мы изучаем в данный момент» (стр. 47). Если разобрать логический состав этой фразы, то получается не диалектика, а эклектика.

Придаточное определительное к главному предложению «и наследуется, и не наследуется» говорит, что один признак наследуется, а другой — нет у одного и того же вида, или однородный признак у одного вида наследуется, у другого же нет. Другой смысл в этой фразе невозможен. Стало быть, говоря о наследовании, приходится сказать, что признак или наследуется, или нет. В формуле «и — и» автор признал и то, и другое, а по существу уклонился от ответа, по принципу эклектики. Диалектика сочетает противоположности в единстве. А если один признак наследуется, а другой нет, то где же их единство? Мыслители, без основания соединяющие в единство противоположности, называются эклектиками, а не диалектиками. Мы остановились на центральной эклектической формулировке «примиряющего синтеза», но по сути все изложение этой теории (если позволительно употребить этот термин) есть эклектическая мозаика неодарвинистской и неоламаркистской аргументаций.

Во-вторых, автор «преодолевает» различие внешних и внутренних факторов: «современным схоластам от науки, — говорит он, — свойственно противопоставлять автогенез эктогенезу, понимая под этим якобы некоторые принци-

пиально разные сущности. Рассуждая статически, — да, они правы; рассуждая динамически, — и авто- и эктогенетические факторы эволюции сводятся к одному и тому же общему первоисточнику» (стр. 60). Для диалектики логическим условием сходства должно быть различие, ибо сходство безразличного есть абсолютное тожество (пустота). Завадовский, отчитав схоластиков за различие, настаивает на сходстве, как будто одно другое исключает. Из всего этого видно бессилие автора подняться над формальной логикой. Это нужно отметить, так как автор всерьез думает: «диалектический метод мышления помог нам произвести правильный анализ».

Мы остановились на биологической части содержания книги, но тема ее шире:

«В наши дни вопрос о взаимоотношениях между естествознанием и марксистской философией становится вопросом неотложной важности», — говорит автор. Он прав, пожалуй, что марксистская философия для естествознания имеет «неотложную» важность. Доказывать едва ли нужно, что эклектика «примиряющего синтеза» вопиет о важности философской грамотности для естествоиспытателей. Второпях автор перешел все границы «синтеза» дарвинизма и марксизма, он провозгласил не только «родство, единство и преемственность естественнонаучного и марксистского мировоззрения», но «глубокое внутреннее родство идей и методов, которые лежат в основе как естествознания, так и марксизма». Не будем останавливаться на так называемом анализе методологических основ дарвинизма и марксизма, возьмем два-три «эмпирических» образца вопиющей путаницы «анализа» и «синтеза» автора, чтобы оценить предлагаемую им «базу, на которой сойдутся все, как марксисты, так и естествоиспытатели, способные продумать и осмыслить методологию и философские предпосылки своей науки».

Автор на первых же страницах, при обсуждении, почему «менее осознан для самого естествоиспытателя тот путь, который неизбежно ведет его к приятию марксизма» (вследствие чего материализм в естествознании у него сочетается с идеализмом в социологии), обещает показать, что «в дополнении к марксистскому анализу классовой природы современного ученого здесь много ясности и дополнений может внести также рефлексологический анализ тех «психологических» задержек, которые существуют в мозгу у естествоиспытателя в отношении этих проблем», и которые, — никакого сомнения не остается, — отсутствуют у нашего автора. Он без всякого остатка сумел «слить воззрения естествоиспытателя-материалиста с воззрениями марксиста-социолога в единое целое». Если угодно, вот образец: «Менее всего достоин называться марксистом тот, кто станет отрицать факты и выводы генетики только потому, что она лишний раз убеждает нас в правильности того основоположения диалектического материализма, что сознание определяется бытием и, поскольку физиологическая природа и конституция людей не абсолютно тожественны, естественно вытекает отсюда и разность их «сознания» (стр. 74).

Остается ли сомнение в том, что автор нашел «базу, на которой сойдутся все», или в том, что он «слил естествознание и марксизм»? До сих пор все марксисты думали, что социальное бытие людей определяет их сознание, теперь Завадовский открыл новую базу сознания: различие в сознании людей он об'яснил из различия «физиологической природы и конституции людей». Это вот называется диалектическим материализмом?! На самом деле это материализм Фохта, Молешотта, Бюхнера и т. д.

Впрочем, если генетика убеждает «в правильности основоположений диалектического материализма», то преформизм в целом «является краеугольным камнем исторического материализма». Посмотрим, что из этого выйдет. В начале брошюры автор беспощадно «сливал» естествознание с марксизмом, но в конце «приходится подвергнуть сомнению (sic!)... прочно ассимилированную марксизмом схему», пока в вопросе происхождения человека. Завадовский не называет здесь по имени виновника «прочно ассимилированной марксизмом схемы». Он вместо

изложения Энгельса говорит: «все мы в наших популярных курсах первобытной культуры оперируем ламаркистским принципом упражнения рук и мозга, в процессе употребления орудий труда, как непосредственным фактором эволюции человека от обезьяноподобного предка», но он рекомендует «при изложении возможных путей эволюции человечества и животного предка поменьше опираться на ламаркистские схемы».

Энгельс говорит: «Сначала труд, а затем и рядом с ним членораздельная речь являлись самыми главными силами, под влиянием которых мозг обезьяны мог постепенно превратиться в человеческий мозг, который, при всем сходстве в основной структуре, превосходит первый величиной и совершенством». Завадовскому этого мало, он ставит вопрос, «в какой мере трудовой опыт (sic! — а не труд) первобытного человека (! — а не обезьяны), ведший за собой упражнение и тренировку коры головного мозга, мог являться непосредственным фактором эволюции человеческой психики (! — а не мозга)». Какая путаница!

Далее он, как истый экспериментатор, продолжает: «Нельзя ли здесь предположить действительно такую картину, что усиленная деятельность коры мозга влекла за собою соответственное изменение сперва в химизме крови, а затем в соответствующих «генах» зародышевой плазмы? Отрицательный ответ на этот вопрос дать тем труднее, что все мы в наших популярных курсах...» и т. д.

Ведь это же геркулесовы столбы путаницы — перепутать мозг и психику, труд и трудовой опыт; ведь если следовать за Завадовским в его «предположении», то надо полагать, что психика не буквально, а в форме генов прямо кусками залегает в зародышевой плазме. Но не в этом гвоздь вопроса, гвоздь заключается в том, что «факты, полученные из наблюдений над разными расами и классами людей, не дают основания думать, что об'ем личного опыта родителей,— и тем самым тренировка их механизма временных связей, — отражался сколько-нибудь закономерно на потенциальных возможностях потомства». На этом основании автор и предлагает «перестроить ряды и»... «подвергнуть сомнению... прочно ассимилированную марксизмом схему».

Что же он предлагает? — «Неодарвинистическая схема предполагает, что 1) первично должна была проявляться всякий раз некоторая новая мутация, отличавшаяся более сложной структурой мозговых процессов, и это 2) вторично давало ей возможность прибегнуть к более сложным приемам употребления орудий труда».

Раньше думали по наивности, что развитие производительных сил имманентно общественно-историческому процессу; теперь Завадовский дал новую «базу», новый «краеугольный камень исторического материализма»; — «первично» должна появиться «новая мутация» психики и только вторично люди могут «прибегнуть к более сложным приемам употребления орудий труда». Это новый «исторический материализм», с той особенностью, что материализмом здесь и не пахнет.

В заключение мы должны подчеркнуть, что эклектическая путаница рецензируемой книжки чревата, независимо от добрых намерений автора, величайшими опасностями для идеологического формирования «грызущих гранит науки», так как грубейшие антидиалектические, антимарксистские и идеалистические ошибки ее прикрываются маской марксизма.

Проф. С. Д. Чулок. Теория эволюции (учение Дарвина). «Дарвиновская библиотека», под ред М. М. Завадовского. Гиз, М. 1926, стр. 445, ц. 2 р.

Об'емистая книга проф. Чулока написана с большой тщательностью и эрудицией. С методической стороны особенно удачно (и вместе с тем оригинально) выполнены подготовительные главы. Впрочем, прием изложения автора в основном во всех частях книги одинаков: та же тщательность, удачный подбор фактического материала, способ ознакомления с ним читателя и пр.

Нужно сказать, однако, что в книге проф. Чулока, как в зеркале, отражаются достоинства и недостатки состояния нынешней научной биологии, именно: не-

обычайное богатство эмпирически обработанных данных и столь же необычайная «нищета духа», теоретическая нищета. После удачно проведенных подготовительных глав общего биологического характера автор знакомит читателя с основными «систематическими» категориями. Тщетно вы стали бы искать теоретических определений «систематических единиц». Не потому, конечно, автор старается внедрить в читателя наглядно, эмпирически, понятие вида, рода, отряда, класса, типа, что этот способ подходит педагогически (ведь дают же теоретические определения категорий в популярных общественных книжках), а потому, что эмпирическое естествознание беспомощно в теории, беспомощно в логических операциях с понятиями. Для современного эмпирического естествознания существуют две возможности в определении понятий: либо делать их эмпирически наглядными, и тогда оно впадает в беспросветный эмпиризм, или, оперируя понятиями как а б с о л ю т н ы м и а б с т р а к ц и я м и, впадать в бездну вымысла.

Чтобы вложить конкретное содержание во «всеобщее» понятие через определение «особенным» и «отдельным» и, наоборот, найти абстрактное через определение «отдельного» и «особенного» «всеобщим», естествоиспытателям надо учиться философской грамоте, естествознанию надо оставить свое презрение к теоретическому мышлению. Ведь именно в систематике нагляднейшим образом видно, как одна и та же категория в отношении к низшим систематическим единицам, ее составляющим, является абстрактной, в отношении же к высшим систематическим единицам является конкретной, так как в первом случае она составляет всеобщее как момент или отношение «отдельного», а во втором случае является «отдельным», входящим (одной стороной, моментом, отношением и пр.) во «всеобщее»; таким образом «всеобщее» определено через «отдельное», и «отдельное» выступает как не определенное во «всеобщем».

Проф. Чулок оперирует с понятиями систематических единиц, как с представлениями в той или иной степени отвлеченными. В понятии, говорит он, «представление становится отвлеченным», но он не замечает, что отвлеченное представление перестает быть представлением, а становится понятием, подчиняясь его законам движения (логике). Все расчеты проф. Чулока быть понятым в своем изложении основаны на том, что у его собеседников, как и у него самого, «существует способность обобщать единичные представления в одном сборном понятии»; он не замечает, что те представления, которые возникают у читателя при названии животных (напр., «бурый медведь») или растений, бессмысленны, пока автор не укажет словесно на сходство и различие у исследуемых систематически особей, на основании которых он и относит их к определенным систематическим категориям; стало быть, он целиком оперирует понятиями. Но вместо того, чтобы развернуть логические определения систематических единиц, автор перечисляет случайные морфологические признаки.

Для научной биологии этот недостаток существен потому, что на нем покоятся бесконечные споры о реальности и нереальности систематических единиц. Для книжки проф. Чулока это не важно, так как самую теорию эволюции он внедряет своему читателю эмпирически, т.-е. с тем же недостатком, однако с той разницей, что в теории, говорит он, «всегда высказывается нечто такое, что не подлежит прямому наблюдению» (стр. 167).

Для словесного выражения теории проф. Чулока достаточно понятия «постепенное развитие». Для обоснования и раз'яснения понятия (или — что у него то же самое — теории) развития автор привлек лучший и важнейший материал из морфологии и систематики, палеонтологии и эмбриологии и, наконец, географии животных. Но, с другой стороны, он написал: «Мы воспринимаем понятие развития без раз'яснений потому, что мы душой схватываем его, потому что мы и в самих себе и в окружающем нас мире имеем тысячи примеров процесса развития» (стр. 370). Ни дать, ни взять — религиозные люди «воспринимают» бога.

Государственное издательство рекомендует книгу как «ориентировочную» «в вопросах эволюции», «трактующую эволюционное учение в целом», при чем

само Гос. издательство, очерчивая эволюционное учение в целом, правильно отмечает, что «три основных вопроса, легших в основу эволюционного учения английского биолога (Дарвина) — изменчивость живых организмов, наследственность и отбор, — разрослись до размеров самостоятельных научных дисциплин». В ориентировочной же книге проф. Чулока о первых двух составных частях — ни слова, а к последней части автор считает возможным «относиться весьма критически (к теории отбора), считая ее далеко не доказанной»!

Но проф. Чулок, «критически» отнесясь к теории отбора, не дает себе труда детально представить ее критику. «Естественный отбор, это — общее соображение, которому можно, — говорит он, — верить или не верить: проверять тут на фактах, примерах или опытах нечего». Вот как обращаются с теорией эмпирики: «верить или не верить», и все тут.

Теории естественного отбора биология обязана, как думает проф. Чулок, тем, что литература, возникшая вокруг нее, «привела к тому, что из-за деревьев не видно стало леса» (стр. 416) и даже больше того: у Дарвина попытка об'яснить ею необ'ясненное была причиной того, что «все изложение книги Дарвина получило отпечаток казуистики». И вот, чтоб виден был «лес», чтоб не было «казуистики» и чтоб не покоилась теория развития на «вере», проф. Чулок мудро отделил зерна от плевел; он отделил общее эволюционное учение от теории отбора Дарвина, теорию развития от проблемы целесообразности. Но это называется не критикой дарвинизма, а выхолащиванием из дарвинизма и того, что было в нем исторически-революционного. Не понимать, что только теория развития в состоянии дать причинное об'яснение целесообразности, значит ничего не понять в учении о развитии. Рассказывать же, что вопрос «о возникновении целесообразности» «ныне требует совсем других предпосылок и исследований», об'ективно значит расчищать путь телеологии.

Как популярная книжка, «Теория эволюции» проф. Чулока может быть рекомендована для чтения.

А. Некрасов. Борьба за дарвинизм. «Дарвиновская библиотека». Гиз, 1926. стр. 163, ц. 60 к.

В книге собран в основном достаточно уже известный материал, изложенный частью в форме цитат и больших выдержек из оригинальных работ, частью же — собственными словами автора. Содержание книги теоретически совершенно не обработано, поэтому она не представляет собою ничего оригинального.

Своеобразное убеждение автора в том, что на форму, в которую дарвинизм выливался, «оказывали свое влияние личности тех или других борцов за дарвинизм», заставило автора останавливаться местами на не имеющих никакого отношения к делу подробностях жизнеописания «борцов за дарвинизм». «Мне казалось, — пишет он, — этим выясняются их роль и характер участия в борьбе за эволюционные идеи». Как курьез, можно привести отрывки из биографии Гексли, в которой читаем: «Во время остановки «Рэттльснека» в Австралии, в городе Сиднее, Гексли в первый же год своего путешествия познакомился с мисс Хизхорт, родственницей одного из видных купцов города, влюбился в нее и принял твердое решение жениться на ней, но не иначе, как тогда, когда упрочит свое положение. Видясь с мисс Хизхорт в течение довольно частых стоянок «Рэттльснека» в Сиднее, он с возвращением экспедиции в Англию должен был надолго расстаться с невестой». Ну, скажите, пожалуйста, какое отношение к борьбе за дарвинизм имеет невеста Гексли? Но роман не кончен. «Обеспеченное положение, несмотря на всю энергию Гексли, пришло очень не скоро, но он вынес и продолжительную разлуку, и медленность письменных сообщений между Лондоном и Австралией, что, казалось, легко могло привести молодых людей к разрыву, и остался верен раз данному обещанию. Женитьба состоялась в Лондоне, куда он выписал свою невесту только в 1855 г., спустя 8 лет после их первого знакомства, когда счастье улыбнулось...» и т. д. и т. д. Кому это нужно?

А между тем, увлекаясь романом Гексли, Некрасов не замечает экономической основы связи Англии с отдаленной Австралией и др. колониями, связи, благодаря которой путешествовали и Гексли, и Дарвин, и Уоллес — все английские столпы дарвинизма. И разве не интересно, что к мысли о трансформации видов в природе Дарвин пришел во время путешествия на «Бигле», сравнивая органическое население Галапагосских островов с материком Южной Америки. Аналогично этому лучшим иллюстративным материалом к теории «борьбы за существование» Уоллеса являлись его лепидоптерологические сборы на островах Малайского архипелага и в других английских колониях.

В книге нет ни малейшей попытки исторического анализа необходимости появления дарвинизма и борьбы за и против него. По подбору материала в книге слабо освещена борьба вокруг дарвинизма в России и почти ничего не сказано об отношении разных общественных слоев к дарвинизму во Франции.

III. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ И ИСТОРИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Б. Беленко. Рикардо и Маркс как теоретики стоимости. Изд. «Пролетарий», 1926 г., стр. 76, ц. 75 к.

Труд В. Беленко представляет собой новую попытку сравнительно-методологического анализа теорий стоимости Рикардо и Маркса и выяснения характера зависимости марксовой постановки и решения проблемы от рикардовой. В первой главе автор рассматривает постановку проблемы стоимости у Маркса, подчеркивая социальный и специфически-исторический об'ект экономического исследования: товарно-капиталистическое общество. Содержанием стоимости, по мнению автора, является «общественный труд» (стр. 16), абстрактный же труд есть «только его общественная форма» (стр. 11), и поэтому ни в коем случае не может быть сведен к «затрате мускульной и нервной энергии в безразличной форме». Что же касается противоположных утверждений самого Маркса, то, как полагает автор, «их нужно понимать весьма условно (!), ибо «физиологическое понимание» абстрактного труда находится в резком противоречии со всей его (Маркса) экономической системой» (стр. 11). Исходя из категории стоимости, как основного феномена товарно-капиталистического общества, автор предлагает следующий новый вариант схемы зависимостей основных и производных категорий у Маркса:

Первый ряд.	Трудовая стоимость, ее формы.	Товар, деньги. Наемный труд. Капитал. Цена. Рыночная стоимость. Рыночная цена и цена производства.
Второй ряд.	Прибавочный труд. Прибавочная стоимость, ее формы.	Прибыль, торговая прибыль, рента, процент на капитал и другие виды нетрудового дохода (стр. 16).

Во второй и третьей главах автор рассматривает методологические основы и постановку проблемы стоимости Рикардо, выдвигая на первый план индивидуалистические и неисторические корни его теории и связь с утилитаристической философией XVIII века. Автор полагает, «что для Рикардо не существует никакой другой стоимости, которая была бы отлична от правила, заключающегося в данном меновом акте... он не знает общественной стоимости как закона» (стр. 42), и поэтому главную заслугу Рикардо В. Беленко видит в том, что он не только об'явил труд содержанием стоимости, а его количество — ее мерой, но и построил на этом всю свою систему (стр. 34).

Переходя к оценке теорий стоимости Рикардо и Маркса, автор считает расхождение обеих теорий производным от основных методологических рас-

хождений, приведенных выше. Для Рикардо стоимость есть свойство вещи; наоборот, Маркс «рассматривает стоимость как исторически обусловленное общественное отношение и показывает, при каких условиях труд определяется как абстрактный труд, а продукт труда — как стоимость» (стр. 74). Что же касается сходства между обеими системами, то оно, по мнению автора, сводится к учению о содержании стоимости; остальные моменты не имеют существенного значения (стр. 76).

Из изложенного ясно, что в своей трактовке проблемы стоимости автор примыкает к Гильфердингу и Рубину и решительно расходится с взглядами Зибера, Розенберга и др., которые не видят основных принципиальных расхождений в постановке и решении проблемы стоимости у Рикардо и Маркса.

Положительной стороной работы В. Беленко является выпукло подчеркнутое расхождение в методах и общих принципах теоретических систем Рикардо и Маркса. Но, с другой стороны, труд В. Беленко страдает и весьма серьезными дефектами: автор не всегда последовательно защищает занимаемую им позицию. Так, например, понятие стоимости исключительно как «социальной формы» не вполне совместимо с представлением автора о величине стоимости и возможности ее измерения. Если стоимость есть только форма продукта общественного труда или форма социальной организации труда, то каким образом эта голая «форма» может эмпирически проявляться как количественно определенная и дробимая величина (деньги)? На этот вопрос автор не может дать ответа.

В корне неверна приведенная выше классификация В. Беленко основных и производных категорий у Маркса. Категории цен производства и капитала ни в коем случае не могут быть отнесены к «первому ряду», ибо цены производства не могут быть выведены непосредственно из категории стоимости, т.-е. независимо от основной категории «второго ряда» — прибавочной стоимости. Поэтому и категории цен производства и капитала (по тем же мотивам) должны быть обязательно отнесены ко «второму ряду». Но выставив и совершенно не обосновав новый вариант зависимостей у Маркса основных категорий от производных, автор впадает в противоречие с самим собой, когда на стр. 17 присоединяется к установившемуся в марксистской литературе взгляду на отношение III тома «Капитала» к I тому с точки зрения исследования различных типов производственных отношений. В то время как в схеме автора цены производства фигурируют в качестве производной категории простейшего типа («первого ряда», т.-е. стоимости), здесь категория цен производства уже представляет из себя производственное отношение сложного типа, именно производственное отношение между капиталистами на основе существования производственного отношения между капиталистом и рабочим, т.-е. прибавочной стоимости. Наконец необходимо отметить и небрежность изложения. Мы встречаемся, например, с такими выражениями, как: «общественное отношение продолжает оставаться убийственной (?!) реальностью» (стр. 18).

Основные выводы автора не представляют ничего нового в сравнении с тем, что уже дано Гильфердингом и Рубиным. Расхождение с Рубиным у автора сводится лишь к тому, что В. Беленко настаивает на последовательной частнохозяйственной точке зрения Рикардо. Однако это утверждение автора не обосновано: мы думаем, что Рикардо, поставив во главу угла своего исследования проблему распределения общественного продукта между тремя основными классами общества, не мог «изолированно рассматривать меновой акт», и отнюдь не этот методологический дефект (частно-хозяйственная точка зрения), вопреки мнению автора, определяет ошибочную постановку проблемы стоимости у Рикардо.

В общем приходится констатировать, что попытка выдвинуть новые моменты для сравнительной оценки теории стоимости Рикардо и Маркса автору не удалась.

И. И. Рубин. История экономической мысли. Гиз, М. 1926, стр. 366, ц. 2 р. 75 к.

Рецензируемый труд И. И. Рубина отнюдь не представляет собою изложения экономических доктрин, расположенных в хронологическом порядке, но, по мысли автора, должен служить «историческим введением в более углубленное изучение марксовой экономической системы» (стр. 3). Такая постановка исторического курса по политической экономии в корне отличается от многочисленных курсов буржуазных экономистов.

Курс Рубина разбит на пять отделов, соответствующих основным эпохам эволюции экономической мысли. Первый отдел посвящен маркентилизму и его разложению, второй — физиократам, третий — А. Смиту, четвертый — Д. Рикардо и пятый — «разложению классической школы», куда, помимо вульгарного направления, включены также и социалисты-утописты. Каждая школа политической экономии и теории наиболее важных авторов подвергаются анализу, на основе об'ективных экономических условий той или иной эпохи, в связи с общей идеологией эпохи и, наконец, как выражение конкретных классовых интересов в области экономической политики.

В первом отделе курса отметим прекрасное изложение возникновения и первоначального развития проблемы стоимости: «нормативную» постановку последней у Альберта Великого и Фомы Аквинского, теорию спроса и предложения Джона Локка, теорию суб'ективной полезности у Барбона-Галиани-Тюрго-Кондильяка и, наконец, теории издержек производства Джемса Стюарта и зачатки трудовой теории у Петти. Весьма интересна попытка автора представить теорию суб'ективной полезности Барбона как отражение спекулятивной горячки его времени.

Отдел о физиократах, занимающий девять глав, представляет собою переработку специальной монографии автора, посвященной тому же вопросу.

Называя Смита (III отдел) «экономистом мануфактурного периода», Рубин подчеркивает его «индивидуалистически-рационалистический метод» и те противоречия его системы, которые вскрыл Маркс в «теориях прибавочной стоимости». Рубин видит корень всех противоречий Смита в двойственности методологической постановки проблемы стоимости: смешения мерила стоимости и причин изменения стоимости.

Если Смит — «экономист мануфактурного периода», то «учение Рикардо выросло на фоне быстрого роста фабричного, машинного производства» (стр. 211). Являясь выражением более зрелого периода капиталистического развития, теоретическая система Рикардо свободна от противоречий смитовской теории. По мнению автора, Рикардо является предшественником Маркса в исследовании количественной стороны стоимости, в то время как «качественная или социальная сторона стоимости осталась вне поля его зрения» (стр. 243).

Последний отдел, «Разложение классической школы», открывается главой о Мальтусе, который «занимает особое место как последовательный защитник землевладельческой аристократии» (стр. 278). В следующих главах дается критическое изложение теории Сэя и борьбы между «ортодоксами» рикардовского учения — Джемсом Миллем и Мак-Куллохом, и его противниками — Мальтусом, Торренсом и Бейли. Автор яркими штрихами описывает этот турнир и его финал — капитуляцию «ортодоксов» перед своими противниками: уничтожение основ трудовой теории стоимости посредством «расширительной» трактовки понятия труда. Далее в специальных главах даны изложение и критика теории фонда заработной платы, теории воздержания (Сениор), «гармонии интересов» Кэри и Бастиа, мелко-буржуазной критики капитализма Сисмонди, экономических основ проектов социалистов-утопистов. Наконец, последняя глава курса посвящена анализу теоретических взглядов Джона-Стюарта Милля как выразителя «заката классической школы» (стр. 336).

Целый ряд моментов «Истории экономической мысли» Рубина является спорным; с некоторыми деталями и специальными характеристиками можно не соглашаться, но нельзя отрицать стройности построения всего курса и последовательно проведенной самостоятельной точки зрения автора. Принципиальное понимание основ экономической системы Маркса изложено автором в его труде «Очерки по теории стоимости Маркса», где автор выдвигает, как главнейшую заслугу Маркса, постановку и разрешение проблемы формы стоимости. Этим определяется и подход автора к классикам и их предшественникам в области теории стоимости. Петти и физиократы принципиально поставили проблему стоимости, Смит начал, а Рикардо закончил разработку количественной стороны проблемы стоимости; на долю Маркса выпало завершение эволюции идеи стоимости: решение проблемы формы стоимости. При всей стройности и простоте такой концепции она не может не вызвать серьезных возражений: с одной стороны, вряд ли можно отрицать представление о форме стоимости у Смита и Рикардо (хотя бы и в неисторической трактовке), с другой стороны, едва ли можно согласиться с тем, что разработка количественной стороны проблемы стоимости была закончена Рикардо. Маркс завершил не только одну, но обе стороны проблемы стоимости, в частности его теория цен производства представляет собою разрешение именно количественной стороны проблемы, и поэтому нельзя согласиться с наличием законченной разработки этой проблемы у Рикардо.

Труд Рубина рекомендован ГУС'ом в качестве учебника для наших вузов. Этому назначению, благодаря простоте, ясности, живости и, в целом, марксистски-выдержанной точке зрения на эволюцию экономической мысли, труд Рубина отвечает в полной мере. Однако его нельзя назвать пока законченным учебником истории экономической мысли, поскольку обзор заканчивается серединой XIX века. Весьма желательно дополнить его историей послемарксовой буржуазной экономии — исторической школы, этического направления австрийской школы, англо-американской школы, а также новейших попыток построения политической экономии без стоимости, как выражения полного крушения буржуазной политической экономии.

А. Л. Реуэль. Предмет и метод политической экономии. Изд. «Плановое хозяйство», М. 1926, стр. 206, ц. 2 р.

Лежащая перед нами недавно вышедшая работа А. Л. Реуэля, «Предмет и метод политической экономии», представляет собою серьезное, вдумчивое изложение как метода, так и основ теории Маркса. Эта работа, как отмечает в предисловии Реуэль, «предназначена для студентов социально-экономических вузов», и, таким образом, она должна была по замыслу явиться только учебным пособием. Но на самом деле, это — больше чем учебник; по существу работа представляет самостоятельное исследование. Однако та задача — служить в качестве учебного пособия — определила и форму построения работы; этим обстоятельством, повидимому, нужно об'яснить и некоторую растянутость и наблюдающиеся повторения.

Книга распадается на три части. В первой главе автор излагает основы исторического материализма: он начинает с установления параллели между учением Дарвина и Маркса, говорит о труде как конститутивном принципе человека вообще, характеризует процесс труда как таковой, а затем переходит к тем общественным отношениям, которые складываются между людьми в процессе материального производства их жизни. Установив понятия производительных сил и производственных отношений, он затем дает определение политической экономии. Вторая глава посвящена методу, т.-е. диалектике, в третьей главе автор переходит к анализу категорий политической экономии. Подобное построение, особенно для учебного пособия, мы считаем очень удачным.

Однако в расположении материала у автора замечается некоторая невязка. Третья глава начинается с изложения категории стоимости, при чем автор здесь

очень близко следует за порядком изложения у Маркса в начале первого тома «Капитала».

Автор совершенно неоспоримо начинает теорию стоимости с поисков чего-то «общего», ибо об этом общем (о труде) он говорил на всем протяжении первой главы. Изложение теории стоимости автор обрывает как раз перед товарным фетишизмом, чтобы на роли стоимости, как регулятора производства, остановиться лишь мимоходом. Другими словами, у Реуэля в изложении категории стоимости (в третьей главе) провалилась куда-то вся качественная сторона этой категории и осталась лишь ее количественная сторона; качественная же характеристика попала у него в первые главы.

Общая концепция Реуэля совпадает с трактовкой Рубина («Очерки по теории стоимости Маркса»), и в этом, между прочим, сильная сторона его работы; что бы ни говорили критики, но нельзя «слишком сильно» социологизировать теорию Маркса, являющуюся насквозь социологической! — Политическая экономия является исторической наукой в том смысле, что она изучает только исторически-определенное общество, а именно общество, характеризующееся неорганизованностью, стихийностью общественных связей, т.-е. товарно-капиталистическое. «Особенность производственных отношений товарно-капиталистического общества резко ограничивает научную теорию политической экономии, которая является теоретическим выражением неорганизованного хозяйства. Политическая экономия — наука историческая. Она изучает законы исторически обусловленного типа связей между людьми товарно-капиталистического общества» (Реуэль, стр. 73). Но Реуэль в то же время, на наш взгляд, слишком узко отграничивает область этой науки. «Политическая экономия, — говорит он, — имеет дело с «абстрактным капитализмом», который получается в результате «отсеивания» от реальной действительности остатков докапиталистических форм» (стр. 75).

Третья глава работы Реуэля посвящена анализу категорий политической экономии. И здесь, с одной стороны, в число категорий попали такие «категории», которые навряд ли могут быть названы экономическими категориями, а, с другой стороны, ряд категорий отсутствует. Отсутствуют, например, такие категории, как «цена», «заработная плата», «производительный труд».

Существенным недостатком работы Реуэля является исключение им из своего анализа второго тома «Капитала»; в связи с этим у Реуэля отсутствует четкая постановка вопроса о «сущности» и «поверхности» (вопрос, которому в книге посвящено много места); нет также надлежащей ясности в вопросе о «промежуточных звеньях».

Естественным следствием такого «абстрагирования» от второго тома «Капитала» явилось следующее утверждение Реуэля: он, например, думает, что Маркс в первом томе «Капитала» анализирует только одно предприятие, изучает отношения между одним капиталистом и рабочими. Отношения же между классом капиталистов и рабочими, по его мнению, изучаются в третьем томе. Но это не верно. Маркс в первом томе и абстрагируется как раз от процесса обращения. Его капиталист есть персонифицированный капитал, точно так же, как единичный товар, с анализа которого он начинает свое исследование, есть не только его исходная точка (формально он, конечно, является исходным пунктом), как совершенно неверно пояснено в переводе Базарова и Степанова, а его элементарная форма (Elementarform), или элементарное бытие (sein elementarisches Dasein. См. «Zur Kritik»). Товар есть представитель капиталистического богатства вообще.

Необходимость «промежуточных звеньев» и вызывается наличностью процесса обращения; «поверхность» и есть то, что «опосредствовано» процессом обращения, а не то, что видимо выступает на поверхности явлений товарно-капиталистического общества. Следовательно, средняя прибыль и предпринимательский доход — оба относятся к «поверхности», и нет никаких затруднений в том, что в пределах самой «поверхности» теоретически возможна и необходима абстракция.

Капиталистическую необходимость и определение нормы торговой прибыли Реуэль обосновывает только конкуренцией (см. стр. 178). Это верно, но это не все. Торговый капитал есть только обособившаяся часть промышленного капитала, и, как таковая, она приносит своему владельцу прибыль, и притом среднюю прибыль.

Наконец, само понятие капитала уточняется, если к анализу привлекается и процесс обращения. «Самовозрастающая стоимость» становится prozessierender Wert (стоимостью, находящейся в постоянном движении); само понятие капитала заключает в себе противоречие, ибо, как капитал, он в процессе кругооборота проходит через сферу обращения; без этого он не стал бы капиталом, но, поскольку он находится в сфере обращения, он перестает быть самовозрастающей стоимостью, он — не-капитал.

Теперь мы перейдем к отдельным вопросам. Нужно признать не совсем правильной, хотя, впрочем, обычной, постановку вопроса о конкретном и абстрактном труде (см. стр. 114). Реуэль противопоставляет абстрактный труд конкретному труду, как технически определенной целесообразной деятельности. Но не в этом дело. Абстрактный труд есть отвлечение не от конкретного труда, как технически-определенной целесообразной деятельности, а от целесообразной деятельности *отдельного индивидуума*. Конкретный труд есть прежде всего частный, индивидуальный труд, и, как таковому, ему противопоставляется абстрактный, всеобщий, общественный труд.

С трактовкой категории денег мы согласиться не можем. В анализе категории денег у Реуэля весьма заметно влияние концепции Гильфердинга. Сущность денег, а вместе с этим и определение денег вскрыты совершенно недостаточно. Что такое деньги? Общего определения у Реуэля мы не найдем, для него сущность денег сводится скорее к сумме их функций.

Правда, Реуэль отмечает роль денег как средства реализации связи между участниками хозяйственного процесса. Но, во-первых, здесь деньги выступают в их функции средства обращения, а, во-вторых, этот процесс реализации связи он понимает своеобразно. «Не следует думать, — говорит он, — что в движении денег только *выражается* связь между товаропроизводителями, — нет, сама эта связь между ними *возникает* в процессе *денежного* обращения (стр. 124, подчеркнуто нами). И не случайно, между прочим, что в определении денег, как овеществленного производственного отношения, они фигурируют как средство обращения (см. выше). «Деньги являются [illegible] золотой цепью, которая об'единяет людей в единый производственный коллектив» (стр. 122). Здесь Реуэль опирается на одну цитату из Маркса. «Результат товарного обращения, — говорит К. Маркс, — замещение одного товара другим товаром, *создается* поэтому не *изменением* его собственных форм, а *функцией* денег как средства обращения» (см. стр. 124, подчеркнуто нами.). Так, по крайней мере, звучит это место в переводе Базарова и Степанова. Маркс же, на самом деле, утверждает здесь прямо противоположное; Реуэля просто подвел здесь неверный перевод. В действительности это место гласит: «Результат товарного обращения, т.-е. замещение одних товаров другими, *представляется* поэтому обусловливающимся не переменой их собственных форм («Das Resultat der Waarenzirculation, Ersatz von Waare durch andre Waare, *erscheint* daher nicht durch ihren eignen Formwechsel vermittelt...»), а функцией денег, как такого средства обращения и т. д.» (цитирую по пер. Струве, 1907 г., стр. 610. А это место Маркса опрокидывает и всю концепцию Реуэля, которая по существу совпадает с трактовкой проблемы денег у Гильфердинга.

Очень жаль к тому же, что он не дал великолепного определения денег, данного Марксом, которое также почему-то выпущено в переводе Базарова и Степанова. Параграф о деньгах Маркс начинает определением денег: «Товар, который функционирует как мера стоимости, а поэтому непосредственно своим телом или через заместителей, также — как средство обращения — есть деньги»

(пер. Струве, стр. 71). Анализ категории денег мы считаем наиболее слабым местом книги.

Необходимо отметить еще неправильность в вопросе о дифференциальной ренте. Реуэль просто отожествляет добавочную прибыль с дифференциальной рентой. Но добавочная прибыль только тогда превращается в дифференциальную ренту, когда она становится доходом вполне определенной социальной фигуры — землевладельца. Ведь земельная рента вообще, — на это указывает и сам Реуэль, — является общественным отношением класса капиталистов, с одной стороны, и землевладельцев — с другой.

Но, несмотря на все эти недостатки нужно признать, что данная работа представляет значительный вклад в марксистскую экономическую литературу.

Издана книга неряшливо: имеется ряд грубых ошибок, прямо искажающих смысл. Так, на стр. 170 напечатано: «таким образом, в капиталистическом обществе мы имеем колебание цен вокруг производства» (пропущено «цены»); на стр. 157 вместо «предпосылка» напечатана «подтасовка»; на стр. 240 вместо «принудительным трудом» («Zvangsarbeit») — «производительным трудом». Перепутаны таблицы на стр. 157 и 158.

Роза Люксембург. Введение в политическую экономию. Перевод с проверенного немецкого текста. Гиз, М. 1926, стр. 357, ц. 1 р. 75 к.

Рецензируемая книга выходит у нас вторым изданием. Необходимость его была вызвана теми искажениями и пропусками, которые сделаны были Паулем Леви в 1-м издании, с которого был сделан первый русский перевод. (Изд. «Прибой», 1925 г.)

Книга составлена из лекций, читанных автором в партийной школе. Составление ее относится частью к 1905 г., частью к периоду великой европейской войны.

Первые главы трактуют о предмете политической экономии.

Резко порывая с «националистическими» определениями политической экономии, Р. Люксембург, после остроумной и живой критики тех определений, которые круг исследования политической экономии ограничивали рамками национального хозяйства (Бюхер, Зомбарт), выдвигает в качестве об'екта исследования мировое хозяйство. Согласно автору, предмет современной политической экономии — законы мирового хозяйства, которое представляет из себя «сложную сеть экономических сплетений, ничего общего не имеющих с обыкновенным товарообменом, который один царит в системе профессорской мудрости». Подобное решение проблемы о предмете политической экономии у Р. Люксембург находится в тесной зависимости с ее теорией накопления и учением о необходимости для капитализма внешних рынков, более подробно изложенной в ее книге «Накопление капитала».

Но, выдвигая в качестве об'екта исследования мировое хозяйство, т.-е. «сплетение» капиталистической и некапиталистической действительности, Р. Люксембург на-ряду с этим высказывает мысль, что политическая экономия могла возникнуть только после разложения натурального хозяйства и имеет целью изучение новых общественных отношений, возникших в производстве. В связи с этим означенная глава не отличается теоретической законченностью. Устанавливая, как предмет политической экономии, изучение мировых связей, с одной стороны, и изучение общественных отношений — с другой, Р. Люксембург не показала в законченной форме, как сочетаются обе эти задачи.

Главы III и IV, «Из истории народного хозяйства», содержат в себе краткие сведения о хозяйственных формах. Все внимание автор уделяет общинным формам землевладения, в частности характеристике германской марки, поземельной общины в государстве инков (Перу), индийской и русской общины.

Р. Люксембург особенно подчеркивает то обстоятельство, что аграрный коммунизм не являлся специфически национальной формой собственности, но был общ всем народам на первых ступенях развития.

Под этим углом зрения автор подвергает критике некоторые попытки классификации хозяйственных ступеней, которые исходили из индивидуалистически обособленного хозяйства как первичной хозяйственной формы (Липперт, Шульце, Бюхер, Гроссе, Штарке и др.). Р. Люксембург обнаруживает реакционный характер подобных теорий, усматривая в них организованный поход буржуазных ученых против теории первобытного коммунизма.

Падение общинных форм землевладения Р. Люксембург ставит в связь с фискальными мероприятиями европейских колонизаторов, иллюстрируя это на примере английской политики в Индии и французской в Северной Африке.

Касаясь русской общины, автор отмечает своеобразное, по сравнению с другими странами, отношение к ней правительства, которое пыталось использовать общину именно в фискальных интересах и в связи с этим стремилось к ее сохранению.

При сравнительной подробности обзора общинных форм землевладения, главы «Из истории народного хозяйства» не содержат в себе ничего, относящегося к промышленности. Есть основание предполагать, что об этом говорится в утерянной II главе.

Однако, хотя эти главы и не отличаются законченностью, все же они могут считаться прекрасным введением в историю народного хозяйства.

В главе V следует отметить особую простоту и наглядность, с какой Р. Люксембург излагает одно из наиболее существенных и в то же время трудных мест марксовой теории — о различии в обмене между непосредственным трудом и овеществленным трудом.

Последняя глава (VII) о «тенденциях капиталистического развития» имеет характер незаконченных набросков. Но и в своем настоящем виде она позволяет обнаружить «тенденции» автора в анализе «тенденций» капиталистического развития.

Дело в том, что в приведенных набросках Р. Люксембург поддерживает свою теорию накопления, подробно изложенную ранее в «Накоплении капитала». Конец капитализма автор связывает с наступлением того периода, когда будет закончен раздел мира между великими державами и будут исчерпаны все аграрные рынки, служащие питательной средой для капитализма.

На-ряду с этим Р. Люксембург оттеняет новое обстоятельство, характеризующее развитие современного капитализма. Она указывает на угрозу для метрополии со стороны колоний, в которых, в результате внедрения капитализма, развивается собственная промышленность. Однако роль и этого явления оценивается автором очень односторонне, а именно: с точки зрения сокращения внекапиталистического спроса на промышленность метрополии. В связи с этим наступление краха капитализма мыслится автором только в масштабе мирового хозяйства. Но, отодвигая возможность краха капитализма до момента исчерпания мирового рынка, Р. Люксембург уже в означенной главе все же правильно предвосхитила ход социальной революции. Отвергая реформистскую теорию «врастания», она мыслит себе переход к социализму через овладение государственной властью. К сожалению, относящиеся к этому вопросу главы сохранились только в наброске.

В общем, при всей своей неполноте (отсутствие глав о прибыли, норме прибыли, ценах производства и кризисах), «Введение» Р. Люксембург представляет собой ценный вклад в нашу учебно-научную литературу и может быть рекомендовано как преподавателям, так и учащимся.

Яркий и умело подобранный материал по основным проблемам курса оживит и облегчит для начинающих уяснение первых теоретических основ политической экономии. В особенности это относится к главам о заработной плате.

Карл Реннер. Теория капиталистического хозяйства. Марксизм и проблема социализирования. Гиз, М. 1926, стр. 333+XX, ц. 3 р.

Рецензируемая книга составлена из лекций, читанных автором в венской социал-демократической партийной школе и в карлсбадской школе для подготовки работников кооперации.

Цель автора, как об этом сообщается в предисловии, заключается в том, чтобы «представить хозяйственный процесс во всей его совокупности» и на основе марксова учения дать решение проблемы социализации.

Этой второй задаче посвящена только последняя, меньшая часть книги (стр. 285—329). Ее первые три части представляют собой изложение II и III томов «Капитала» с бо́льшим или меньшим приближением к порядку изложения подлинника и с прибавлением материала, характеризующего финансовый капитализм.

Автор совершенно сознательно устраняет из поля своего рассмотрения процесс производства, ограничивая свою задачу анализом процесса обращения. Исключение процесса производства из круга рассмотрения, при всей основательности мотивов, какими оно вызвано (Реннер справедливо указывает, что учение Маркса о производстве более популярно, чем его учение об обращении капитала), с одной стороны, обрекает на неполноту «Теорию капиталистического хозяйства» Реннера, с другой — обнаруживает переоценку момента обращения у автора. Реннер прямо указывает, что «процесс обращения является для капиталистического хозяйства не только характерным, но и решающим моментом» (стр. 12).

В связи с этим весьма характерно, что автор считает ошибочным рассмотрение социализации как «производственной проблемы» (стр. 3), считая правильным ее решение с точки зрения обращения, что особенно отчетливо выступает в главе IV о социализации. «Социализация, — пишет он, — не может начинаться с производства» (стр. 319). «Если бы мы, допустим, социализировали производство, сохранив при этом (!!) процесс обращения, как он есть, то все равно высшим судьей хозяйства остались бы анархический рынок и господствующий на нем анонимно закон стоимости» (стр. 290). Но ведь проведение социализации в производстве, плановый учет производства уже сняли бы с очереди проблему реализации и уничтожили роль рынка как «последней инстанции, решающей судьбу всех хозяйствующих суб'ектов», роль, которую он, по мнению Реннера, продолжал бы играть и после социализации. Существование организованного производства и неорганизованного рынка — nonsens.

Рассмотрим теперь процесс обращения капитала, как он представлен у Реннера. Первая часть, начиная со второго раздела, представляет собой популярное изложение II тома «Капитала».

Вводя значительные сокращения, Реннер допускает в то же время некоторые отклонения от порядка и способа изложения II тома, что не всегда содействует популяризации. Так, например, с самого начала исследования обращения он представляет обращение денежного капитала лишь как ряд последовательных метаморфоз: $Д_1 — Т_1 — Д_2 — Т_2 — Д_3 — Т_3$ и т. д.

По Реннеру Д, $Д_1$, $Д_2$ и т. д. не отличаются между собой в количественном отношении и представляют лишь последовательный ряд «юридических сделок» (стр. 13). Этот последовательный ряд метаморфоз ничем не осмыслен, так как Реннер пропускает в своем изложении исследование различных стадий кругооборота капитала. Последнее дается лишь позднее, и, таким образом, с первого же шага Реннер создает трудности для незнакомого со II томом читателя, для которого, в сущности, и предназначается книга.

Не имея здесь возможности останавливаться на отдельных главах книги, укажем на общий недостаток изложения Реннера. Автор очевидно плохо уяснил себе то обстоятельство, что популяризация состоит не только в сокращениях, но и в дополнительных раз'яснениях. В данном случае от него можно было бы

требовать выяснения связи отдельных сторон процесса кругооборота капитала с проблемой накопления и кризисов.

Недостаток внимания, уделяемого Реннером пояснениям и обобщениям, обилие формул и обилие кратких глав и разделов — все это придает книге несколько конспективный и сухой характер.

Части II и III являются изложением в основных чертах III тома «Капитала» с прибавлением материала о финансовом капитале.

В этой части работы Реннера также неоднократно выступает его ошибочная переоценка момента обращения.

Так, например, мы узнаем, что «земельная рента есть явление обращения, а не явление производства»...

В его классификации форм капиталистических об'единений наблюдается то же игнорирование производственного подхода. Изменение *юридических* форм предприятий, как, например, об'единение капиталов (что Маркс об'яснял как специфическое капиталистическое об'единение, как результат экспроприации капиталистов капиталистами), Реннер рассматривает как первые шаги «социализации» и как «путь к *вытеснению частных капиталистов* своего рода об'единением *общественных чиновников*». Таким образом, изменение юридических форм принимается за уничтожение капиталистического характера предприятий.

Чисто юридический и формальный подход обнаруживается у Реннера и при анализе банков и их роли в современном обществе.

На-ряду с этим целый ряд глав (преимущественно соответствующих I части III тома) представляют собой удачную популяризацию и благодаря живости и простоте изложения вероятно будут лучше, чем предшествующие, усвоены читателем.

Глава IV, как мы уже говорили, представляет собой попытку автора выяснить свое отношение к преблеме социализации «на основе марксова учения об обращении».

Читатель, собственно, уже подготовлен к определенному выводу, так как еще в предисловии автор выдал свою основную тенденцию — доказать невозможность социализации, ее противоречие с законами обращения. В своем предшествующем анализе процесса обращения Реннер ищет подтверждения того, что «тенденция к самоупразднению товарного производства и тем самым к уничтожению денег нигде не проявлялась» и что капиталистическое хозяйство еще недостаточно зрело для социализации (стр. 286).

Этот вывод преподносится с первых же строк IV части, посвященной, судя по заглавию, анализу проблемы социализации.

Но утверждение не есть доказательство. К тому же книга Реннера и не может служить материалом для подобных или противоположных заключений.

Абстрактная схема процесса обращения в капиталистическом обществе не может служить основанием для выводов о том, насколько созрело для социализации данное *конкретное* капиталистическое хозяйство.

Однако, в своем отрицании возможности социализации, Реннер пытается опереться именно на *внутренние* особенности капитализма, которые ему *обеспечивают* поступательное развитие производительных сил.

Переходя к вопросу о практической осуществимости социализации, Реннер решает его положительно для крупной концентрированной промышленности. Критика Реннера распространяется главным образом на методы социализации: он доказывает невозможность ее осуществления «одним декретом диктаторской воли».

Социализация для него — «большая деловая программа, рассчитанная на продолжительный период времени» (стр. 327).

К книге приложено предисловие Спектатора, который дает преимущественно социально-политическую оценку воззрений Реннера. На-ряду с этим Спекта-

тор указывает некоторые теоретические ошибки Реннера, при чем, исправляя последнего, сам впадает в ошибки. Укажем, например, на его обвинение Реннера в том, что последний рассматривает транспорт как вид промышленности, увеличивающий стоимость товаров. Но именно эту точку зрения развил Маркс. (См. т. II, стр. 28, изд. Гиз, 1925.)

Ю. Борхардт. Накопление капитала. Гиз, М. 1926, стр. 336, ц. 2 р. 50 к.

Задача автора заключается в том, чтоб показать на самом ходе экономического развития неизбежность мировой войны и краха капитализма. На основе этого анализа автор надеется одновременно решить вопрос — «достиг ли капитализм своей зрелости, или ему суждено дальнейшее развитие». Но решение этой задачи требует прежде всего уяснения основных законов капиталистического хозяйства, к чему автор обращается с первой же главы. Основным стимулом капиталистического хозяйства автор, в согласии с Марксом, считает погоню за прибылью и постоянное стремление к ее повышению, которому сопутствует стремление к непрерывному расширению производства.

В своем анализе проблемы накопления Борхардт следует за Р. Люксембург. Идя по ее стопам, автор уже в первых главах книги намечает те внутренние особенности капиталистического производства, которые должны привести его к гибели. Основное противоречие капиталистического производства сводится Борхардтом к несогласованности между производством и потреблением и к трудности реализовать продукт расширенного производства. Под этим углом зрения он рассматривает и формы капиталистической промышленности накануне мировой войны.

Историческая часть книги представляет собой обзор хозяйственного развития по отдельным странам и по разным отраслям промышленности. Однако попытка изобразить рост производства в течение XIX и начала XX веков не может считаться ни полной, ни систематической и в значительной своей части представляет собрание извлечений из специальных трудов по истории и организации промышленности. (Шерцера, Фогельштейна, Германа, Леви, Геймана, Бека, и мн. др.)

По этому же образцу строятся и главы о потреблении и производстве накануне войны, где автор, на основе совершенно недостаточного и непроверенного материала, пытается упрочить свои выводы о роковом значении для капитализма роста производства, хотя сам прекрасно сознает, что «нет никакой возможности выяснить размер потребления хотя бы приблизительно с тою точностью, с какой это было проделано нами по отношению к производству» (стр. 157).

В общем анализ противоречий капиталистического производства крайне односторонен, поскольку автор с особенной силой выдвигает на первый план «роковое для капитализма значение расширения производства». Не уясняя себе истинного содержания расширенного воспроизводства, как специфической формы капиталистического воспроизводства, Борхардт даже не пытается понять, как капиталистическое производство справилось с «избыточной продукцией» до наступления мирового кризиса и продолжало расширяться из года в год. В связи с вышеприведенным упрощенным взглядом на сущность противоречий капитализма стоит другое ошибочное положение автора о том, что главной целью крупных капиталистических об'единений является сокращение производства (!) (гл. VI). Являясь жертвой подобного недоразумения, автор с удивлением останавливается перед тем фактом, что «мероприятия, направленные к сокращению производства, приводят к его быстрому росту» (стр. 141).

Все выводы автора, и в том числе основной, — о разрыве производства и потребления как основной причине мировой войны, — покоятся на шатком основании, поскольку материал, который Борхардт привлекает для характеристики разрыва производства и потребления, как, правда, сознает и сам автор, не является ни точным, ни достаточным.

Чтобы утомлять читателя длинной вереницей сводок и таблиц, нужно, по меньшей мере, самому быть уверенным в ценности этих данных. Но автор обнаруживает особое пристрастие ко всякого рода «неточным данным», опутывает читателя сетью выписок, вырезок, отрывочных «таблиц», кустарных калькуляций и приблизительных подсчетов. Особенно выдержана в этом стиле глава V, о потреблении в XIX веке, а также ряд последующих — об аккумуляции капиталов во время войны и восстановлении производства в послевоенный период. В результате анализа производства и потребления накануне войны Борхардт приходит к выводу, что «за период от 1900 г. по 1913 г. производство могло возрасти приблизительно на 50%, а потребление — приблизительно на 30%» (стр. 168).

Добившись в результате 168 страниц таких «выразительных» данных, автор все же снова подчеркивает, что ни одну из приведенных цифр не следует принимать как абсолютно «достоверную», что они лишь «приблизительно иллюстрируют процесс развития» (стр. 188). И на основе этих данных, истинную цену которых понимает сам автор, он строит свои дальнейшие выводы о капиталистической экспансии и борьбе за мировые рынки.

Роль внешних рынков, в согласии с общей концепцией автора, сводится главным образом к тому, что они содействуют реализации избыточного продукта (стр. 170), при чем мы узнаем, что «в прежнее время внешняя торговля имела преимущественно целью удовлетворить потребности покупателя; в настоящее время целью внешней торговли является стремление освободить продавца от его товара без всякого отношения к спросу страны, куда направляется экспорт» (подчеркнуто Б.). Здесь Борхардт снова попадает в стихию «неточных» и «неполных» данных, в которой он себя так прекрасно чувствует.

Глава о мировой войне, собственно говоря, написана не Борхардтом, представляя собой сплошные извлечения из различных авторов (Парвус, Радек, Р. Люксембург и др.), с которыми автор солидарен или расходится по тому или иному вопросу. Данная им оценка противоречий военного хозяйства также слишком обща и односторонняя и сводится к указанию, что «во время войны потребление больше производства и что поэтому во время войны не происходит накопления» (стр. 249).

Сопоставление этих выводов с вышеприведенными (о гибельности роста производства) должно, казалось бы, привести автора к выводам о спасительности войны для капиталистического хозяйства; между тем эти выводы он, очевидно, не мог иметь в виду!

В общем можно с уверенностью сказать, что, после того как мы имели талантливый «уклон» Р. Люксембург в трактовке теории накопления Маркса, марксистская литература не нуждается в плоских копиях этого оригинального труда.

Herbert Block. Die Marxsche Geldtheorie. Gustav Fischer. Jena 1926, p. 145.

Г. Блок. Марксова теория денег. Иена 1926, стр. 145.

Как справедливо отмечает в своем предисловии автор, «подобное исследование (о теории денег Маркса) до сих пор отсутствовало в литературе, посвященной Марксу и теории денег». «Заполнить этот пробел» автор и ставит себе задачею. На первых 30 страницах дано краткое систематическое изложение марксовой теории денег, остальная часть книги посвящена критической оценке этой теории. Автор, хотя он и об'являет себя мимоходом (стр. 44) сторонником суб'ективной теории стоимости, старается сохранить беспристрастное и даже благожелательное отношение к Марксу. Он признает, что даже в теории денег, — которая, по его мнению, представляет собою наименее оригинальную часть системы Маркса, — последний обнаружил себя «гениальным синтетиком» (стр. 33). Однако это научное беспристрастие Блока оказалось недостаточным для того, чтобы дать автору возможность правильно понять марксову теорию денег. Понимание последней невозможно без правильного представления о методологии и теории стоимости

Маркса, но напрасно стали бы мы искать такое правильное представление у Блока.

Блок допустил решающую ошибку своим резким отделением «социально-философского» исследования денег от «теоретико-экономического». «С философской точки зрения Маркс понимает под деньгами общественное отношение, ставшее вещью» (стр. 61—62, 134). «Под деньгами в экономическом смысле Маркс понимает товар, который благодаря своим естественным свойствам может принять на себя функцию всеобщего эквивалента по отношению ко всем другим товарам» (стр. 62). Не говоря уже об ошибочной формулировке последнего определения (указание на естественные свойства товара), нельзя противопоставлять это «экономическое» определение денег, как всеобщего эквивалента, «философскому» определению денег, как вещного выражения общественных отношений. Только на основе «философского», вернее социологического, учения Маркса о товарном фетишизме может быть понята его теория денег. Блок же своим пренебрежением к «философскому» определению денег у Маркса отрезал себе путь к пониманию качественной стороны проблемы денег.

Второй источник ошибок Блока — неправильное понимание марксовой теории стоимости. Излагая последнюю, Блок все свое внимание сосредоточивает на учении об общественно-необходимом труде (стр. 48—55), совершенно игнорируя учение Маркса о форме стоимости и абстрактном труде. Не приходится поэтому удивляться, что Блок рассматривает деньги с односторонней, количественной точки зрения, как средство измерения количества общественно-необходимого труда, содержащегося в товарах. Эту функцию меры стоимости, выполняемую деньгами, Блок наивно представляет себе в виде акта суб'ективного измерения количества труда и, исходя из такого наивного представления, критикует учение Маркса о мере стоимости: «Нам пришлось бы сделать фантастическое предположение, что деньги или, вернее, владелец денег обладает шестым чувством, при помощи которого он немедленно узнает, какое количество общественно-необходимого труда содержится в предмете, на который он пред'являет спрос» (стр. 60). Не стоит доказывать, что критикуемое Блоком наивное представление о мере стоимости не имеет ничего общего с учением Маркса.

Ложное понимание методологии и теории стоимости Маркса не дает Блоку возможности прийти к правильным выводам даже там, где он становится на формально правильную точку зрения. Так, например, Блок отлично понимает, что учение Маркса о деньгах неразрывно связано с его теорией стоимости, но он полагает, что «Маркс развил понятие денег при помощи логического самодвижения понятия стоимости» (стр. 41), — взгляд, приписывающий диалектическому методу Маркса идеалистический характер. Блок справедливо отмечает, что Маркс резко отличает субстанцию денег от их отдельных функций (стр. 67), но выяснить смысл этого различения он не в состоянии.

В итоге книжка Блока не заполнила пробела в литературе, отмеченного автором в его предисловии. Она в лучшем случае содержит постановку некоторых вопросов, относящихся к марксовой теории денег, не давая их решения.

IV. МАРКСИЗМ И ПРАВО

Е. Пашуканис. Общая теория права и марксизма. Второе изд., исправленное и дополненное. Издат. Коммунистической Академии. М. 1926, стр. 128, ц. 1 р. 30 к.

Автор, исходя из методологических предпосылок, установленных Марксом во введении к «Критике политической экономии», устанавливает абстрактные юридические понятия: юридическая норма, суб'ект права, юридическое отношение и т. д. Эти юридические категории, по мнению автора, сохраняют свое значение, несмотря на различные изменения конкретного содержания норм. Таким путем т. Пашуканис сразу же отграничивает себя от догматической школы, трактующей

эти категории чисто условно, и от социологических и психологических правовых школ, отказывающихся совершенно от постановки этих проблем. Отсюда право выступает как об'ективные специфические общественные отношения, порожденные формой эквивалентного обмена.

По аналогии с критикой буржуазной политической экономии т. Пашуканис выдвигает вопрос о критике буржуазной юриспруденции. На-ряду с критикой должен быть установлен принцип построения общей теории права с точки зрения марксизма. Автор находит этот принцип в зависимости формы права от формы товара. Право, как и стоимость, порождено «циркуляцией продуктов, сделавшихся товарами» (стр. 25). Анализ формы суб'екта права в действительности вытекает из анализа формы товара, в которой юридически, стирая конкретность многообразия действительного отношения человека к вещи, воплощается абстрактная воля собственника. Процесс буржуазного производства и обмена продолжает, во-первых, «отношения вещей-товаров и, во-вторых, «отношения независимых и равных друг другу единиц—юридических суб'ектов». Отсюда «два основных абстрактных аспекта — экономический и юридический» (стр. 69).

Положение: право — идеология, не исчерпывает содержания права, которое представляет собою в мистифицированной форме «с п е ц и ф и ч е с к и е социальные отношения», существующие реально. Растворять в праве все общественные отношения не верно, ибо в таком случае невозможно разрешить проблему превращения общественных отношений в юридические институты. Формула — «право регулирует общественные отношения» — есть тавтология. Вернее — при определенных условиях регулирование общественных отношений принимает правовой характер. Предпосылкой такого регулирования является противоположность частичных интересов. В отличие от правового регулирования регулирование техническое покоится на единстве цели.

Право не исчерпывается нормой, ибо «развитие права, как системы, было вызвано не потребностями господства, но потребностями торгового оборота как раз с такими племенами, которые не охватывались единой сферой власти» (стр. 50). Государственное принуждение не порождает права, а лишь гарантирует и обеспечивает его. Это непосредственно вытекает из того взаимоотношения между обществом и государством, которое было установлено Марксом. Проблема государства возникает тогда и там, когда и где, на-ряду с непосредственным господством класса в производстве и на рынке, возникает его специфическое политическое господство.

По существу государству не может быть дано правовое истолкование, ибо оно построено «на принципе голой целесообразности» (стр. 85). Государственное право, как юридическая проблема, выдвигается в эпоху конституционного государства и выступает в форме конституционного права, претендующего построить правовое государство. Последнее есть мираж, заменяющий «выветривающуюся религиозную идеологию» и затуманивающий «факт господства буржуазии» (стр. 92). На-ряду с органами государственной власти, как власти публичной, по мнению автора, выступают, как органы власти, организации господствующего класса (например, союз промышленников, черная сотня, штрейкбрехерские дружины и т. д.).

Уголовная юриспруденция лишь по степени отличается от исключительных законов, применяемых в эпоху гражданских войн. По существу это есть «организованный классовой террор». Ложь теории возмездия и правильность теории социальной защиты относительны.

Рынок порождает, во-первых, равноценную личпость, являющуюся моральным суб'ектом, во-вторых, суб'екта прав, т.-е. собственника, и, в-третьих, эгоистического хозяйствующего суб'екта. В этом выражается сущность товаровладельца: эгоизм, свобода и верховная ценность личности. Форма эквивалентного обмена этически оформляется в категорическом императиве, который является в то же время чистой и наиболее законченной формой этики вообще. Мораль поэтому, как

и право, и государство, есть категория буржуазного общества и вместе с ним она будет отмирать. Этика спускается к праву через справедливость, выражающую собою эквивалент менового акта. Внешнее принуждение отличает право от нравственности.

Такова в общих чертах теория права у т. Пашуканиса. Некоторые проблемы им лишь поставлены. Против отдельных частных положений можно спорить. Но основная линия развития общей теории права с точки зрения марксизма намечена правильно. Автор не только избежал крайностей рационализма и эмпиризма, но дал их синтез, что привело его, несомненно, к правильному приложению метода диалектического материализма к проблемам права. Трудность разграничения в общественном целом социологических, политических и юридических моментов разрешена удачно и плодотворно. Книга т. Пашуканиса является одной из лучших марксистских работ по праву.

Книга издана удовлетворительно. Цена высока.

Я. Розанов. Основные вопросы права и государства. Хрестоматия. Гиз, М. 1926, стр. 388, ц. 3 р.

Подзаголовок «хрестоматия» отсутствует на обложке, и, беря книгу в руки, ожидаешь найти в ней связное, систематическое изложение основных вопросов права и государства. Лишь внутренний титульный лист обнаруживает эту ошибку. Из «оглавления» узнаешь, что в книге собраны более или менее длинные выдержки и цитаты о праве и государстве из сочинений Маркса, Энгельса, Ленина, Плеханова, Рязанова, Каутского, Меринга, Деборина и Аксельрод.

Напрасно ищешь какого-нибудь введения или примечаний, в которых составитель хрестоматии пояснил бы внутреннюю связь отдельных основных вопросов права и государства между собою и тем самым обосновал бы распределение обширного материала по главам. Но, быть может, содержание отдельных глав и их последовательность в книге фактически обнаруживают для внимательного читателя определенную систематичность?

Увы, и здесь ожидает полное разочарование. В книге тринадцать глав: I. Идеология права и государства. II. Из истории правовой мысли. III. Происхождение права IV. Право и экономика. V. Проблема собственности. VI. Происхождение государства и его сущность. VII. Государственная власть и экономическая жизнь. VIII. О буржуазной республике и формальной демократии. IX. О всеобщем избирательном праве X. Проблема насилия и его роль в создании и разрушении государства. XI. Обоснование диктатуры пролетариата. XII. Проблема уничтожения государства. III. Борьба за советскую систему как современную форму пролетарской диктатуры.

Сразу же бросается в глаза случайность в разбивке на главы и в расстановке глав. Почему, в самом деле, главы расположены так, а не иначе? Почему, например, глава XIII идет не за XI, и обе они не предшествуют XII, как это подсказывается их содержанием? Почему глава X так далеко ушла от глав III и VI, с которыми она так тесно связана, что всего лучше было бы слить их в одну общую главу? Чем вызвано разделение единого по существу материала глав IV и VII на две оторванных одна от другой и разделенных 70 страницами текста части?

Искусственность и случайность в распределении материала приводят к тому, что, например, при наличии главы X, в главе I есть особый § 10 о «праве и силе» (стр. 29—31) и т. д. Местами приходится говорить просто о небрежности составителя: так, на стр. 14 дан отрывок в 20 строк из «Капитала» Маркса, уже данный на стр. 13, в другом лишь переводе.

Случайны и не всегда соответствуют тексту подзаголовки: так, например, при подзаголовке «вечные правовые идеи» (§ 6) в тексте говорится о «вечных источниках права», «вечной справедливости», подзаголовок «о простых законах права» (§ 5) покрывает рассказ Маркса об истории «Обращения к рабочему

классу», рассказ, в котором даже не упоминается выражение «простые законы права» и т. д. Самые отрывки иногда так вырваны из текста, что приводится мысль-вывод и опущены мысли-доводы.

В общем хрестоматия, независимо от спорной полезности самого задания (заменить изучение цитируемых сочинений чтением хрестоматии и невозможно, и нежелательно), вдобавок и очень неудачно составлена. Плоха и корректура: встречаются пропуски слова «не» и т. п. Рекомендовать книгу учащимся, для коих она предназначена, ни в коем случае не приходится.

Проф. В. И. Бошко. Очерки развития правовой мысли. (От Хаммураби до Ленина). Юридич. изд. НКЮ СССР, Харьков 1925, стр. 570.

Об'емистый том «Очерков» по характеру своему является учебником по истории философии права. От старых учебников «Очерки» проф. В. Бошко отличаются лишь тем, что в каждом большом разделе фигурируют параграфы, в которых дается «экономический базис» эпохи. Кроме того, в текст введены Маркс, Энгельс и Ленин. Однако ни эти приемы, ни подобные им марксистские ярлыки («эпоха промышленного капитализма», «эпоха финансового капитализма» и т. д.) не изменяют существа дела.

Больше того. В известном смысле книга проф. В. Бошко отличается от старых учебников далеко не к выгоде автора. Прежде за правило почиталось писать учебники лишь о том, что самим прочитано и продумано. Оставив в стороне вопрос о научных направлениях, нужно сказать, что упомянутого правила проф. Бошко сознательно и добровольно не придерживается. Его «Очерки» представляют собою в той значительной части, которая касается материала «от Хаммураби» до Маркса (если не до Ленина), — компиляцию из старых учебников по истории философии права, именно из старых учебников, поскольку в своих указаниях по литературе предмета он не знает русских переводов классиков политической мысли моложе девяностых годов. Вот несколько примеров профессорских указаний. На стр. 221 проф. Бошко сообщает, что на русский язык из сочинений Маккиавелли переведены Курочкиным только «Государь» и «Рассуждения на первые три книги Т. Ливия» в 1869 году. Автору следовало бы знать, что «Il Principe» был переведен также и в 1910 году; на стр. 222 автор сообщает, что из произведений Спинозы на русском языке имеется лишь «Этика» (1886 и 1887 гг). Нужно знать, что есть более поздний перевод, Иванцова и что на русский язык переведены все философские и политические произведения Спинозы за исключением «Краткого трактата».

Такие же непростительные в профессорской книге ляпсусы встречаются еще с Гоббсом, с Руссо, с Ламеттри, с Кондильяком, с В. Засулич и т. д.

Компилятивным характером работы об'ясняются также и пропуски ряда радикальных и социалистических мыслителей. Нет, например, французских материалистов, нет Делиона, по той простой причине, что их и прежде не бывало в учебниках по философии права. Действительно научная и марксистская история правовой мысли еще ожидает своего автора.

V. ИСТОРИЯ СОЦИАЛИЗМА

Dr Willy Cohn. Ein Lebensbild von Karl Marx. Der Jugend erzählt. Breslau. Volkswachtbuchhandlung, 1923, pp. 56.

Dr Willy Cohn. Ein Lebensbild von Friedrich Engels. Der Jugend erzählt. Breslau. Volkswachtbuchhandlung, 1925, pp. 72.

Вилли Кон. Жизнь Карла Маркса. Для юношества. Бреславль 1923.

Вилли Кон. Жизнь Фридриха Энгельса. Для юношества. Бреславль 1925.

Автор поставил себе задачей выполнить большой труд для немецкой молодежи тех «кругов народа, у которых нет досуга и подготовки», и представить

«новый тип героя», которого требует наше время, а именно тип основоположника современного рабочего движения. Кону важно выдвинуть на первый план не «системы», а «людей», так как, — так думает он, — невозможно ждать от молодого человека полного понимания теории «прибавочной стоимости» и тому подобных вещей. Также не следует искать в этих книжках новых данных. Единственное требование, которое пред'являет к себе автор: писать понятно, ясно, занятно и вызвать некоторое воодушевление, «увлечение героем» (Введение в биографию Маркса).

Конечно, Кон, как и всякий писатель, имеет право ставить себе цель и границы для своей работы; чтобы быть совершенно справедливым, надо признать, что его биографии в отношении формы и стиля ему вполне удались.

Как уже выше было сказано, автор не ставил себе задачей дать новые данные из биографии Маркса. Его биография Маркса основана почти исключительно на книге Меринга, а биография Энгельса — на книге Густава Майера. Кроме того, он основывается на переписке Маркса и Энгельса, Энгельса и В. Адлера и на мемуарах Бернштейна, Бебеля и Либкнехта. По форме и расположению материала Кон следует за Рингом. Особенно подробно изложен юношеский период обоих основоположников научного социализма, их учение, знакомство и совместная работа, их семейная жизнь в изгнании; до мельчайших деталей передается все, что касается личных взаимных отношений Маркса и Энгельса, — отношений, которые Кон в одном месте, по-нашему, неосновательно и неуместно сравнивает с отношениями между Гёте и Шиллером.

Эта подробная биографическая обработка материала проделана за счет упрощения и полного опошления теоретической деятельности Маркса и Энгельса. С нашей точки зрения это недопустимо и в высшей степени опасно. Несмотря на то, что книжки посвящаются просто «юношеству», уже по издательской технике видно, что имеется в виду главным образом рабочая молодежь и менее подготовленные рабочие. Да иначе и быть не может. Но в таком случае мы имеем полное право усомниться в том, что подобные читатели не смогут понять «прибавочной стоимости» и тому подобных вещей. Напротив, никогда еще не было среди рабочей молодежи такой горячей потребности в «подобных вещах», как в настоящее время. Кон, конечно, может возразить, что это не входило в его задачу. В таком случае лучше было бы совсем не давать изложения теории, так как все, что случайно говорится о марксизме, и все, что дается в трех главах, посвященных теоретическому анализу «Коммунистического манифеста», «Капитала» и «Происхождения семьи» — все это мало похоже на популярное изложение, а граничит скорее с вульгаризацией предмета. Нет связного изложения взглядов Маркса и Энгельса на буржуазное государство и еще менее — изложения материалистического понимания истории; некоторые неясные случайные вставки скорее могут создать путаницу в головах неподготовленных читателей, напр.: «Материализм не означал для Энгельса веры в исключительное существование материи и отрицания духа» (Биография Энгельса, стр. 61). Мы того мнения, что теоретической стороне надо было уделить больше внимания и за «человеком» не забыть его «системы».

Обратимся теперь ближе к содержанию обеих работ. Прежде всего бросается в глаза, что историческое значение Энгельса сильно преувеличено за счет Маркса. С тех пор как вышла в свет биография Энгельса Г. Майера, многие склонны к такой тенденции. Так, в коновской биографии Маркса мы напрасно ищем перехода от рейнского журналиста к автору «Коммунистического манифеста», в биографии же Энгельса правильно указано на критику гегелевской философии и «истинного» социализма в «Святом семействе» и в «Немецкой идеологии»; даются небольшие раз'яснения по этим важным документам. При этом все дело представлено так, как будто Энгельс — главный автор или как будто нельзя установить, кто написал бо́льшую часть этих работ. Маркс упоминается только вскользь. Мы совсем не желаем уменьшать заслуг Энгельса перед научным

социализмом, но справедливость и историческая об'ективность требуют приписать руководящую роль тому человеку, который ее в действительности играл, а именно Карлу Марксу. Энгельс сам это лучше всех чувствовал и много раз решительно об этом говорил, — и не только из скромности.

Одна характерная особенность обеих работ должна быть особенно подчеркнута: тенденциозное, одностороннее изложение, служащее оправданием реформистской тактики теперешней социал-демократии. С поразительной точностью и самодовольством подбирает автор ряд цитат из переписки и произведений Маркса и Энгельса, чтоб доказать молодым людям, что основоположники германской социал-демократии, подобно своим последователям, искренно любили свою родину, что упрек, который и теперь еще делают социал-демократии, что она не имеет отечества, неоснователен, что в понятие «патриотизм» можно вкладывать самое разнообразное содержание и т. д. Для этого автору особенно пригодилась переписка, которую вели Маркс и Энгельс во время франко-прусской войны 1870 — 1871 гг.

Отдельно выхваченные фразы, вроде: «Бонапарт, действительно, неисправимый осел» или «французов следует поколотить», должны служить якобы доказательством того, что Маркс оставался в глубине своей души немцем, хотя родина обошлась с ним жестоко, и что он «всегда желал победы Германии, хотя тот, кто стоял на ее стороне, не очень-то считался с желаниями рабочего класса» (Биография Маркса, стр. 48). Словом, всюду ярко проглядывает тенденция Кона выставить Маркса и Энгельса как двух реформистских, верных родине социал-демократов. Когда он говорит о Союзе коммунистов и «Коммунистическом манифесте», вообще всюду, где он вынужден по историческим соображениям упомянуть слово «коммунист», он прибавляет, что «под коммунистами понимали тогда то, что теперь под социалистами (стр. 20). Самое большое значение Маркса, его величайшее дело Кон видит в том, что Маркс показал дорогу к самопомощи и указал, в каком направлении рабочие сумеют, об'единившись, освободиться от тяжелого гнета капитала. «Если в настоящее время во всем мире правительства вынуждены обращать внимание на нужды рабочего класса, если сейчас почти всюду существуют законы о труде, охраняющие мужчин, женщин и детей от самой тяжелой формы эксплоатации, то это, в конце концов, результат того движения, которое было вызвано к жизни К. Марксом и Ф. Лассалем» (стр. 56).

В конце мы считаем необходимым указать на ряд опечаток в датах и событиях, особенно в биографии Энгельса, которые легко могут спутать неподготовленного читателя. Так, указанная на странице 10 фраза из письма Энгельса относится не к 1830 г., а к 1839 г.; восстание силезских ткачей было не весной 1848 г., а 1844 года; Энгельс работал над буквой С американской энциклопедии не в 1850 г., а в 1858 г. На странице 19 Кон говорит, что Маркс и Энгельс устраивали в 1844 г. в разных прирейнских городах кружки, в которых развивали свои мысли. Это относится, как известно, только к Энгельсу, так как Маркс в это время жил в Брюсселе.

Dr Willy Kohn. Ein Lebensbild Ferdinand Lassalles. Der Jugend erzählt. Berlin-Stuttgart 1922.

Вилли Кон. Жизнь Фердинанда Лассаля. Для юношества. Берлин и Штуттгарт 1922.

Ни для кого не составляет больше тайны, что Лассаль уже официально выдвигается в качестве теоретика немецкой социал-демократии. Явно выраженная реформистская тактика последнего десятилетия, само собой понятно, должна была вести к тому, что и в теоретической области одна за другой сдавались позиции революционного марксизма, и, вместо Маркса и Энгельса, социал-демократы искали и обращались к Лассалю... Книжечка Кона, сознательно или бессознательно, написана именно с целью пропаганды лозунга: «Назад к Лассалю!»

Эта книжечка Кона имеет в виду немецкую молодежь. В ней вкратце рассказывается главным образом о молодости Лассаля, его занятиях, отношении к друзьям, единомышленникам и врагам, о его практической политической деятельности и особенно подробно о триумфальных агитационных поездках «народного трибуна». Автор не дает новых фактов из жизни Лассаля, он черпает материал из старых, опубликованных уже источников и особенно из биографии Лассаля, написанной Германом Онкеном. Обнародованное в 1921—1925 гг. Г. Майером ценное литературное наследие Лассаля не могло еще быть использовано автором.

Кон останавливается на теоретических взглядах своего героя. Он дает подробное изложение политических речей Лассаля, раз'яснений к его рабочей программе, а также историю основания и развития Всеобщего германского рабочего союза. Всюду подчеркивается точка зрения Лассаля, что рабочий класс следует вести к победе на основе существующего государственного строя. Так, «Рабочую программу» Лассаля от 12 апреля 1862 г. автор считает нужным сопроводить таким комментарием: «Итак, дорогие читатели, прошу вас обратить внимание на следующее: не о новом классовом господстве мечтал Лассаль, а об устранении такового. Если он хотел во главе государства видеть рабочий класс, то не для того, чтобы вместо одного класса господствовал другой, а для того, чтобы те, которые работают, действительно могли насладиться плодами своей работы и «стоять в центре государства» (стр. 32 — 33). «Neue Zeit» (XXXIX, 2, 360) сочло нужным это место из коновской биографии поднести подрастающей рабочей молодежи как целебное средство против «ведущего к заблуждению сверхрадикализма».

То, что является самой важной проблемой в современной биографии Лассаля, хотя бы и популярной, а именно вопрос об отношении Лассаля к Марксу, противопоставление, критика и оправдание выработанных первым организационных форм рабочего движения, его экономических теорий по сравнению с марксовыми, — все это Кон изложил в 18 строчках! Зато он широко распространяется о каждой речи Лассаля перед судом и делает полезный для своего реформизма вывод из того небольшого компромисса в отношении прогрессивной партии, на который Лассаль пошел в начале своей деятельности и от которого вскоре отказался. Автор считает нужным заметить: «Самый черствый человек должен в политике считаться с теми партиями, с которыми его связывают определенные цели» (стр. 40).

Сомнительно, чтобы марксист мог решиться дать такую книжечку в руки рабочей молодежи. Слишком уж пропитана она духом реформизма и культом Лассаля. Такая литература воспитывает не в духе революционного марксизма, а в духе реформистского лассальянства и трэд-юнионизма.

П. Виноградская. Фердинанд Лассаль. Гиз, 1926, стр. 249, ц. 2 р. 50 к.

Как об'ясняет в предисловии автор, настоящая книга представляет конспективное изложение основных моментов из большой книги о Лассале, над которою П. Виноградская в настоящее время работает и которая, на-ряду с об'ективным изложением фактов, относящихся к деятельности Лассаля, должна осветить лассальянство с коммунистической точки зрения. В этой работе Виноградская обещает подробно развить целый ряд положений, которые ей в настоящей книге пришлось лишь наметить в общих чертах или изложить догматически. В частности там будет подробнее рассмотрен вопрос о взаимоотношениях Лассаля и Маркса.

Настоящая книга Виноградской была написана специально к столетней годовщине со дня рождения Лассаля (апрель 1925 г.), но по независящим от автора техническим причинам вышла в свет с значительным опозданием.

Появление работы Виноградской о Лассале надо признать вполне своевременным. Во-первых, за последнее время, и именно в связи с лассалевским

юбилеем, о нем появилось много книг и исследований. В частности вышло шесть томов неизданных писем и работ Лассаля, опубликованных Густавом Майером. А, во-вторых, ввиду проявившегося за последние годы стремления социал-демократов противопоставить Лассаля Марксу и опереться на промахи Лассаля для оправдания и обоснования своей измены революционному социализму, критика лассальянства, еще недавно имевшая, казалось, чисто исторический интерес, приобретает теперь характер злободневной задачи и упирается в вопросы практической политики рабочего движения.

Надо отдать справедливость Виноградской: она в общем успешно справилась со своей задачей. Настоящих марксистских работ о Лассале не существует. Работа Виноградской является на русском языке первой цельной работой этого рода. В ее книге Лассаль определенно выступает перед нами как идеалист в философии, эклектик в политической экономии, оппортунист и социал-патриот в политике, — словом, как человек, имеющий весьма мало общего с коммунизмом и более чем далекий от точки зрения революционного пролетариата. После этого становится понятным, с одной стороны, резко отрицательное отношение к Лассалю Маркса и Энгельса, а с другой — сочувственное отношение к нему и к его слабостям современной выродившейся социал-демократии.

Маркс находил (и высказывал это в глаза Лассалю), что вся агитация последнего, — а ведь это было самое положительное во всей его жизни и деятельности, — носит подозрительный привкус и способна толкнуть рабочих с одного ложного пути на другой, не менее ложный, т.-е. из привеска либеральной буржуазии сделать их орудием в руках помещичьей реакции. Вот почему, когда Лассаль предложил Марксу принять участие в проектируемой им газете, тот согласился только быть ее лондонским корреспондентом, не вмешиваясь в ее политическую часть и не беря на себя за нее никакой ответственности, ибо, как он написал 7 августа 1862 г. Энгельсу, они «политически ни в чем с Лассалем не сходятся, кроме некоторых отдаленных целей». И хотя друзья были потрясены вестью о его нелепо-трагической гибели, Энгельс, тем не менее, писал тогда Марксу, что для них он был в последнее время крайне ненадежным союзником, а в будущем несомненно стал бы их врагом. Это не мешало друзьям скорбеть о его безвременной смерти и признавать его положительные достоинства, а Марксу написать в ответ Энгельсу: «А все-таки он принадлежал к старой гвардии и был врагом наших врагов».

А ведь в тот момент еще не были известны подробности закулисных сношений Лассаля с Бисмарком.

Маркс по отношению к Лассалю выказал величайшую деликатность, воздерживаясь от нападок на него при его жизни. Даже после смерти Лассаля, когда уже начали сказываться некоторые отрицательные черты лассальянства, Маркс публично все же не подверг воззрения и деятельность Лассаля общей критике, а ограничился тем, что отгородился от них примечанием в первом томе «Капитала». Нашлись умники (в том числе и Бакунин), которые усмотрели в этом сдержанном замечании Маркса доказательство его зависти к «великому» Лассалю!

Иначе обстоит дело с социал-демократами. Все, что было в Лассале от старого мира, все, что было в нем плохого, слабого, реакционного, ими восхваляется и даже возводится в перл создания — вплоть до заигрывания с Бисмарком. Так поступает, например, Гениш в своей юбилейной работе о Лассале 1923 г. Эдуард Бернштейн, который некогда под влиянием Энгельса высказывал правильные взгляды на Лассаля, по мере своего поправения и отхода от марксизма подверг свои взгляды ревизии и в этом пункте. Так же, примерно, поступил и Каутский. Словом, по всему социал-демократическому фронту раздается ныне клич: «назад к Лассалю!», т.-е. прочь от Маркса и от коммунизма. И весьма характерно, что нынешняя социал-демократическая оценка Лассаля во многом совпадает с оценкою буржуазных историков и публицистов.

Виноградская характеризует последовательно философские, социологические, юридические, политические и экономические взгляды Лассаля и вскрывает их эклектизм и буржуазно-идеалистические корни. Именно в свете измены социал-демократии пролетариату получает свое настоящее значение лассальянство, которое, по справедливому замечанию Виноградской, лежало в основе с.-д. партии в гораздо большей степени, чем марксизм. И, в частности, анархисты, воображая, что они критикуют марксизм, критиковали в сущности взгляды Лассаля (по вопросу о государстве, крестьянстве и пр.).

Ввиду рецидива лассальянства и ввиду поворота разлагающейся социал-демократии к «заветам» Лассаля, появление такой книги, как рассматриваемая работа Виноградской, можно только приветствовать. Она должна быть признана ценным вкладом в русскую марксистскую литературу.

И. Раппопорт. Первый Интернационал, его зарождение, деятельность, борьба и распад. Гиз, М. 1926, стр. 51, ц. 40 к.

Небольшая книжка И. Раппопорта представляет попытку изложить историю Первого Интернационала возможно коротко и популярно. Брошюра написана простым и ясным языком; основные моменты жизни Интернационала изложены в ней правильно. Однако автор, обладающий даром популяризации и некоторой начитанностью в литературе об Интернационале (впрочем, вряд ли особенно обширной), повидимому, недостаточно ориентирован в истории социализма и рабочего движения. Так, он утверждает, что Прудон проповедывал мирный переход к коммунизму (стр. 19). Считать общественный идеал Прудона коммунизмом, конечно, нет никаких оснований. Вообще, понимание коммунизма у И. Раппопорта отличается некоторой неопределенностью. Известную резолюцию Брюссельского конгресса об общественной собственности на землю, железные дороги, рудники и т. д. вряд ли можно называть резолюцией коммунистической (стр. 35). Не точно сообщение автора о том, что в 1869 г. в Германии создалась единая социал-демократическая партия (стр. 19); такая формулировка может запутать читателя, который слышал о лассальянских организациях и о Готском об'единительном с'езде. Совершенно неудовлетворительно об'яснение поворота к «соглашательству» в английском рабочем движении испутом «части вождей» перед разгромом Парижской Коммуны (стр. 43).

Вполне возможно, что брошюра И. Раппопорта потребует второго издания. Автору надлежит ее для этой цели основательно переработать.

В. П. Волгин. Очерки по истории социализма. Изд. 3-е, дополненное. Гиз, М. 1926, стр. 282, ц. 1 р. 25 к.

В своем третьем издании книга вышла значительно дополненной и переработанной. Прибавлен новый очерк: «Социализм в древней Греции»; заключительный очерк первых изданий, посвященный Сен-Симону и сен-симонизму, заменен более обширной статьей автора, напечатанной ранее отдельно; значительно переработан также очерк, посвященный уравнительным теориям XVIII века.

В настоящем своем виде книга во многих своих частях является интересным научным исследованием по истории социализма, вносящим нечто новое в наши представления по этому предмету. Ряд вопросов, — прежде всего о социальных корнях отдельных учений, — ставится едва ли не впервые и разрешается автором со свойственной ему тонкостью анализа и осторожностью в выводах, подчас в весьма своеобразной, интересной постановке.

Автор всюду подчеркивает, что до появления на исторической арене, в качестве активной силы, пролетариата правильнее во многих случаях говорить не о социализме (или коммунизме), но об «эгалитаризме», соединяющем антикапиталистические тенденции с реакционными «уравнительными», по существу мелко-буржуазными, воззрениями.

Анализируя социальные движения и эгалитаристские учения в древней Греции, автор отмечает два основных течения: «народнический» эгалитаризм теоретиков-интеллигентов, каковы, например, киники, представители интеллигентского пролетариата, и аристократический антикапитализм аристократической интеллигенции (Платон), отражающей эгалитарно-аристократические интересы не приспособившейся к новым условиям части аристократии; коммунизм Платона представляет собою лишь идеализированный эгалитаризм (потребительный коммунизм) наследственной аристократии — теория, оказавшая, быть может, влияние на эгалитаристское движение в Спарте (Агис и Клеомен).

Не останавливаясь на очерках, вошедших в первые издания, отметим, что подобные же два течения отмечает автор и среди уравнительных теорий XVIII века; на крайних полюсах стоят Госселен, наиболее радикальный из уравнителей эпохи, выдвигающий национализацию земли и равный ее раздел на неделимые и неотчуждаемые наделы, с одной стороны, Гойн де-ля-Пломбини и Ленгэ — с другой, под видом эгалитаризма и критики буржуазного строя делающие реакционные выводы в пользу старого порядка.

Остановимся на очерке, посвященном Сен-Симону и сен-симонизму. Автор справедливо оспаривает у Сен-Симона право на звание социалиста, хотя и признает для последнего периода его жизни некоторый уклон в сторону интеллигентского социализма, развитие интереса к судьбе пролетариата и зарождение идеи права на труд. Учение самого Сен-Симона, по мнению автора, гораздо ближе к государственному капитализму (хотя самое государство мыслится Сен-Симоном в виде организации производства, а не в виде управления людьми), с его идеей плановости и организованности производства, но с сохранением частной собственности и классового строения общества, — чем к социализму. Такое учение представляет собою идеологию технической интеллигенции, обусловлено настроениями этой общественной группы, тесно связанной в своем развитии с развитием промышленности и банкового дела, близко стоящей к буржуазии по условиям своего существования, а потому отнюдь не враждебной капитализму, но все же подходящей к вопросам социального строительства со своей специфической, «организационной» точки зрения.

Что касается сен-симонизма, то, как указывает автор, это — уже социалистическое учение. Первоначальный состав сен-симонистской школы принадлежит не к преуспевающим верхам буржуазной интеллигенции, а к интеллигентским низам, к студенчеству и революционной интеллигенции, близким к пролетариату по бытовым условиям и соприкасающимся с ним в непосредственной жизни и политической борьбе. Но выйти за пределы кругозора интеллигенции, оценить пролетариат как активную силу истории, сен-симонизм был не в состоянии, чем и об'ясняются слабые стороны этого движения.

Книга вызывает одно сомнение общего характера. Определяя социальные корни различных социалистических и эгалитаристских учений, автор на первое место выдвигает почти повсюду интеллигенцию. Аристократическая интеллигенция (Платон) и интеллигентский пролетариат (киники) в древней Греции; мечтающая о коммунизме, близкая к социальным низам часть интеллигенции XVIII века (Морелли); техническая интеллигенция (Сен-Симон) и низы интеллигенции (сен-симонисты) эпохи империи и реставрации, — всюду интеллигенция, ее различные слои играют роль как бы определяющей идеологию социальной силы. Не переоценивается ли здесь эта роль интеллигенции? Не является ли последняя скорее оформливающей инстанцией, отражающей интересы и воззрения отдельных общественных классов, которые могут обладать каждый своей интеллигенцией? Изложение автора не достаточно ясно в этом отношении и позволяет предполагать, что его интеллигенция, хотя и дифференцированная на различные слои и группы, является почти самостоятельной идеологизирующей силой. В последующих изданиях необходимо больше ясности по этому вопросу.

Будем надеяться, что в последующих изданиях книга будет пополнена новыми очерками и превратится в более полное изложение истории социализма. Хотелось бы видеть в книге очерки о Т. Море и Кампанелле, о социализме эпохи Великой французской революции (Буассель, Л'Анж, Cercle Social и др.), о Фурье и Оуэне и, наконец, о коммунизме сороковых годов XIX века, эпохи возникновения научного коммунизма.

Экономическая система социализма в ее развитии. Под общей редакцией проф. И. Д. Удальцова. Выпуск III—IV. Великие утописты Сен-Симон, Фурье и их школы. Выпуск V. Мелко-буржуазная экономия и мелко-буржуазный социализм. Сисмонди, Луи Блан, Прудон. Изд. Гиз, 1925.

Недостаточное знакомство студентов вузов с иностранными языками делает совершенно необходимым издание на русском языке классиков экономической науки и социализма. При крайней ограниченности производственных программ издательств следует, однако, печатать лишь то, что на книжном рынке действительно отсутствует. Между тем первый из рецензируемых нами сборников составлен, в части, касающейся Сен-Симона, целиком из отрывков, заимствованных из изданий Волгина и Святловского; в части же, касающейся Фурье, использованы имеющиеся в русском переводе «Избранные сочинения» под ред. проф. Жида. Эта перепечатка широко распространенных книг еще более непонятна потому, что, по мнению составителя, содержание выпуска «нарушает план изложения социалистических и экономических систем, принятый... для всей «Библиотеки» в целом».

Но, даже отвлекшись от этих соображений, нельзя не отметить весьма значительных недостатков сборника. В интересах серии было бы более целесообразно дать ряд отрывков из произведений учеников великих утопистов, в частности из Анфантена, Пеккера и Бидаля; тогда экономические воззрения утопистов были бы выявлены значительно полней и разнообразней. В нынешнем же своем виде сборник дает представление о философско-исторических воззрениях утопистов, об их взглядах на будущее общество и лишь очень немного для изучения их экономических представлений.

Серьезны недостатки и предисловия, принадлежащего, повидимому (об этом можно догадываться по ряду косвенных указаний), составителю сборника. Содержание введения ни в какой мере не оправдывает его огромных размеров (80 стр.). Оно имело бы смысл в том случае, если бы автор подробно осветил мало разработанный вопрос об экономических воззрениях утопистов. Вместо этого дано пространное (преимущественно вследствие частых повторений) изложение более или менее общеизвестных идей об утопическом социализме. Там же, где автор оригинален, он почти всегда неправ.

Неверно его утверждение, что «утописты охотно апеллируют к вечным принципам естественного права» (стр. 11). Впрочем, сам автор на стр. 21 эту мысль отвергает в достаточно решительных выражениях. Совершенно необоснованным является и другое суждение автора. С его точки зрения, «философско-историческая теория Сен-Симона имеет не только детерминистический, но и диалектический характер» (стр. 21). Детерминизм Сен-Симона не подлежит сомнению; что же касается до диалектики, то это вряд ли доказано.

При изложении системы Фурье, характеризуя фалангу, автор напрасно противополагает фалангу акционерному обществу, так как и в современных акционерных обществах акция есть лишь право участия в доходах, а не «право исключительного пользования и владения орудиями производства», как об этом говорится в предисловии.

Непонятно также, каким это образом «фаланга является яркой и образной иллюстрацией того, в каких огромных размерах возможно увеличение общественного богатства и общего благосостояния при планомерной организации произво-

дительных сил общества». Чтобы быть иллюстрацией, да к тому еще «яркой и образной», фаланга должна была бы быть осуществлена, а это, как известно, не имело места. Следует отметить еще некоторую неряшливость формулировок автора, вследствие чего интеллигенция превращается в «промежуточный класс» (стр. 26), а воззрения Сен-Симона приобретают характер «сентиментально-социалистических пожеланий» (стр. 34).

Второй сборник, несомненно, удачнее первого прежде всего потому, что дает действительно экономические воззрения Сисмонди, Блана и Прудона. Часть приведенных составителем отрывков хотя и имеется в русском переводе, но в изданиях дореволюционных и поэтому мало доступных широким читательским кругам. Подбор материала удовлетворителен.

Несколько слов о введении. С нескрываемым удивлением читаешь, что «на опыте своих национальных мастерских он (Луи Блан) мог убедиться в полной неосуществимости своего основного требования» (стр. 41). Всякий мало-мальски знакомый с историей революции 1848 г. знает, что национальные мастерские ничего общего с идеями Луи Блана не имели, и лишь злейшие враги социализма и рабочего движения возлагали на Блана ответственность за неудачную и злополучную деятельность мастерских. Столь же неожиданным и непонятным кажется другое замечание автора. «Блан, — пишет автор введения, — не сошел с пути утопии — он только подменил социалистическую утопию мелко-буржуазной» (стр. 41). Какую, собственно, социалистическую утопию подменил Луи Блан? Известно, что взгляды Луи Блана формировались под влиянием Фурье, не обошлось и без влияния сен-симонизма, но и та, и другая системы еще в меньшей степени, чем учение Луи Блана, могут быть названы социалистическими. О всех же предшествующих утопиях и говорить нечего. Очень странно звучит характеристика Прудона — «мелко-буржуазный реакционер» (стр. 55). Бесспорно, что прудонизм, в условиях организованного рабочего движения и напряженной классовой борьбы между пролетариатом и капиталистами, явился реакционным, мелко-буржуазным учением, но сам Прудон вряд ли заслуживает этой суровой оценки; исторически было бы более правдоподобным назвать его мелко-буржуазным революционером.

В обоих сборниках к каждому отделу приложены библиографические указатели иностранной и русской литературы; к сожалению, эти указатели недостаточно полны.

H. H. Houben. Verbotene Literatur von der klassischen Zeit bis zur Gegenwart. Ein kritisch-historisches Lexicon über verbotene Bücher, Zeitschriften und Theaterstücke, Schriftsteller und Verleger. E. Rowohlt, Berlin 1924, pp. 617.

Г. Г. Губен. Запрещенная литература от классицизма до наших дней. Изд-во Ровольт, Берлин 1924.

Настоящий лексикон, вышедший в ограниче[illegible] личестве экземпляров (800) и принадлежащий перу автора известной кни[illegible] ериоде бури и натиска в молодой немецкой литературе», содержит массу материалов из «Тайного архива прусских государственных дел», интересных как для исто[illegible]ика литературы, так и для марксоведа. Сравнительно незначительная выборка из огромного материала о запрещении книг, журналов и пр., о преследованиях, направленных против писателей в Германии и Австрии, дает чрезвычайно много исторических сведений и не лишенных интереса подробностей, которые несомненно будут использованы в будущем при составлении исторических очерков и биографий. Из представителей литературы тридцатых и сороковых годов упоминаются: Виллибальд Алексис, Бертольд Ауэрбах, Эдуард фон-Бауэрнфельд, Карл Бек, Людвиг Берне, Шамиссо, Дингельштедт, Фрейлиграт, Густав Фрейтаг, Гласбреннер, Грюн, Гуцков, Мориц Гартман, Гейне, Лаубе, Варнгаген фон-Энзе, Макс Штирнер, из современников — Рихард Демель, Карл Эйнштейн, Герхард Гауптман, Герман Зудерман.

Для марксоведа из указанных писателей наибольшее значение имеет, наряду с Гейне, Фрейлиграт. Губен на основании документальных данных, извлеченных из тайного архива, указывает, что «Исповедь» поэта вызвала при дворе и в министерских кругах волнение большее, чем предполагалось доныне. Не все смотрели на это с такой наивной практичностью, как прусская королева, сказавшая мужу: «Видишь, Фриц, если бы ты вместо трехсот талеров дал ему две тысячи, у тебя не было бы таких неприятностей» (стр. 190). Король и его министры пришли в крайнее негодование по поводу неблагодарности «королевского пенсионера» и потребовали возбуждения нового дела по обвинению в государственной измене — от чего Фрейлиграт, как известно, спасся бегством за границу. По документам видно, с каким упорством воздвигнуто было преследование по поводу революционных стихотворений поэта и как усердно старались овладеть его особой. Губен сообщает целый ряд мелких, но интересных эпизодов из жизни и истории развития поэта, которых не встретишь в появившихся до сих пор биографиях Фрейлиграта. Интересно отметить, что Губену удалось установить имя шпиона, о котором уже в «Тайных литературных докладах до-мартовского периода» Глосси говорится, что он посылал Меттерниху тайные сведения о Фрейлиграте. Речь идет о докторе Германе Эбнере который, как известно, причислял себя к «друзьям» Фрейлиграта. Последний познакомил его с Марксом, и в письмах к Марксу, Энгельсу и Пиперу Эбнер предлагал свои услуги по приисканию издателя для марксовой «Критики политической экономии».

В одном месте — а именно по поводу Союза коммунистов — Губен делает грубую ошибку. Он изображает дело так, точно Маркс «пытался организовать союз в Кёльне, между тем как сам он находился в Лондоне», и утверждает, будто Фрейлиграт ему в этом хотя и помогал, но «членом Союза никогда не был» (стр. 198). То, что Фрейлиграт состоял членом Союза коммунистов—вне всякого сомнения и с полной очевидностью явствует из переписки его с Марксом (см. статью Меринга «Фрейлиграт и Маркс в их переписке между собой», дополнительный выпуск № 12 к «Neue Zeit»). — С большим интересом ждем выхода в свет второго тома труда Губена, который автор готовит к печати и куда войдут вопросы о Бебеле, «Немецко-Французских Летописях», Энгельсе, Фейербахе, Гервеге, Лассале, Ленау, Марксе, Мейснере, «Рейнской Газете», Руге, Валлесроде. Вейтлинге и многих других.

Gespräche mit Heine. Zum ersten mal gesammelt und herausgegeben von Prof. Dr H. H. Houben. Frankfurt a/M. 1926, pp. 1071.

Разговоры с Гейне. Впервые собраны и изданы проф. докт. Г. Г. Губеном. Франкфурт-на-Майне 1926, стр. 1071.

Рецензируемая книга с полным правом может быть признана поворотным пунктом в гейневедении. Она представляет собой единственное до сих пор исчерпывающее собрание мыслей, высказанных Гейне в разговорах об искусстве, философии, обществе и политике. Автор использовал также для своей работы еще совершенно неизданный материал, почерпнутый им из многочисленных неизданных писем современников Гейне; из них наиболее важны — литературное наследие Варнгагена фон-Энзе, лишь недавно открытое наследие Густава Кюне и семейный архив Шюкинга. (Всего автором использован 21 архив.)

В книге приводятся в строго хронологической последовательности 825 разговоров с различными лицами или мыслей, высказанных при разных обстоятельствах. Они раскрывают образ молодого романтика, революционного лирика и великого мученика «матрацной могилы»; из них вырисовывается перед нами облик великого поэта, его жизнь во всех ее проявлениях, его многочисленные заслуги в качестве «храброго солдата в войне за освобождение человечества», наконец, его заблуждения. Многогранность его творчества — причина тому, что о мертвом Гейне, со дня смерти которого 17 февраля 1926 года исполнилось 70 лет, еще по сей день ведутся не менее страстные споры, чем о живом Гейне, несмотря на

го, что битвы его поколения уже давно стали достоянием истории. Не случайно, что именно в последнее десятилетие, представляющее собой период небывалого обострения классовых конфликтов, литература по гейноведению сильно выросла. Но среди всех книг и книжонок о Гейне, начиная с работ немецких приват-доцентов и кончая антисемитом Ад. Бартельсом, книга Губена, без сомнения, занимает первое место.

Наибольший интерес для марксиста представляют разговоры, относящиеся к тридцатым годам и началу сороковых, т.-е. к тому времени, когда поэт был еще тесно связан с движением немецких ремесленников и рабочих. Важное значение представляет также 1844 год, когда Гейне являлся усердным сотрудником парижского «Vorwärts» и был почти ежедневным гостем в семье Маркса. Губен полностью приводит (стр. 450 — 451) воспоминания дочери Маркса, Элеоноры (опубликованы Каутским в «Neue Zeit» XIV, 1, 1895—1896), где она говорит: «Было время, когда Гейне ежедневно приходил в дом Маркса, чтобы читать молодым супругам свои стихи и услышать их мнение. Маленькое стихотворение из восьми строк нередко бывало предметом самых оживленных дискуссий; каждое слово разбиралось и обрабатывалось до тех пор, пока не выравнивались все шероховатости и не исчезал последний след работы над отделкой стиха».

«Но для этого требовалось не мало терпения, ибо Гейне до болезненности не переносил критики. Он иногда приходил к Марксу буквально со слезами от того, что в газете на него напал какой-нибудь ничтожный литератор. Маркс в таких случаях не знал лучшего выхода, чем отослать его к жене, которая своей любезностью и остроумием очень быстро приводила в себя удрученного поэта». В другом месте (стр. 467) цитируется письмо А. Руге, в котором последний утверждает, что переход Гейне к политической поэзии в 1844 г. произошел под влиянием М а р к с а и его, Руге. Приводятся также все места из переписки Маркса и Энгельса, касающиеся взаимоотношений между последними и Гейне, их встреч и разговоров с поэтом.

VI. ВЕЛИКАЯ ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Ц. Фридлянд. Ж.-П. М а р а т до В е л и к о й ф р а н ц у з с к о й р е в о л ю ц и и Изд. Ком. Университета им. Я. М. Свердлова. М. 1926, стр. 65, ц. 50 к.

Брошюра представляет собою очерк, напечатанный первоначально в «Записках Свердловского университета» (т. II) за 1924 год. Это — первая попытка использовать богатый материал по Марату, собранный Институтом К. Маркса и Ф. Энгельса. Автор дает здесь анализ работ Марата, предшествовавших Великой революции, его «Цепей рабства» (1774), «О человеке», «Проекта уголовного законодательства» (1780), «Похвального слова Монт[illegible]785) и «Проекта конституции» (1789), оставляя в стороне естественно-на[illegible]боты Марата того же периода.

Особо большое значение придает автор «Цеп[illegible]ства» Марата. Анализ этой книги показывает, что Марат уже в 1774 г. дает схему исторического развития общества, в которой большое внимание уделяет экономическому развитию и социальным противоречиям. Особенно интересна в этой работе глава, посвященная «стратегии» революции, где Марат указывает на основные ошибки, в какие может впасть революция. Первая ошибка восставшего народа, это — недоведение революции до конца. Вторая ошибка — частичное восстание; чтобы быть победоносным, оно должно быть всеобщим. Третья ошибка восстания — отсутствие единства у восставших. Четвертая ошибка в том, что часто упускается подходящий момент для восстания. Наконец, отсутствие смелого и решительного человека во главе восставших ослабляет их силу; для успешного восстания нужен диктатор, человек великий по своему уму и добродетели.

Близко к этой работе по развиваемым в ней взглядам стоит другая работа Марата, «Проект уголовного законодательства»; здесь Марат также отмечает элементы классовой розни во всех сторонах общественной жизни, а самую классовую борьбу сводит к экономическому и политическому неравенству. Самозаконодательство для него — орудие классовой борьбы. Преступление — результат существования неравенства. Марат ставит себе задачу уничтожения неравенства, как и всего построенного на нем законодательства.

Значительно ниже этих работ стоит философская книга Марата, «О человеке», где он выступает с критикой современного ему материализма.

В области философии природы обнаруживается то положение, что трудовые массы Франции в конце XVIII века стояли ниже ее передового класса — буржуазии. Усвоить и переработать все философское и революционное наследство буржуазии в идеологию пролетариата, — замечает т. Фридлянд, — было делом XIX века.

Обращаясь к идеологическим корням идей Марата, автор указывает на непосредственное влияние Руссо и Монтескье на Марата, который, однако, значительно переработал их воззрения. Марат является одним из «уравнителей» конца XVIII века. Это — представители революционной части мелкой буржуазии, которые все же мечтают о п р е д е л е для развития производительных сил; революционность этой группы — результать ее социальной реакционности. Представители ее — враги существующего строя, но не во имя царства буржуазии. Их идеология отражает интересы пестрой массы блока, состоящей из разорившихся лавочников, «крепких» мелких буржуа Парижа, крестьян, ремесленников, рабочих, фабрикантов, пролетариев, интеллигентов, интеллигентов-пролетариев и, наконец, люмпен-пролетариев.

Однако Марат занимает особое место среди «уравнителей». У него мелкобуржуазные теории «уравнения» сочетаются с классово-сознательным революционным духом буржуазии, который нейтрализует реакционные пережитки его идеологии. Отсюда его острое классовое чутье, его уменье устанавливать связь классовых требований с социальными язвами общества: «в нем говорит идеолог трудящихся». Он во многих вопросах смог подняться до философии истории лучших представителей буржуазного класса (Барнава), дать отдельные положения экономического материализма и сформулировать идею классовой борьбы как действенной задачи.

В заключение автор высказывает пожелание о распространении правильного понимания идей Марата, как одного из предшественников революционной борьбы пролетариата.

Автор проделал ценную работу, познакомив широкую читающую публику с воззрениями Марата [illegible] революции. Можно лишь отметить, что у автора обнаруживается как [illegible] некоторое противоречие: с одной стороны, Марат является идеологом [illegible] мелкой буржуазии, крестьянства, интеллигенции и пролетариата, с другой — как будто бы переоценивается связь Марата с пролетариатом: Ма[illegible] ражается даже одним из предшественников революционной борьбы пролетариата.

Генрих Кунов. П о л и т и ч е с к и е к о ф е й н и. (П а р и ж с к и е с и л у э т ы в р е м е н В е л и к о й р е в о л ю ц и и.) Изд. «Прибой», 1926, стр. 64, ц. 30 к.

Работа Кунова — не исследование, а занимательный очерк, заметки о «политических кофейнях»... Скудная тема заставляет автора заменять ее конспективным изложением своей известной книги, и в этом смысле брошюра представляет некоторый интерес. Кунов повторяет свою старую схему о борьбе групп в революции и только мельком бросает замечание о столкновениях в среде жирондистов. Это — нечто н о в о е (по сравнению со старой схемой), но автор не анализирует вопроса подробно. История кофеен сводится к истории борьбы течений... Но ведь одно и то же место было местом встреч различных групп в различные моменты

революции; например, кафе де-Фоа было центром встреч революционеров первых месяцев после 5 мая. Интересна борьба парижан за право собираться в кафе против буржуазного городского муниципалитета. Борьба превратилась в гражданскую войну, дело доходило до кровавых столкновений, но кафе де-Фоа было местом встреч революционеров лишь до переезда Национального собрания в Париж. Спустя некоторое время оно стало убежищем реакционеров. Перед читателями проходят и другие кафе. В Тюльери центром встреч было кафе Отто. Его владелец, гр. Соль, предприимчивый надзиратель за трибунами Собрания, умело эксплоатировал кафе и места на трибунах. Значительный интерес представляет судьба кафе Корицца, центра встреч всех антибриссотинцев. Здесь обсуждался план 31 мая. Но и оно скоро стало местом встреч «des gens comme il faut». Здесь встречались Баррас и Бонапарт.

Характерны для брошюры Кунова злобные характеристики тех вождей революции, о которых в своей основной книге он отзывался восторженно. Брошюра блестит эпитетами: «подлость», «вероломство», «отвратительно» и т. д. Автор рассыпает их особенно щедро налево. Социально-литературную характеристику дантонистам, робеспьеристам и т. п. автор дает в согласии со своей старой схемой.

Интерес представляют главы VI — XVIII о кафе в годы термидорианской реакции: кафе де-Шартр, Сент-Онорэ и т. д. Здесь господствовали мускусники, трайты воспитанники Фрерона. Эти кафе стали боевыми штабами «золотой молодежи» в их борьбе с якобинцами. Последние избрали своим центром кафе Кретзен. Здесь собирались «террористы»: старик Вадье, Друэ, Амар, Антонелль. Значительная часть их приняла участие в заговоре Бабёфа как его якобинское крыло. Кафе Кретзен было связано с историей Общества пантеистов, и этим оно особенно интересно. К сожалению, мы слабо знаем историю этого общества, но его значительная роль в революционном движении бесспорна. Г. Кунов пытается доказать, что члены его не были «хвостом» Робеспьера, что они были его врагами. Доводы его малоубедительны, особенно после последней работы Матьеза, доказавшего, что Бабёф и ряд других близких ему якобинцев не были врагами Робеспьера. После 1787 года политические собрания в якобинских кафе прекращаются.

Я. М. Захер. Девятое термидора. Рабочее Издательство «Прибой». Ленинград 1926, ц. 60 коп.

Констатировав, что в русской историографии нет ни одной книги, специально посвященной истории анти-робеспьеровского переворота 9 термидора II года (27 июля 1794 года), Я. М. Захер формулирует «двоякого порядка» задачу историка-марксиста, желающего в настоящее время осветить вопрос о перевороте девятого термидора. Первой задаче — описанию девят[ого] термидора и предшествовавших ему событий, стоящему на высоте [современных] научных изысканий — посвящены главы II—X труда Я. М. Захера; а [задаче] уяснению при помощи марксистского метода причин термидорианск[ой] революции, определению ее места в истории — главы I и XI, которые са[м автор] признает «по самой их установке требующими от читателя довольно з[начительной] подготовки», добавляя, что вследствие этого рядовой читатель может, [без] существенного ущерба, ограничиться прочтением глав II — X (стр. 6).

Главы, посвященные фактической истории девятого термидора, приходится признать удовлетворительнейшим в литературе изложением этого конфликта и его трагической развязки. Я. М. Захер тщательно собрал и сжато изложил, не опуская ничего, все сколько-нибудь существенное[1]) из доступных в Ленинграде

[1]) Может быть, стоило бы привести еще выдержки из относящихся к этому времени автобиографических заметок Билльо-Варенна (Billaud-Varennes, Mémoires inédits et Correspondance. Paris 1893, pp. 17—19), в которых всего характернее выражается неуверенность термидорианцев в победе за час перед заседанием девятого термидора: Билльо-Варенн не решался хранить у себя рукопись своей трагедии «Поликрат», в которой он «разоблачал весь план заговора Робеспьера».

источников, обнаруживая при этом критическое отношение к первоисточникам и к их истолкованиям, даваемым историками. Следует отметить, что Я. М. Захер правильно констатирует, что «изучение борьбы враждебных групп, сложившихся внутри комитетов «общественного спасения» и «общей безопасности», является делом исключительно трудным и может быть построено лишь на основании косвенных указаний, в большинстве случаев далеко не полных» (стр. 20), и что в этих главах Я. М. Захер воздерживается от схематических построений, которые историки различных направлений столь склонны выдавать за историческую реальность именно по отношению к этому периоду. Что же касается об'яснения, при помощи марксистского метода, причин термидорианской контрреволюции и определения ее места в истории, то развиваемые относительно этого Я. М. Захером соображения приходится признать несколько схематичными и во всяком случае недостаточно конкретными. Вряд ли можно безоговорочно и без более детального анализа содержания этой экономической категории в данный исторический момент утверждать, что «переворот девятого термидора... необходимо вел к диктатуре крупной буржуазии со всеми неизбежными последствиями этой диктатуры в виде отмены закона о максимуме, белого террора, преследования всех остатков якобинской партии, не исключая и самих левых термидорианцев, и т. д.» (стр. 127). Ведь как-никак «крупная буржуазия» в самом деле достигла власти во Франции не в августе 1794 г. и не в 1795—1796 гг., а значительно позднее.

Недостаточно указано, — поскольку дело идет о непосредственных причинах, личных стимулах, побуждавших активнейших термидорианцев бороться с мужеством отчаяния и обострившим конфликт до невозможности компромисса, — то обстоятельство, что Робеспьер не без основания слыл прежде всего «неподкупным», т.-е. что казнокрады и крупные спекулянты и желавшие стать таковыми были в высшей степени заинтересованы в наискорейшем устранении Робеспьера и Сен-Жюста: ведь дело шло не только о прославлении воздержанности и добродетели in abstracto, а о весьма конкретных угрозах для хищников и казнокрадов. Торжество термидорианцев и оказалось не столько «диктатурой крупной буржуазии», сколько устранением фиговых листков, сдерживавших вакханалию как спекуляции, так и хищничества и казнокрадства; конечно, эта вакханалия по существу неизбежна при в с я к о м буржуазном режиме, но все-таки до девятого термидора она несколько сдерживалась ригоризмом «добродетельных мещан». В этом смысле девятое термидора — посмертный реванш дантонистов, преждевременно выступивших с программой, сводившейся к «enrichissez-vous!». Об'ективный смысл события девятого термидора, конечно, как вполне правильно констатирует Я. М. Захер, заключается в торжестве «новых богачей» «nouveaux riches»).

Кроме того необходимо [illegible], что раз Я. М. Захер вообще счел нужным упомянуть об отношении [illegible] перевороту девятого термидора, то следовало бы точнее формулировать [illegible]ное отношение Бабёфа и бабувистов к Робеспьеру и Сен-Жюсту, тем более [illegible] очень важно для выяснения генезиса бабувизма.

Société des Études robespierristes. Correspondance de Maximilien et Augustin Robespierre, recueillie et publiée par Georges Michon. Librairie Félix Alcan. Paris 1926.

Переписка Максимилиана и Огюстена Робеспьеров, собранная и изданная Ж. Мишоном. Париж 1926.

Общество, занимающееся изучением деятельности Робеспьера и издавшее еще до войны два тома полного собрания сочинений М. Робеспьера [1]), издало переписку М. и О. Робеспьеров — в качестве документа, «чрезвычайно важного для понимания событий». В предисловии Ж. Мишон констатирует, что эта

[1]) I. Литературные произведения в прозе и в стихах. II. Юридические произведения (защитительные речи и мемуары).

переписка не полна, потому что, во-первых, множество писем М. Робеспьера было уничтожено, в эпоху термидорианской реакции, лицами, имевшими основание опасаться, что обнаружение у них этих писем вызвало бы чрезвычайно неприятные для них последствия, а во-вторых, многие из уцелевших писем находятся у коллекционеров.

После гибели Робеспьера термидорианцы издали только те из найденных у него документов, которые они считали наиболее пригодными для того, чтобы дискредитировать его. Затем некоторые письма Робеспьера и некоторые из писем разных лиц к нему были напечатаны в журналах и в исторических трудах. Напечатание всей этой корреспонденции в одном томе в самом деле проливает яркий свет на великого деятеля Конвента, хотя вряд ли представляет его в новом освещении, как полагает Ж. Мишон.

По мнению Ж. Мишона, эта переписка Робеспьера является наилучшим его оправданием: «ни следа каких-либо низменных чувств, ничего двусмысленного или подозрительного, как у многих политических деятелей. Полное отсутствие своекорыстных расчетов». Ж. Мишон считает возможным упрекнуть Робеспьера разве в том, что он слишком резко отвечал К. Демулену, приписавшему ему слова, которых он не говорил; что он неточно изложил в письме к Прюдому (от 15 декабря 1792 г.) свою роль в дебатах после смерти Мирабо; наконец, что он с л и ш к о м д о л г о медлил, пока не выступил против Дантона.

Из ранних писем особенно интересны письма: VI (от 1 октября 1783 г.) к Франклину, чье изобретение — громоотвод — Робеспьеру пришлось защищать от «предрассудков»; XVI (от 24 мая 1789 г.) к Бюиссару, в котором Робеспьер выражает свои первые впечатления от Генеральных штатов и от намечавшихся там группировок; XXII — полный достоинства ответ Робеспьера на письмо генерального контролера финансов, обвинявшего его в распространении «зажигательного письма, побуждавшего к отказу от уплаты акцизных сборов». Для настроений перед разрывом с жирондистами очень характерны письмо г-жи Ролан к М. Робеспьеру (CXXIIV, от 27 марта 1792 г.) и письма Петиона (CXXXIII, от 26 апреля 1792 г., CXXXIV, от 29 апреля 1792 г., и затем CXLII, от 20 августа 1792 г.). Глубоким трагизмом веет от письма Робеспьера к Дантону (CLV, от 15 февраля 1793 г.). Из писем, относящихся к эпохе Комитета общественного спасения, очень важны письма Жюльена к М. Робеспьеру и письмо Дюкенуа к нему же, дающие наглядное представление о том, что́, собственно, творилось на местах, а также письма О. Робеспьера к его старшему брату, особенно письмо CCCLXXXVIII о влиянии на суеверное население распространяемых эмигрантами обвинений в гонении на религиозный культ; письма жирондистов, спасенных Робеспьером от участи, угрожавшей им за протесты против событий 31 мая и 2 июня 1793 г.; множество деловых писем к членам Конвента, отправленных [illegible] чию комиссарами, и от них и, наконец, как своеобразные «человеческие» [illegible] человеческие» документы, — письма будущих «умеренных» и даже [illegible] их термидорианцев, заискивавших перед М. Робеспьером еще накану[illegible]. Мишон ограничивается моральными оценками, не анализируя, по[illegible]зия, пока ей грозила опасность со стороны крайних партий, не м[illegible]огала Робеспьеру и его друзьям упрочить их власть, создать правительств[illegible]громить крайнюю партию». Но, как только крайние были разгромлены, буржуазия низвергла Робеспьера и его правительство и торжествовала их падение». (П. А. К р о п о т к и н, Великая французская революция, 1914, стр. 660).

VII. ИСТОРИЯ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ДВИЖЕНИЙ В РОССИИ

Н. Г. Чернышевский. С б о р н и к. Неизданные тексты, статьи, материалы, воспоминания. Издание Нижне-волжского областного научного общества краеведения. Саратов 1926, стр. 1+224, цена 2 р. 25 к.

Настоящий сборник подготовлялся к тридцатипятилетию со дня смерти великого революционного мыслителя (17/30 октября 1924 г.), а большинство вошед-

тих в него статей было прочитано в качестве докладов на заседаниях Нижневолжского обл. научн. о-ва краеведения. Но фактически печатание сборника задержалось на два года, а тем временем получилась возможность расширить первоначальный план и включить в книгу ряд новых статей. В результате мы имеем в высшей степени интересный и ценный сборник, дающий много новых и важных материалов для характеристики творчества выдающегося социалистического писателя и для освещения некоторых невыясненных сторон его биографии. В редактировании сборника принимали участие местные работники: П. С. Рыков, П. Г. Любомиров, А. П. Скафтымов и Н. М. Чернышевская-Быстрова, внучка Н. Г. Чернышевского (последними двумя лицами даны и редакционные примечания).

Из неизданных текстов Н. Чернышевского здесь дана первая половина его мелких рассказов (всего тринадцать), остальные будут опубликованы во втором сборнике, подготовляющемся к печати. Некоторые из этих рассказов были опубликованы в журнале «Новый Мир» 1925 г., но большинство появляется в печати впервые. Написаны они были автором в Петропавловской крепости в феврале — марте 1864 г. Рассказы эти лишний раз свидетельствуют о том, что великий ученый и публицист не лишен был своеобразного беллетристического таланта. Кроме того помещен набросок статьи Чернышевского «Мысли о будущности Саратова», не представляющий особого интереса.

Далее в сборник вошел ряд статей и исследований, посвященных отдельным сторонам творчества Чернышевского: В. Бельского «Вопросы кооперации в разработке Н. Г. Чернышевского», Ю. Иванова «Н. Г. Чернышевский о падении римской империи», Г. Ильинского «О филологических работах Н. Г. Чернышевского», В. Гиппиуса «Чернышевский-стиховед», А. Скафтымова «Роман «Что делать?» и его же «Чернышевский и Плещеев» (там же напечатано письмо А. Н. Плещеева к А. Н. Пыпину), Н. Чернышевской-Быстровой «Из литературных отношений Н. Г. Чернышевского к И. И. Барышеву-Мясницкому», С. Чернова «Н. Г. Чернышевский — учитель Саратовской гимназии», С. Быстрова «Топография Саратова и его окрестностей по воспоминаниям Н. Г. Чернышевского» и, наконец, воспоминания внучки Н. Г. Чернышевского, Марианны Чернышевской, и жительницы Саратова М. А. Чернышевской о жене писателя, Ольге Сократовне Чернышевской. К сборнику приложен указатель имен.

Один этот перечень статей показывает, насколько разносторонне и интересно составлен сборник. Наибольший интерес представляют статьи Скафтымова и Чернышевской-Быстровой, дающие много новых материалов для биографии Чернышевского.

Статья Скафтымова [illegible] романе «Что делать?» касается вопроса о его происхождении и обществ[illegible]ких а[illegible] а также о лицах, послуживших прототипами для его героев. В ч[illegible]ве[illegible] ек[illegible]тымов пытается опровергнуть версию, согласно которой Чернышев[illegible]ве[illegible] [illegible]чем Лопухова изобразил в романе д-ра П. И. Бокова, известного [illegible]ео[illegible]г[illegible]о Воли» 60-х годов, под именем Кирсанова — проф. И. М. Сеченова, а [illegible]не[illegible]ких Веры Павловны — семейную историю этих двух лиц, и М. С. Обр[illegible]й сначала за Боковым, а затем вышедшей за Сеченова. Признать [illegible]ражения Скафтымова нас не убедили, хотя об этом предмете здесь распространяться не место. Но что тип Веры Павловны, как это бывает у романистов, — сложный, что в ее лице выведена не одна Обручева, но и жена самого Чернышевского и, может быть, даже главным образом она (разумеется, в идеализированном виде), это можно признать бесспорным. О том, что под видом Рахметова выведен помещик Бахметов, саратовский приятель Чернышевского, как указал в своей книге о Чернышевском Ю. Стеклов, говорит, вслед за В. А. Пыпиной (см. ее книгу «Любовь в жизни Чернышевского»), и Скафтымов. Со слов Е. Н. Пыпиной он даже сообщает о нем некоторые подробности, но, к сожалению, их слишком мало, чтобы судить об этой, повидимому, весьма оригинальной, личности. Подробно Скафтымов останавливается на влиянии, какое

роман оказал на революционную молодежь и, в частности, на женское движение в России.

Плещеев в своем письме к Пыпину сообщает любопытные сведения о процессе Чернышевского и о предателе В. Костомарове, которого познакомил с Чернышевским именно Плещеев. В числе документов, послуживших к обвинению Чернышевского, фигурировало и более чем подозрительное письмо его к Плещееву, повидимому, подделанное Третьим отделением. Плещеев категорически отрицает подлинность этого письма. Он же, кстати, выражает твердое убеждение (которое, по его словам, разделяют все знавшие Чернышевского), что последний «не был причастен к революционной агитации». По этому поводу А. Скафтымов в заметке «Чернышевский и Плещеев» правильно указывает, что это показание Плещеева вовсе не решает вопроса о действительном участии Чернышевского в революционной деятельности, а только свидетельствует о его осторожности и конспиративности.

В общем сборник производит отрадное впечатление и показывает, что и советская провинция не отстает от умственного движения столичных центров. Пожелаем же Нижне-волжскому обществу краеведения поскорее выпустить второй сборник.

М. П. Сажин. (Арман Росс). Воспоминания о М. А. Бакунине. Дешевая библиотека журнала «Каторга и ссылка». М. 1926, стр. 30, цена 12 к.

Страничка воспоминаний старейшего революционера интересна прежде всего тем, что ее написал «живой обломок глубокой старины, современник «Современника»... «Три четверти столетия прошли на глазах этого человека» (из предисловия В. Полонского). К сожалению, книжка представляет только отрывок из «Воспоминаний», имеющих большое историческое значение. О верности М. Сажина старому бакунизму свидетельствует следующее рассуждение: «Бакунин был основателем анархизма, антигосударственником... Он был страстным поклонником полной свободы человека»... «Маркс был главою социал-демократии, считал безусловно необходимым усиление и удержание государства во что бы то ни стало»... Наконец, Маркс, по словам М. Сажина, был против «революционных мер». Так понимали марксизм бакунисты 50 лет тому назад, так формулирует разницу двух учений автор воспоминаний в 192[illegible]

Интересно освещение вопроса об Альянс[illegible] Гильома, М. Сажин утверждает, что после 1869 г. Альянс был ли[illegible]р. 21), но на стр. 19 автор сообщает, что Бакунин и его сторонник[illegible]зать свой печатный орган; затем, что бакунисты «иногда называли с[illegible] стр. 21), что они перед от'ездом Бакунина в Италию в 1870 г. сб[illegible]ером и обсуждали политическое и социальное положение Европы (с[illegible]гда Сажин уезжал в Лондон, Бакунин предлагал ему найти среди ан[illegible]х хотя бы одного человека, «который вполне уверовал бы в нашу п[illegible]ап способ действий, словом, чтобы был человеком вполне соли[illegible]сем с нами». (стр. 23). Как после этого не поверить, что «союза»[illegible] бакунисты не вели своей организованной работы против марксистов[illegible]ернационала? Некоторый интерес представляют замечания о том ко[illegible]лиянии, какое оказывал Бакунин на всех близких ему работников: он под[illegible]их себе своим мощным темпераментом и своей бурной энергией.

Спор о Бакунине и Достоевском. Статьи Л. П. Гроссмана и В. Полонского. Гиз. Ленинград 1926, стр. 215, ц. 1 р. 80 к.

Курьезный спор, одно время занимавший узкие литературные круги. В предисловии рассказывается, что книга возникла из диспута, который вели авторы помещенных в книге статей в ученых обществах Москвы и на страницах журнала «Печать и революция», при чем утверждается, будто эта полемика «затронула ряд центральных тем (каких?) по истории русской мысли прошлого столетия», а материалы диспута «не останутся безразличными для изучающих Ба-

кунина». Думаем, что на сей счет автор цитированных строк заблуждается. Ровно ничего для изучающих Бакунина рассматриваемая книга не дает.

В течение спора оба автора принуждены были менять свои основные положения и отказываться от некоторых неосторожно высказанных частных положений. При этом обнаружилась любопытная частность для «изучающих Бакунина»: специалист по истории русской литературы и по Достоевскому, Л. Гроссман, обнаружил больше осведомленности и знакомства с первоисточниками по Бакунину, чем В. Полонский, выпустивший один том «монографии» о Бакунине. Так, вступив с Гроссманом в спор по вопросу о том, мог ли Достоевский слышать речь Бакунина на Женевском конгрессе Лиги мира, Полонский засвидетельствовал свое незнакомство с относящейся сюда литературой. Это не помешало ему с апломбом утверждать, что Гарибальди не уехал из Женевы неожиданно и что Бакунин говорил на заседании последним. А когда Гроссман указал ему на «Летописи» конгресса, содержащие отчет о его заседаниях и показывающие, что после Бакунина говорили еще несколько ораторов, и ссылками на литературу предмета опроверг его утверждение относительно Гарибальди, то Полонский, обойдя щекотливый вопрос о Гарибальди, вынужден был признаться, что у него «не было под рукой этого редкого издания», т.-е. «Летописей» (имеющихся, между тем, даже в Москве!), и что он сделал свое скоропалительное заключение насчет Бакунина по такому «первоисточнику», как работа Гильома об Интернационале, при чем с уверенностью заявил, что «никто не станет лишать эту работу почтенного качества первоисточника» (стр. 126 и 128). Но если насквозь тенденциозную и в отдельных частях неодинаково документированную книгу Гильома даже можно было бы признать «первоисточником» по некоторым частным вопросам, относящимся к истории анархизма, то этого никак нельзя сказать о той ее главе, которая трактует о Женевском конгрессе Лиги мира. Там Гильом просто перепечатывает свою старую корреспонденцию в газету «Диоген» о конгрессе и притом в выдержках; но курьез в том, что Гильом вовсе не говорит там, будто Бакунин говорил последним (т. I, стр. 52). Изложив речь Бакунина в двух строках, Гильом ставит целую строку многоточий и только после того прибавляет, что председатель закрыл собрание и пр. Уже одно это многоточие должно было удержать Полонского от его поспешного заключения, тем более, что, не зная литературы вопроса, нужно быть весьма [illegible]казатель имел категорических утверждениях.

Вообще у обеих статей пока встречается немало пустяков и фактических ошибок. Мы уже к. Наибольший образчиков из Полонского. К ним можно прибавить еще следующие, дающие м известную брошюру «Альянс социалистической демократии» этот [illegible]графии» о Бакунине называет «докладом Утина» (стр. 157), хотя в [illegible]ома время не знать авторов брошюры непростительно людям, имеющим [illegible]ыха[illegible] ибо понятие об истории Интернационала. Не меньше курьез[illegible]езде [illegible]ыми против фактов попадается и у Гроссмана, хотя ему, не пре[illegible]ве[illegible]ушевание «специалиста по Бакунину», это более простительно. Про[illegible]ро[illegible]Ео примеров. Бакунин обвиняется в безграмотности, при чем об э[illegible]не[illegible]столярного стиля говорится, что он «до конца жизни не научился [illegible]ать по-русски» (стр. 17). Но если судить по галлицизмам, то ведь [illegible]раженно при желании обвинить в том же. О рыхлом больном старике Баку[illegible]страниц[illegible]а 60-х и начала 70-х годов говорится как о человеке с румянцем на щека[illegible]ь основании слов Белинского, относящихся к 30-м годам (стр. 19). В связи с пребыванием Бакунина в Швеции рассказываются басни насчет того, будто «брат короля, министры и различные государственные деятели подпали под власть» бакунинского «очарования» (стр. 22). Бланкист Жакляр об'является «одним из видных сторонников Бакунина» на том основании, что он входил в состав меньшинства Бернского конгресса Лиги мира (стр. 29), хотя в состав этого меньшинства входил и Г. Вырубов. По поводу любви Бакунина к музыке сообщается, будто «сам Бакунин осознавал в себе это как величайший грех и осуждал себя за проявление такой слабости» (стр. 36 — 37). Но довольно.

По существу спора приходится сказать следующее. Гроссман пришел к мысли, что в лице героя «Бесов» Достоевского выведен Михаил Бакунин, Так как в основу романа положено дело Нечаева, который фигурирует здесь под фамилией П. Верховенского, то естественно навязывалась мысль, что под именем Ставрогина, являющегося предметом своего рода культа со стороны П. Верховенского, изображен Бакунин. С необычайным трудолюбием и усердием Гроссман собрал множество доказательств в пользу своей гипотезы, долженствующих подтвердить как портретное, так и психологическое сходство между Ставрогиным и Бакуниным. Одни из этих доказательств чрезвычайно убедительны, другие — натянуты, а подчас и просто притянуты за волосы. И если бы Гроссман ограничился утверждением, что, рисуя своего героя, Достоевский пользовался некоторыми чертами и фактами из жизни Бакунина (разумеется, как он их понимал), то его тезис был бы неопровержим.

Но, подобно всем новаторам, он захотел пойти дальше. И вот он заявил, что «в русской литературе есть книга о Бакунине, написанная еще при жизни его, но до сих пор с этой стороны не известная», а именно роман «Бесы». Это, мол, «самое выдающееся исследование» о Бакунине, приподнимающее «маску с лица Бакунина», разрешающее до конца «труднейшую психологическую проблему», раскрывающее целый ряд каких-то «тайн», в том числе «тайну пола» и пр. Разумеется, такая постановка вопроса открывала легкую возможность для дискуссии. Ею и воспользовался Полонский, выступивший против «легенды», творимой Гроссманом, и пытавшийся доказать, что между Бакуниным и Ставрогиным нет никакого сходства и что потому Бакунин никак не мог послужить прототипом для Ставрогина.

Пытаясь опровергнуть фактические ссылки и параллели Гроссмана, Полонский некоторые из них подорвал или ослабил, но в общем итоге не мог, разумеется, оспорить большинство указаний Гроссмана, использовавшего для своей конструкции несомненные исторические факты, свидетельства современников и указания самого автора романа. Что последний при обрисовке личности Ставрогина пользовался м е ж д у п р о ч и м и данными из биографии Бакунина, по-своему переделав и извратив их сообразно своим реакционным взглядам и обличительным тенденциям своего произведения, — это может почитаться установленным. Но столь же верно и то, что Ставрогин о[illegible] похож на Бакунина и что при создании этого персонажа Достоевский [illegible] вовсе н е о д н о г о Бакунина.

Но ведь и Ст. Верховенский мало похож на [illegible]. Верховенский на Нечаева, и Кармазинов на Тургенева, и Шатов [illegible]го — однако не подлежит сомнению, что именно этих лиц стара[illegible] в романе автор «Бесов». Поэтому несходство Ставрогина с Бакун[illegible]вое особенно налегает Полонский, ничего не доказывает. Достоевс[illegible] с своей целью «разоблачить» революционеров и либералов и доказ[illegible]ее сродство, написал памфлет и дал не портреты, а шаржи. Н[illegible]ристы, с о ч у в с т в у ю щ и е своим героям, сплошь и рядом [illegible] преобразуют изображаемых лиц, приспособляя их к с в о и м взгля[illegible]ям. Иначе и быть не может. Декабристы Мережковского имеют мало [illegible]ьными деятелями движения, несмотря даже на исторические имена. [illegible]Достоевский, выведенный в романе А. Пальма «Алексей Слободин», мало [illegible]на себя. Тем более это верно по отношению к таким произведениям, которые написаны н е с о ч у в с т в у ю щ и м и авторами и ставят себе прямой задачей не столько историческую точность и художественную правду, сколько тенденциозные цели обличения и литературной экзекуции, как роман «Бесы», явившийся литературным дополнением к нелитературным расправам Третьего отделения.

И если бы Достоевский писал Ставрогина с одного Бакунина, то и тогда между прототипом и литературным типом было бы мало сходства. Но Достоевский не просто фотографировал своих героев, а смешивал в них черты разных исто-

рических лиц. Так, в Кармазинове он смешал Тургенева с Печериным, в П. Верховенском — Нечаева с Петрашевским. Еще более сложным является образ Ставрогина, в котором Достоевский об'единил петрашевца Спешнева, Бакунина, быть может, еще кого-нибудь, прибавив, как, впрочем, и при создании других типов романа, изрядную дозу реакционно-мистической «отсебятины», выкопанной из собственной больной души.

Полонский подчеркивает, что образ Ставрогина предшествует «Бесам», являясь видоизменением старого замысла. Еще с 1868 г. Достоевский задумал роман «Атеизм», в котором хотел вывести раскаявшегося безбожника и который позже превратился в роман «Житие великого грешника». Ну, и что же? А потом, когда, под впечатлением первых известий о нечаевском заговоре, Достоевский задумал своих «Бесов», он естественно внес некоторые черты прежнего «грешника» в образ Ставрогина. Это было для него тем легче, что этим грешником, покаявшимся безбожником и революционером был он сам собственной персоной. Таким образом главная бомба Полонского, которая должна была окончательно разрушить все построение Гроссмана, бьет мимо цели (не говоря уже о том, что Гроссману все это прекрасно было известно до Полонского, а равно известно было ему и то, что Ставрогина Достоевский списывал и со Спешнева, как видно из статьи Гроссмана, помещенной в той же книге).

В процессе спора Гроссману пришлось значительно ослабить свой первоначальный тезис. Правда, в первой же статье он указывал, что портретного сходства Бакунина со Ставрогиным в романе «нечего искать», но все-таки он его искал, стараясь отожествить того и другого. В последней статье он уже признает Ставрогина «грандиозной (?) пародией на титанический образ Бакунина». Но и это не точно. На самом деле мы имеем в романе пародию на революционера, при создании которого автор имел в виду, между прочим, и Бакунина, но не в меньшей степени и себя самого.

Таков итог пресловутого диспута.

Вопрос был сразу неверно поставлен обеими сторонами, и спорили они вокруг пустого места.

А. Гамбаров. В спорах о Нечаеве. Изд. «Московский рабочий», 1926 стр. 146, ц. 1 р. 75 [illegible]азатель и.

Литература [illegible]ь статей пока[illegible]ь бедна. Поэтому следовало бы приветствовать всякую новую [illegible]. Наибольший [illegible] пролить новый свет на нечаевское дело и связанные с ним со[illegible]й, дающие [illegible]ию, мы не можем признать книжку А. Гамбарова заслуживающей [illegible]ительного отношения.

Уже подзаг[illegible]ромал[illegible] «К вопросу об исторической реабилитации Нечаева», указывает на [illegible]ый характер. Ничего нельзя, разумеется, сказать против стре[illegible]реабилитировать того или иного исторического деятеля. Но [illegible]ь умеючи. Во-первых, не годится реабилитировать одного, — д[illegible] оклеветанного, — путем извращения исторической истины или [illegible]того, — оклеветания еще более произвольного и неосновательного. [illegible] нужно подтверждать свои заявления фактами, а не декретировать [illegible]ще хуже, просто придумывать. А в-третьих, нужно хоть сколь[illegible] знать литературу предмета, о котором берешься писать. Ни одному из [illegible] требований рассматриваемая книжка А. Гамбарова не удовлетворяет.

Основной тезис автора сводится к следующему. Нечаев был коммунистом, предтечей современного большевизма. Большинство же тогдашних революционеров в той или иной мере стояли на буржуазной позиции. Отсюда их ненависть к Нечаеву, стремление оклеветать этого «революционера исключительного размаха и классовой устремленности». Правда, и Маркс, бесспорный глава коммунизма, относился к Нечаеву резко отрицательно, но это было сплошным недоразумением: он не знал, что Нечаев коммунист и считал его простым агентом Бакунина.

Во всем этом верно одно: Нечаев был не анархистом, а скорее бланкистом или, лучше сказать, представителем того грубого, примитивного коммунизма, о котором говорит «Манифест коммунистической партии». Напрасно Гамбаров думает, что Марксу это было неизвестно: стоит припомнить брошюру об Альянсе, где эта черта Нечаева отмечается. Гамбаров, видимо, этого места не знает. Боимся, что он незнаком и с самой брошюрой.

Как же доказывает Гамбаров свой основной тезис о «большевизме» Нечаева? Приведением выдержек из... анархических писаний Бакунина! Без малейшей попытки критики он приписывает Нечаеву бесспорно принадлежащий Бакунину «Катехизис революционера» и столь же несомненно принадлежащие ему «Начала революции» и первый номер «Народной Расправы», который он, кстати, неверно цитирует (стр. 126). Без всякого доказательства он приписывает Нечаеву авторство «Программы революционных действий», которая, по всей вероятности, принадлежит Ткачеву или, в крайнем случае, является продуктом коллективного творчества. При таком методе можно, разумеется, доказать что угодно.

Присочиняя для славы своего героя несуществовавшие факты, Гамбаров с такою же смелостью отрицает или обходит молчанием несомненные факты, если они противоречат его предвзятой точке зрения. Об угрозе Нечаева Любавину в связи с переводом «Капитала» Гамбаров умалчивает (стр. 92). Равным образом умалчивает он о том, что Нечаев мистифицировал публику, распространяя слух о своем побеге из Петропавловской крепости, сводя спор к вопросу о том, был ли Нечаев когда-либо вообще арестован, хотя и этого не доказывает (стр. 19). Умалчивает он также и о другой мистификации Нечаева, а именно о распространении им, да еще в печати, слуха о том, будто бы он был убит. Не менее странное впечатление производят попытки Гамбарова «оправдать» Нечаева от того, что в Женеве он выдавал себя за представителя русского революционного комитета, а в России — за представителя мифического «европейского революционного союза» (последнее обвинение Гамбаров отводит указанием... на фантастический мандат, выданный Нечаеву Бакуниным). Кружок Ралли, в котором Нечаев был гостем, превращается у Гамбарова в «нечаевский кружок» (стр. 78 и 83). Разрыв Нечаева с Бакуниным Гамбаров, не приводя тому никаких доказательств, уверенно об'ясняет тем, что Нечаев отказался выдавать Бакунину ежемесячное содержание из общего фонда и «не подчинился [illegible] экспроприационным замыслам Бакунина» (стр. 94). Ввиду того, что [illegible] насчет «экспроприационных замыслов» держалась прямо обратна[illegible]ву следовало бы привести факты, на основании которых он [illegible]нно напротив». Нечаев никогда не обращался к преступному [illegible]амбаров (а Бакунин обращался? Разве в этом дело?), а если в [illegible]их произведениях (гм!), как «Катехизис революционера» и № 1 «[illegible]авы», встречается «позорная» апология преступного и разбойного [illegible]няется-де тем, что эти места «целиком продиктованы были Бак[illegible] допустил их в свои произведения «в качестве вынужденной [illegible] анархизму». Откуда все это известно Гамбарову, остается его [illegible]росто какое-то ясновидение, но не историческое исследование.

Но венцом этого легкомысленного сочинительст[illegible]ежения к действительным фактам является возмутительное оклев[illegible]тной жертвы нечаевской расправы, убитого им Иванова. Игнорируя о[illegible]ные свидетельства всех современников, знавших и Нечаева, и Иванова, кото[illegible] в один голос утверждают, что Иванов не был и не мог быть предателем, Гамб[illegible] без малейшей тени доказательства позволяет себе (и не раз; см. стр. 17, 76, 90—91) утверждать, что Иванов действительно был предателем, «часто» разбалтывал посторонним лицам тайны организации и «собирался» донести полиции на Нечаева. Мы уже не говорим о том, что если бы даже последние два утверждения и были верны (а они не верны и получены Гамбаровым путем произвольного толкования единственного в литературе сообщения А. Успенской, жены участника убийства).

то из них отнюдь не следовало бы, что Иванов был действительно предателем. Что Гамбаров хочет реабилитировать Нечаева, это — его право. Но что для достижения своей цели он пускает в ход *такие* приемы, это для начинающего историка непростительно.

•

Петрашевцы в воспоминаниях современников. *Сборник материалов.* Составил П. Е. *Щеголев.* С предисловием Н. *Рожкова.* Гиз, 1926, стр. XX+ + 295, ц. 1 р. 80 к.

Небогатая литература о кружке русских фурьеристов 40-х годов обогатилась интересным сборником материалов, составленным из воспоминаний современников и участников дела Петрашевского. Это не исследование о петрашевцах и не рассказ об их кружке, а ряд извлечений из статей и мемуаров, относящихся к кружку (или, точнее, к кружкам) петрашевцев или фурьеристов николаевской России. Если не считать небольшого (и слишком беглого) предисловия Н. Рожкова, то авторы книги сами ничего не говорят о петрашевцах, а заставляют говорить о них отчасти современников, но главным образом самих участников движения. Это-то и составляет достоинство книги, ибо на основании сообщаемых материалов, исходящих от непосредственных участников дела, читатель может составить себе самостоятельное суждение о его характере и отличительных чертах.

Книга разделена на четыре отдела: 1) Современники о Петрашевском и петрашевцах; 2) Суд над петрашевцами; 3) Обряд смертной казни над петрашевцами; 4) Петрашевцы в Сибири.

Из писаний и мемуаров самих участников дела в книге даны извлечения из Ф. М. Достоевского, Д. Ахшарумова, ген. П. А. Кузьмина, Ф. Н. Львова, М. В. Буташевича-Петрашевского, И. Л. Ястржембского, Е. И. Ламанского, Н. Н. Кашина, Ф. Г. Толя, а также из романа петрашевца А. И. Пальма, «Алексей Слободин», вышедшего в 1873 г. под псевдонимом «П. Альминский». (В этом романе, где главный герой списан с Ф. М. Достоевского, фигурируют члены кружка Дуров, Ястржембский, Петрашевский, сам Пальм и пр.)

Далее приведены выдержки из статей А. И. Герцена, книги Ореста Миллера и А. П. Милюкова, из записок и воспоминаний П. П. Семенова Тянь-Шанского, П. Боборыкина, И. Венедиктова, Н. А. Огаревой-Тучковой, С. Яновского, А. В. Семевской, П. Казатель и. В. Р. Зотова, Безродного, Шумахера, сенатора К. Лебедева, бар[illegible]нь статей пок[illegible]а, поэта М. И. Михайлова, Г. Потанина, М. П. Хитрово и [illegible]к. Наибольший [illegible]ем М. Бакунина, Ф. Достоевского и А. Майкова.

Таково бо[illegible]ой, дающие [illegible] рассматриваемой книги о петрашевцах. Она поможет читател[illegible] характере этого замечательного кружка, в котором элементы [illegible]романтического радикализма и даже либерализма перемешаны были с пережи[illegible]го социализма, и напомнит современному поколению о ряде [illegible]ких явлений, предтеч того освободительного движения, которое закончилось [illegible]й революцией 1917 года.

Прокламации 60-х годов. Редакция и вступительная статья Ф. Ф. Раско[illegible]. Изд. «Московский рабочий». М. 1926, стр. 80, ц. 90 к.

В настоящем издании напечатаны четыре важнейших документа подпольной литературы 60-х годов, а именно: 1) четыре номера листка «Великорусс»; 2) прокламация [illegible]ва-Михайлова «К молодому поколению»; 3) прокламация Зайчневского-[illegible]ю «Молодая Россия» и 4) прокламация Чернышевского «К барским крестьянам» (последняя, как известно, в свое время опубликована не была, что не помешало ее автору пойти за нее на каторгу).

Из них первые три были в 1861 г. опубликованы Герценом в «Колоколе», а затем перепечатаны Базилевским (Богучарским) в «Материалах для истории революционного движения в России в 60-х годах», изданных сначала за границей, а потом в России, но в неисправном виде. Неточно они перепечатаны и в книге Лемке «Очерки освободительного движения в 60-х гг.» 1909 года. Текст прокла-

мации «К молодому поколению», сверенный по архивным материалам, был опубликован в 1923 г. А. Шиловым в приложении к «Воспоминаниям» Шелгунова. Точный текст прокламации «Молодая Россия» был опубликован в сборнике «Политические процессы шестидесятых годов», изданном в 1923 г. Центрархивом под ред. Б. Козьмина. Прокламация «К барским крестьянам» была впервые опубликована М. Лемке в его статьях, а затем в книге «Политические процессы М. И. Михайлова, Д. И. Писарева и Н. Г. Чернышевского» 1907 г., но по цензурным условиям напечатана там в неполном виде.

Правильно полагая, что собрание этих основных документов по истории революционного движения 60-х годов необходимо для всякого, изучающего историю нашей страны и борьбы в ней общественных сил, т. Раскольников взял на себя составление рассматриваемого сборника. Все приведенные в книжке тексты сверены с подлинниками прокламаций, хранящимися в наших архивах. Сборнику предпослано предисловие т. Раскольникова, посвященное выяснению идеологического содержания прокламаций и их места в истории русской революционной мысли.

В этом, толково написанном, предисловии нужно отметить отдельные неверные или необоснованные мысли. Так, по поводу прокламации «К молодому поколению» т. Раскольников замечает, что «именно отсюда, т.-е. с начала 60-х годов, нужно вести летосчисление русского народничества» (стр. 22); между тем уже с начала 50-х годов Герцен развивал основные положения народничества, которые затем в главном повторялись, хотя и обогащались новыми деталями у представителей этого течения. Точно так же необоснованным является утверждение т. Раскольникова, что в прокламации «Молодая Россия» сказываются явственные следы прудоновского влияния. Это заключение т. Раскольников делает на основании того, что авторы прокламации требуют устройства общественных фабрик и общественных лавок, в которых товары продавались бы по действительной себестоимости. Повидимому, последнее указание, отдаленно напоминающее прудоновскую «конституированную стоимость», и привело т. Раскольникова к его выводу. Но, во-первых, прудоновская конституированная стоимость относилась к обмену между самостоятельными мелкими товаропроизводителями, а не к продаже изделий общественных фабрик из общественных лавок (кооперативов), а во-вторых, Прудон, как идеолог мелкой буржуазии, был ярым противником обобществления производства и торговли. Общественные [illegible] особенности общественные фабрики имели очень мало общего с [illegible] ими» фантазиями.

Укажем еще на один недостаток рассм[illegible]ика. Чтобы дать возможность массовому читателю (а на него, [illegible]ю это издание) познакомиться с главнейшими документами рев[illegible]кения 60-х годов, следовало бы дать еще несколько относящихся [illegible] как, например, прокламацию Шелгунова к солдатам, которая и[illegible]ана с прокламацией Чернышевского «К барским крестьяна[illegible]ния общества «Земля и Воля», которое было крупнейшей орга[illegible]ени (хотя бы его листки «Свобода»), а, быть может, еще пару-[illegible]й той поры. Бо́льшая часть всего этого, конечно, уже опубли[illegible]и разбросаны в больших или дорогих изданиях, эти документы нед[illegible]ссы. От прибавления таких документов сборник только бы выигра[illegible]кно пожелать, чтобы этот пробел был восполнен при следующих изд[illegible]а.

Всецело присоединяемся к мнению составителя, [illegible]щий сборник окажется полезным как для историков, так и для широ[illegible]ельских масс, интересующихся предтечами того движения, которое в к[illegible]счете привело к Октябрьской революции 1917 г. Но не можем не отметить вы[illegible]к цены книжки, состоящей на три четверти из перепечаток и стоящей 90 копеек за 5 печатных листов. Это, впрочем, общая беда нашего издательского дела, над которой следует подумать.

РАБОТЫ ЖАН-ПОЛЯ МАРАТА И ЛИТЕРАТУРА О НЕМ В КАБИНЕТЕ ИСТОРИИ ФРАНЦИИ

Мы до сих пор все еще не имеем полной и исчерпывающей библиографии работ Марата и литературы о нем. «Index du bibliophile...» Fr. Chevremont (1876 г.), при всей своей полноте, кое в чем устарел и должен быть дополнен. Fr. Chevremont в предисловии к своему исследованию о Марате (1880) рассказал о тех трудностях, которые приходилось преодолевать биографу «друга народа», чтобы приступить к изучению его жизни: надо было отказаться от закоренелых предубеждений, надо было кропотливо и упорно собирать его литературное наследство. А оно огромно. Ряд работ Марата был опубликован лишь в XIX веке. Так, литературный опыт Марата: «Un roman de coeur» опубликован был целиком впервые в 1848 г., «Eloge de Montesquieu» в 1883 г. Также сравнительно недавно был опубликован на французском языке почти забытый медицинский трактат Марата («An essay on gleets...», 1775 г., переиздан на английском языке в 1891 г., на французском — в 1912 г.). Переписка Марата, собранная Gh. Vellay, появилась в 1908 г., но уже в 1910 г. он издал небольшой «Supplément à la correspondance». Мы и теперь не имеем исчерпывающего собрания всего, что написал Ж.-П. Марат как мыслитель, естествоиспытатель и революционер. Но особенно важно отметить, что до сих пор нет полного собрания всего того, что писали современники и последующие поколения о Марате. Литература эта огромна: не было ни одного десятилетия, с конца XVIII века вплоть до наших дней, в котором не появлялись бы исследования или памфлеты, посвященные «другу народа». До сих пор он не перестал быть предметом ожесточенных споров.

Особенно большой показатель [illegible] представляет учет журнальных статей, а также и литературы, выходившей [illegible] статей появлялось в течении больше столетия вне Франции. Наконец, мы в СССР не имеем [illegible]к. Наибольший [illegible]ений о богатейшей и наиболее полной лионской коллекции, посвященной [illegible], переданной городу Лиону проф. Lacassagne.

Но и как [illegible], дающие [illegible] Института К. Маркса и Ф. Энгельса может гордиться своей б[illegible] посвященной Марату. Она пока далеко не исчерпывающая, но отли[illegible]ром[illegible]ием и систематичностью. Прежде всего должны быть отмечены р[illegible]ых[illegible]ые Марату, как историков, так и современников. И та, и другая гр[illegible] представлены солидно. Специально работы о Марате начали появля[illegible] годах XIX века. Отметим некоторые из них. Среди «маратистов» [illegible]бочего-портного Констана Гильбе. В нашем распоряжении имеет[illegible]ть его памфлетов, посвященных Марату; затем работы Chevremont [illegible] (шестидесятые-восьмидесятые годы). Далее, работы Кабанеса конца XIX и [illegible] работа Бакса (на английском языке); кое-какие немецкие рабо[illegible] и девяностых годов) и, наконец, книга Phipson — «J.-P. Marat, [illegible]esp[illegible] England and France before the revolution» (London, 1924). Следует отме[illegible] устранить[illegible]вания о Марате представлены у нас в достаточной степени полно[illegible]ой является группа материалов (памфлетов), посвященных Марату [illegible]ами. Здесь одинаково представлены и враги, и друзья. Отметим: «Appel[illegible]a eu lieu dans la séance permanente du 13 au 14 avril 1793»; это—собрани[illegible]ой [illegible]стик Марата, поименная перекличка всех членов Конвента. Отметим брошю[illegible]мсюфа, Бурдона, Клоотца («Ni Marat, ni Roland»); ряд речей и брошюр, посвященных Марату его политическими друзьями после смерти. Здесь укажем также небольшую коллекцию, посвященную Ш. Кордэ. Наконец, самое главное — произведения самого Марата. Сюда относится прежде всего богатая коллекция его научных и социально-политических работ до-революционной эпохи. Исследователь, желающий познакомиться с Маратом, как ученым, может это сделать в Институте К. Маркса и Ф. Энгельса по первоисточникам. Социально-политические трактаты Марата до-революционных лет — «Les chaînes de l'esclavage», «Plan de législation

criminelle», «Eloge de Montesquieu»—имеются в различных изданиях. Первая книга — в оригинале на английском языке изд. 1774 г., но имеются и французские издания 1792 и 1833 гг.

Затем отметим богатый подбор памфлетов Марата за различные годы революции; «Неккериада», борьба с Лафайетом и т. д. представлены очень полно в коллекции. Решающее значение, конечно, имеет подбор газет Марата; они составляют центральную часть коллекции. Прежде всего комплект «L'Ami du peuple» (включая «Le Moniteur patriote» и «Le Junius Français»), за исключением отдельных номеров газеты. Недостающие номера будут в ближайшее время сфотографированы, и, таким образом, они пополнят коллекцию. Отметим богатый подбор «Faux numéros de l'Ami du peuple». (Séries I—IV). В таком же положении находятся и другие журналы: «Journal de la République française» (полный комплект) и «Le Publiciste de la République Française». К сожалению, в кабинете Франции пока нет последних номеров газеты, но в ближайшее время мы надеемся получить фотоснимки этих номеров.

Французский кабинет, пополняя свою коллекцию, вместе с тем пытается составить, по возможности, полную библиографию по Марату. Но и имеющийся в настоящий момент в кабинете материал достаточен для самостоятельной марксистской проверки выводов исторической науки о Марате, как и, в значительной степени, для нового исследования его жизни и деятельности.

I. Книги, брошюры и памфлеты Марата

1. L'Affreux réveil. Le 29 août 1790. [Paris], impr. de Marat [1790].
2. L'ami du peuple aux français patriotes. [Paris] Impr. de Marat [1792].
3. Appel à la nation par J.-P. Marat... contre le ministre des finances, la municipalité et le Châtelet de Paris, suivi de l'exposé des raisons urgentes de destituer cet administrateur des deniers publics, de purger cette corporation et d'abolir ce tribunal, redoutables suppôts du despotisme. s. l. [1790] 67 p.
4. C'en est fait de nous. [Paris], impr. de Marat [1790] 8 p. Signé: Marat, l'ami du peuple.
5. C'est un beau rêve, garre au réveil. Par M. Marat, l'ami du peuple. [Paris], impr. de Marat [1790], 8 p.
6. Les Chaînes de l'esclavage... par J.-P. Marat, l'ami du peuple. Paris, impr. de Marat, l'an 1 de la république. 364 p.
7. Les Chaînes de l'esclavage... par J.-P. Marat, précédées d'un discours préliminaire et accomp. de nouvelles notes par M. A. Havard. Paris, Havard. 1833, XII + + 330 p.
8. The Chains of slavery... to which is [illegible] address to the electors of Great Britain.., London, sold by J. Almon... 17[illegible]).
9. Les Charlatans modernes, ou [illegible] anisme académique, publ. par M. Marat, l'ami du peuple. [Paris], impr.
10. La Constitution, ou Projet de décla[illegible] l'homme et du citoyen, suivi d'un plan de constitution juste, sage [illegible] de l'Offrande à la patrie. Paris. Boisson, 1789. [4] + 67 p.
11. La Correspondance de Marat, ré[illegible] Charles Vellay. Paris, Charpentier et Fasquelle, 1908, XXIII + 291 [illegible]tion).
12. Supplément à la Correspondan[illegible] Charles Vellay. Le Puy, imp. Peyriller. 1910, 31 p. (Extrait de la [illegible] la révolution française, janv. — mars 1910, p. 81—95; avril — juin, [illegible]
13. Découvertes de M. Marat... sur la [illegible]tées par une suite d'expériences nouvelles... Londres; Paris, chez Jo[illegible] p.
14. De la presbytie accidentelle par J.-[illegible] Traduit pour la première fois de l'anglais... par Georges Pilotelle, pré[illegible] par le bibliographe de Marat [Fr. Chevremont]. Paris, Champion, 1891[illegible]
15. De l'homme, ou des principes et des lois [illegible] l'âme sur le corps et du corps sur l'âme par J.-P. Marat. T. 1—3. Amste[illegible] 1775—1776.
16. Dénonciation à la nation contre M. [illegible] r M. Marat... [Paris] impr. de Marat [1790], 8 p.
17. Dénonciation faite au Tribunal du p[illegible]ar Marat, l'ami du peuple, contre M. Necker, premier ministre des finances. S. l, [1790] 69 p.
18. Discours de Marat au peuple, extrait de «l'Ami du peuple» du 18 sept. 1789, publ. par Constant Hilbey, 2 éd. Paris, 1846, 8 p.
19. Discours de Marat sur la défense de Louis XVI, la conduite à tenir par la Convention, et la marche alarmante que la faction royaliste s'efforce de lui faire suivre dans le jugement du tyran détrôné. [Paris] Impr. nationale, s. a. 22 p. (Conv. nation.)

20. Eloge de Montesquieu, présenté à l'Académie de Bordeaux, le 28 mars 1785 par J.-P. Marat, publié avec une introd. par Arthur de Brézetz... Libourne, Maleville, 1883, XXVIII + 79 p.

21. An essay on the human soul. London, Becket, 1772, [6] + 115 p.

22. Etablissement d'une Haute-Cour nationale. S. l. et a. 2 p. Signé: Présidents: Marat, Danton; Conseillers: Prudhomme, Linguet [et autres].

23. Le Général Mottié vendu par ses mouchards, ou la Glorieuse expédition des vainqueurs de la Bastille, [Paris] impr. de Marat, [(1790.] 8 p.

24. Le Général Mottié vendu par ses mouchards, ou la Glorieuse expédition des vainqueurs à la Bastille, [Paris] impr. de Marat, [1790] 16 p. (Supplément extraordinaire de l'Ami du peuple).

25. Infernal projet des ennemis de la révolution, par M. Marat... [Paris], Impr. de Marat, [1790] 7 p.

26. Lettre de Marat, l'Ami du peuple, à M. le président de l'Assemblée nationale. S. l., impr. de Feret, [1790] 8 p.

27. Lettre de Marat, l'Ami du peuple, à M. Joly, avocat aux conseils... [15 octobre 1789]. S. l. et a. 3 p.

28. Lettre de Marat, l'Ami du peuple, contenant quelques réflexions sur l'ordre judiciaire, s. l., impr. de Caillot, [1790].

29. Lettre de Marat, député du département de Paris, à la Convention nationale lue à la séance du 13 avril 1793... [Paris], impr. nationale, s. a. 6 p. (Convent. nationale).

30. Marat, l'Ami du peuple, à ses concitoyens les électeurs. [Paris] impr. de Marat, [1792] Placard.

31. Marat, l'Ami du peuple, aux braves parisiens 26 août, 1792. Huitième placard réédité pour la première fois par Georges Pilotelle et précédé d'une notice par le bibliographe de Marat [F. Chevremont). Londres et Paris 1892. 17 + 6 p. (Une révélation historique).

32. Marat: Autobiographie de Marat. — Les chaînes de l'esclavage. — Plan de législation criminelle. — L'Ami du peuple. — Journal de la république française. — Biographie. — Bibliographie. — Choix de textes par Ch. Simond. Avec port. et illustrations. Paris, Louis Michaud [190], XVI + 134 p. (Les prosateurs illustres français et étrangers).

33. Marat, spécialiste des maladies vénériennes. «An essay on gleets» (Londres, 1775), traduit de l'anglais par J. Payenneville. Rouen, impr. Lecerf, 1912, IV + 32 p.

34. Mémoire sur l'électricité médicale, couronné le 6 août 1783 par l'Académie royale... Paris, impr. de Jorry, 1784, 8 + 111 p.

35. Mémoires [illegible]miques, ou Nouvelles découvertes sur la lumière, relatives aux points les [illegible]nts de l'optique. Paris, chez Méquignon, 1788, XVI + 323 p.

36. Notion[illegible]. Наибольший [illegible]d'optique. Paris, chez Didot et Moutard, 1784, VII + 44 p.

37. Nouv[illegible]ой, дающие [illegible]n de M. Marat, l'ami du peuple, contre M. Necker, premier ministre [illegible] ... дополнение к донесению на citoyen contre un agent de l'autori[illegible] ... дома... 1790, 40 p.

38. Oeu[illegible]... recueil. et annot. par A. Vermorel. Paris, Décembre. Alonnier 18[illegible]

39. Oeu[illegible] de Marat, l'Ami du peuple. Prospectus. [Paris] impr. de la ve[illegible]

40. Off[illegible]ie, ou Discours au tiers-état de France. S. l. 1789. Au temple de [illegible]

41. Off[illegible]e, ou Discours au tiers-état de France. S. l. 1789. Au temple de la [illegible]

42. On [illegible] prenons-y garde. [Paris] Impr. de Marat, [1790] 12 p. Signé: M[illegible]

43. Opi[illegible]... sur le jugement de ex-monarque. [Paris] Impr. national[illegible] convention nationale).

44. Op[illegible]a ton, traduction nouvelle faite par M*** [Marat], sur la dernière éditi[illegible]. Paris, chez Leroy libr. 1787.

45. Les [illegible]s de Marat. Avec une introd. et des notes par Charles Vellay. Paris, Charpentier et Fasquelle, 1911, XIV + 351 p. (L'Elite de la révolution).

46. A Philosophical essay on man. Being an attempt to investigate the principles and laws of the reciprocal influence of soul and body. Vol. 1—2. London, Ridley, 1773.

47. Placard de Marat, l'ami du peuple, par F. Chevremont. Paris, chez l'auteur, 1877, III + [66] p.

48. Plan de législation criminelle... par M. Marat.- Paris, Rochette, impr., 1790, 157 p.

49. Projet de déclaration des droits de l'homme et du citoyen, suivi d'un Plan de constitution juste, sage et libre. Par l'auteur de l'Offrande à la patrie. Paris, chez Buisson libr., 1789, [4] + 67 p.

50. Recherches physiques sur l'électricité, par M. Marat... Paris, impr. de Clousier, 1782, VIII + 461 p.

51. Recherches physiques sur le feu, par M. Marat... Paris, chez Jombert, 1780, 202 p.

52. Relation authentique de ce qui s'est passé à Nancy, adressée aux députés du régiment du roi à l'Assemblée nationale par leurs camarades; et observations de l'Ami du peuple. [Paris] Impr. de Marat, [1790] 14 p. Signé: Marat, l'ami du peuple.

53. Relation fidèle des malheureuses affaires de Nancy. [Paris] Impr. de Marat [1790] 8 p. Signé: Marat, l'ami du peuple.

54. Reprint of two tracts. 1. An Essay on gleets. 2. An Enquiry into the nature, cause and cure of a singular disease of the eyes by Jean-Paul Marat. Edited with an introd. by James Blake Baily. London, printed for private circulation only by Percival, 1891, XII + 45 p.

55. Un Roman de coeur, par Marat... publ. pour la première fois en son entier, d'après le manuscrit autographe, et précédé d'une notice littéraire, par le bibliophile Jacob [Paul Lacroix]. [T] 1—2. Paris, chez Chlendowski, 1848.

56. Le Sang de Marat. Fac-simile des numéros 506 et 678 du journal L'Ami du peuple, teints du sang de Marat, donnés par Albertine Marat, sa soeur, au colonel Maurin, conservés actuellement dans la collection de M. Anatole France. Notice par M. Cheron de Villiers. Port. de Marat. Paris, France, 1866, [32] p.

57. Traits de perfidie et tours de passe des pères conscrits. Du mardi 15 mars 1791. S. L. et a. 8 p.

II. Газеты Марата

1. L'Ami du peuple, ou le Publiciste Parisien, journal politique et impartial par M. Marat, auteur de l'Offrande à la patrie, du Moniteur et du Plan de constitution, etc. 12 sept. 1789 — 21 sept. 1792. NN 1 — 50, 53 — 627, 639, 649, 685. [Paris] (№№ 1—5 sous le titre: Le Publiciste parisien, journal politique, libre et impartial...).

L'Ami du peuple, ou le Publiciste parisien, journal politique, libre et impartial, par une société de patriotes et rédigé par Marat. Prospectus [Paris], impr. de la veuve Herissant.

Faux numéros de l'Ami du peuple.

Série (1 №№ 107, 108, 110, 112, 113, 115, 117, 118, 120—123, 125 — 127, 130 — 133, 135, 140, 141, 143—145). Série 2 (№№ 109—113). Série 3 (№№ 111, 112, 112 bis, 113, 113 bis, 114, 115, 115 bis, 117—126, 128—130, 134, 135, 150, 151 bis, 152, 152 bis, 153 bis, 154, 154 bis, 155, 156 bis, 157, 157 bis, 159 bis, 160, 160 bis, 161, 162 bis). Série 6 (№№ 524, 525 bis, 526, 527).

2. Journal de la république fra[illegible] l'ami du peuple, député à la Convention nationale. 26 sept. 1792 — [illegible] 143. [Paris] Impr. de Marat.

3. Le Publiciste de la république fr[illegible] ations aux français par Marat... 14 mars — 29 mai 1793. №№ 144 [illegible] sous le titre: Observations à mes commettants par Marat...; № 1 [illegible] sion de foi de Marat...).

4. Le Junius français, journal politiqu[illegible] de l'Ami du peuple. 7 — 24 juin 1790, №№ 1—13 [Paris].

5. Le Moniteur patriote. № 1 (s. l. e[illegible] ez Lallemand, libraire au Palais-Royal; vers le 11 août 1789.)

III. Современники о Марате.—Важнейшие [illegible]

*1. Almeras, Henri d'. Charlotte Corday d'a[illegible] ontemporains. Paris, libr. des Annales politiques et littéraires, 1910, 276 [illegible]

*2. L'Ami du peuple. Skizzen aus Marat's jour[illegible] ien. Hamburg, Hoffman und Campe. 1846, 76 p.

3. Appel nominal qui a eu lieu dans la séance pe[illegible]nt du 13 au 14 avril 1793, l'an deuxième de la républ. franç. à la suite du rapport du Comité de législation, sur la question: Y-a-t-il lieu à accusation contre Marat, membre de la Convention nationale? Paris, impr. nationale, s. a. 76 p. (Convention nationale).

4. Appel nominal qui a eu lieu dans la séance permane[illegible]e du 13 au 14 avril 1793, l'an deuxième de la républ. franç., à la suite du rapport du Comité de législation,

* Звездочкой отмечены работы о Марате.

sur la question: Y-a-t-il lieu à accusation contre Marat, membre de la Convention nationale?... Angers, impr. nationale, 1793, 66 p.

5. Aubusson, Pierre Armand d'. Neckriade provinciale, par un vieux citoyen d'une province très eloignée de la capitale... S. l. et a. 23 p. [Приписывается Мапату].

6. Avis au peuple ou les Ministres dévoilés... Extrait du procès verbal de l'Assemblée nationale du mercredi 1 juillet 1789. S. l. 1789. 24 p. [Прип. Мапату].

7. [Babeuf, Gracchus. C.] Fournier (Américain) à Marat. Paris, 14 mars, l'an de la républ. franç. S. l., impr. de Mayer, s. a. 8 p.

8. Ballin. Marat, du séjour des immortels, aux français. 26 juillet 1793, l'an 1-er de la constitution franç. S. l., impr. de Vézard et Le Normant, s. a. 24 p.

9. Barrau, Jean-François. La mort de Marat, tragédie en trois actes et en vers, suivie de son Apothéose, en un acte et en vers, par Jean-François Barrau... Toulouse, impr. Baour, [1794] 48 p.

*10. Bax, Ernest Belfort. Jean-Paul Marat the people's friend, by Ernest Belfort Bax... With illustr. London, Grant Richards, 1900, XI + 353 p.

*11. Bougeart, Alfred. Marat, l'Ami du peuple, par Alfred Bougeart, T. 1—2. Paris, Lacroix. Verboeckhoven, 1865.

*12. Bourdon, Léonard. Léonard Bourdon, substitut du procureur de la commune de Paris, à Marat. [Paris] Gallet, l'an 4 de la liberté... 4 p.

*13. Brunet, Charles. Marat dit l'Ami du peuple. Notice sur sa vie et ses ouvrages par Charles Brunet. Paris, libr. Paulet-Malassis, 1862, 57 p.

*14. Cabanès Auguste. Marat inconnu. L'homme privé, le médecin, le savant, d'après des documents nouveaux et inédits. Paris, Genonceaux, 1891, VI + 328 p.

*15. Cabanès [Auguste]. Marat inconnu, l'homme privé, le médecin, le savant. D'après des documents nouveaux et inédits. 2-e éd. réfondue et très notablement augm. Ouvrage orné de 5 planches et de 60 illustr. Paris, Michel, [1911] XII + 559 p.

16. Calvet, J.-B. Discours prononcé à l'inauguration des bustes de Marat et Lepelletier, célébrée par la Section de Beaurepaire régénérée..., le 20 nivôse, l'an 2 de la républ... — Discours, prononcé dans l'assemblée générale de la Section régénérée de Beaurepaire, à la suite de l'Inauguration des bustes des martyrs de la liberté, Marat et Le Pelletier par... A. C. Closquinet. S. l. et a. 16 p.

17. Cannibale. Panégyrique de Marat, prononcé devant une nombreuse assemblée le 15 germinal... par le docteur Cannibale... Paris, Forget impr. libr., l'an III de la république. 70 p.

18. Cannibale. Lobrede auf Marat, gehalten vor einer zahlreichen Versammlung den 15-ten Germinal... von Doctor Cannibal. S. l. et a. 16 p.

19. Causes de la contre-révolution dans le Brabant. et réfutation des calomnies de Marat et de Carra contre Léopold II et contre Louis XVI. S. l. et a. 12 p.

20. La Certa[illegible]azatel[illegible]e de Marat l'aîné à Dupont, son ami (ou Marat cadet), au sujet [illegible]s assignats. Nouv. éd. S. l. et a. 16 p.

21. Charle[illegible]нь статей по[illegible]cours prononcé à la Section de Brutus, par Charlemagne fils, [illegible]к. Наибольший[illegible]2 de la républ..., jour où cette section célébra une pompe funèbre e[illegible]ой, дающие [illegible]tier et de Marat. Paris, impr. de la section de Brutus, s. a. 16 [illegible] ci-devant de Molière et La Fontaine).

22. Cha[illegible]ou la Judith moderne. Tragédie en trois actes et en ver[illegible]veautés, 1797, IX + 59 p.

23 Ch[illegible]ых[illegible]u la Judith moderne, tragédie en trois actes et en vers. Ca[illegible]ек[illegible]s, 1797, 32 p.

24. Ch[illegible]de. Claude-François. Lettre à Marat sur l'examen qu[illegible]7 de son journal, de mon adresse pour M. Riolle à l'assemblée n[illegible], signé: Chauveau Delagarde.

*25. C[illegible]çois. Jean-Paul Marat. Orné de son portrait. Esprit politique ac[illegible]scientifique, politique et privée par F. Chevremont... T. 1—2. Pari[illegible]

*26. C[illegible]çois. Marat. Index du bibliophile et de l'amateur de peintures, gra[illegible]evremont... Paris, chez l'auteur, 1876, 464 p.

*27. [illegible]dicale. Revue bi-mensuelle de médecine... réd. Dr. Cabanès. 15 ju[illegible]maire: Le 106-e anniversaire de la mort de Marat).

*28. C[illegible]d. Marat assassin de la révolution. Paris, libr. des saints-pères [1910] [illegible]

29. Clo[illegible]narsis. Ni Marat, ni Roland. Opinion d'Anacharsis Cloots... Paris, Desenne[illegible]p.

30. Cor[illegible]arlotte de. Fêtes et solennités de toutes les églises de Caen avant la révolut[illegible]d'après un manuscrit de l'Abbaye-aux-dames, annoté par Charlottn Corday. Caen, Ma[illegible]f libr., Paris, Delaroque libr. 1869, XVIII + 30 p.

31. Corday, Charlotte de. Oeuvres politiques de Charlotte de Corday..., réunies par un bibliophile normand [Charles Renard] avec un facsimile inédit. Caen, Le Gost libr.; Paris, France libr., 1863, 50 p.

32. Corday, Charlotte de. Supplément aux Oeuvres de Charlotte de Corday, publiées par un bibliophile normand [Charles Renard] en 1863, Caen, Le Gost libr., Paris, France libr., 1864, VII + 22 p.

33. Cubières, Michel de. Poème à louange de Marat. S. l. et a. 4 p. Signé: Dorat-Cubières [pseud.].

34. David, Louis. Discours prononcé à la Convention nationale, par David... en lui offrant le tableau représentant Marat assassiné. Séance 24 brumaire, l'an 2 de la républ... [Paris] impr. nationale, s. a. 3 p.

35. David, Jacques-Louis-Jules. Notice sur le Marat de Louis David, suivie de la liste de ses tableaux dressée par lui-même. Paris, impr. Jouaust, 1867, 43 p.

*36. Defrance, Eugène. Charlotte Corday et la mort de Marat. Documents inédits sur l'histoire de la terreur. Illustrations documentaires. Paris, Mercure de France, 1909, 340 p.

37. Delaunay, Pierre-Marie. Acte d'accusation contre Marat, député à la Convention nationale du 20 avril 1793. [Paris] Impr. nationale, s. a. 19 p. (Convention nationale) Signé, page 3: P. L. M. Delaunay, jeune.

38. Delaunay, Pierre-Marie. Rapport fait au nom du Comité de législation par P.-M. Delaunay le jeune..., sur les délits imputés à Marat, membre de la Convention nationale... Paris, impr. nationale, 1793, 15 p. (Conv. nationale).

39. Delaunay, Pierre-Marie. Rapport fait au nom du Comité de législation par P.-M. Delaunay le jeune..., sur les délits imputés à Marat, membre de la Convention nationale... Douai, impr. de Marlier, s. a. 15 p.

40. Delaunay, Pierre-Marie. Rapport fait au nom du Comité de législation par P.-M. Delaunay le jeune..., sur les délits imputés à Marat, membre de la Convention nationale. Troyes, impr. d'André, s. a. 10 p. (Conv. nationale.)

41. Les Députés du département des Bouches-du-Rhône à la Convention nationale, à Marat. Paris, impr. du Cercle social, s. a. 11 p.

*42. Desjardins, Arthur. Marat crim[illegible] liste par Arthur Desjardins. Paris, impr. Lahure, 1897, 38 p. (Extrait de la Revue du Palais, 1 Nov. 1897.)

43. Dialogue entre Marat et Robespierre, Paris, Debarle, an 2 de la république, 16 p.

44. Dialogue entre Marat et Robespierre. 2-e éd. Paris, Debarle, an 2 de la république, 16 p.

45. Didelot, L. Marat physicien, par D-r L. Didelot. Lyon, Storck; Paris, Masson, s. a. 15 p.

Dorat-Cubières [pseud.] см. Cubières, Michel de.

46. [Dubrail] Grande dispute au Panthéon entre Marat et Jean-Jacques Rousseau. S. l. et a. Impr. des Sans Culottes, 15 p.

47. Epitre à mon collègue et bon ami M[illegible] S. l. impr. Gorsas, s. a. [Reimprimé au Moniteur du 14 octobre 1792].

48. Epitre de Marat l'aîné à Mar[illegible]ris 12 sept. 1790, S. l. et a. 16 p.

49. Estienne, Antoine. Dénonciation des[illegible]mi du peuple, par Marat; et L'Orateur du peuple par Martel; et Ré[illegible] de la presse par Ant. Estienne... Paris, Webert, M-me Vaufleuri li[illegible]

50. Fabre d'Eglantine, Philippe-F[illegible]. Portrait de Marat, par P.-F.-N. Fabre d'Eglantine... Paris, Mar[illegible] de la république. 24 p.

*51. Fassy, Paul. Marat, sa mort, ses véritabl[illegible] documents empruntés aux archives de la préfecture de police. 2 [illegible]it Journal, 1867, 52 p. (Une page de l'histoire de Paris sous la te[illegible]

52. Fête civique donnée par le Bureau[illegible] nationale, pour inauguration des bustes de Lepelletier et [illegible]ation d'un arbre à la liberté. Le 14 brumaire de l'an 2 de la république[illegible]. 93, 17 p.

53. Fête en l'honneur de Marat et L[illegible] par la Section du Mont-Blanc, le 12 frimaire, l'an 2 de la répub[illegible]. p.

*54. Fleischmann, Hector. Marat et sa maît[illegible] et la mort de l'ami du peuple, d'après des documents nouveaux et [illegible]mporains, avec illustrations... Paris, Les publications modernes, [191[illegible] secret de l'histoire).

55. Gassier, J. M. L'Ami du peuple, ou la Mort de [illegible]que en un acte, suivi de sa pompe funèbre... par le citoyen Gassier St.[illegible]is, Bruxelles 1794, 22 p.

56. Gendarmerie nationale servant près les [illegible]aux. Procès-verbal de l'inauguration des bustes de Brutus, Marat, Pelletier, et de [illegible]présentation au Tribunal extraordinaire et révolutionnaire des images de ces grands [illegible]mmes, et d'une pierre provenant des cachots de la Bastille. S. l. impr. de Belin, s. a. 2 p.

57. La Guerre des districts, ou la Fuite de Marat, poèm[illegible] héroi-comique en trois chants. Paris 1790, 38 p.

58. Guiraut, François-Elie. Oraison funèbre de Marat, l'ami du peuple, prononcée par le citoyen Guiraut... dans la Section du Contrat social, devant la Convention nationale .. le 8 août 1793, l'an 2 de la république... S. l. impr. de 86 dép. et de la société des jacobins, s. a. 15 p.

59. Henriquez, L. M. La dépanthéonisation de J.-P. Marat, patron des hommes de sang et des terroristes, fondée sur ses crimes et sur les forfaits des jacobins par Henriquez... Paris, Prévost, libr, s. a. 16 p.

60. Henriquez, L.-M. J.-P. Marats, Patrons der Blutmenschen und Terroristen Entpantheonisirung, auf seine Verbrechen und die Uebelthaten der Jacobiner gegründet von Henriquez. S. l. et a. 20 p.

61. Héron, Louis. Complot d'une banqueroute générale de la France, de l'Espagne, et par contre-coup de la Hollande et de l'Angleterre; ou les Horreurs de l'ancien et du nouveau régime, mises au jour par le citoyen Héron. Ouvrage rédigé par Marat... [Paris] Impr. de Marat, (1793) 55 p. [Приписывается Марату]

*62. Hilbey, Constant. Marat et ses calomniateurs, ou Réfutation de l'histoire des Girondins par Constant Hilbey... Paris 1847.

*63. Hilbey, Constant. Séance de la Convention nationale du 25 septembre 1792. Extrait du journal de Marat, précédé d'une introduction et accompagné de notes par Constant Hilbey. Paris 1847, 16 p.

*64. Huard, Adolphe. Mémoires [illegible] Charlotte Corday, d'après des documents authentiques et inédits, par M. Adolphe Huard. Paris, Roudiez, 1866, IX + 3 45 + [1] p.

65. Jumel, Jean-Cha[illegible]s. Oraison funèbre de Marat, l'Ami du peuple, prononcée à Tulle au Champ de Mars [illegible] célébrée en son honneur le 21 juillet 1793, l'an 2 de la république.. Jean-Charles Jumel, Tulle, Chirac impr. s. a. 16 p.

66. Justification [illegible]. Ответ[illegible]премier ministre des finances; ou Réponse à la dénonciation du sieur M[illegible] citoyen du district de St. André des Arits. S. l., impr. de société typographique, s. a.

67. Le Rou. L'Anti-Marat [illegible] de M. Necker contre le soi-disant ami du peuple. par M. Le Rou. S. l. Guillaume junior, s. a. 30 p.

68. Le Tellier, avocat. Jugement du Champ de Mars, rendu le peuple assemblé, les laboureurs y séant. Du 26 décembre 1788, s. l. et a. 53 p. [Прип. Марату]

69. Le Livre de sang, ou Calcul abrégé des assassinats commis ou occasionnés par les prêtres. Paris, impr. de Martin, s. a. 8 p. [Прип. Марату]

70. Lulier, Louis-Marie. Discours prononcé par le citoyen Lulier... 1-er décadi frimaire, l'an 2 de la république dans l'assemblée générale de la section Bon-conseil à la suite de l'apothéose des bustes de Marat et de Pelletier... S. l. impr. de Pelletier, s. a. 12 p.

71. Magnin, [illegible]co harlotte Corday par François Ponsard. Etude littéraire par J.-P. Magnin. Wiesba[illegible] de 68. (Jahresbericht der höheren Bürgerschule zu Wiesbaden...)

72. Marat, Указатель [illegible] Réponse aux détracteurs de l'Ami du peuple, par Albertine Marat, [21 с[illegible]нь статей по [illegible]r. de Marat, s. a. 8 p.

73. Mara[illegible]к. Наибольший [illegible] Constant Hilbey devant la Cour d'assises. K[illegible] mpagnée de notes et suivie de nouveaux extraits de l'Ami du [illegible]ой, дающие [illegible] p.

74. Ma[illegible] le souterrain des Cordeliers, ou la Journée du 10 août; fait [illegible]ромат[illegible]s, par le citoyen Mathelin... Paris, chez Maradon libr 2 année de p[illegible]

75. Ma[illegible]тых [illegible]ne, Pierre-Anne-Louis. Les crimes de Marat et des autr[illegible]е [illegible]е [illegible]rrection... par P.-A.-L. Maton (de la Varenne) 2 éd. Paris, chez [illegible] [illegible]l p.

76. [illegible]ne, Pierre-Anne-Louis. Die Verbrechen Marats und and[illegible] [illegible]anzös. übersetzt. Chemnitz, bei Hofmann, s. a. 100 p.

*[illegible] hommes de la révolution. Marat. Paris, libr. du Progrès, [1907], 8[illegible]

*7[illegible]esprit[illegible]yte. Le Docteur Marat par le docteur H. Mettais. Paris, de [illegible]ттеры знаменитых [illegible]ettres, [1874] 347 p.

7[illegible] [illegible]at aux parisiens. S. l. et a. 8 p.

8[illegible] [illegible]is écoutez-moi. Première lettre du Bon-homme des bois, cito[illegible] [illegible]a [illegible] p.

*81[illegible]ой [illegible]L. Jean-Paul Marat, his career in England and France before the [illegible] [illegible]ustr. London, Methuen, [1924] VI + 144 p.

*82. [illegible] général des causes célèbres anciennes et modernes [illegible]par une société d'hommes de lettres, sous la direction de B. Saint-Edme. Série [illegible]. [Marat] Paris, Rosier, 1834, 76 p.

*83. R[illegible] Albert. Le docteur Marat 1743 — 1793. Son système physiologique. Paris, Maloine, 1908. 59 p. (Faculté de médecine de Paris. Thèse pour le docteur en médecine.)

*84. Roux, Xavier. Marat, par Xavier Roux. Paris, libr. de la Société bibliographique, 18[illegible]; 36 p. (Brochures populaires sur la révolution française.)

85. [Scheler, Eugen-Karl-Ludwig von]. Interessante Nachrichten von des berüchtigten Johann-Paul-Marats Leben und Tod, mit einer kurzen Geschichte seiner Mörderin Charlotte Corday. Nebst Port. und einer Karikatur. Stuttgart, Steinkopf, 1793.

86. Trahison contre l'état, ou les Jacobins dévoilés. Réponse aux numeros 137 et 139 de l'Ami du peuple. S. l. 1790. Au Manège de l'impr. des vrais patriotes, l'an de la suite des désordres et de l'anéantissement des perturbateurs, 16 p.

*87. Vadon, Dr. Marat médecin. Une consultation inédite du Dr. Marat. Clermont (Oise) Daix et Thiron, 1907, 8 p. (Extrait du Journal de médecine de Paris, 1907. NN. 43, 44).

*88. [Vatel, Charles]. Dossiers du procès criminel de Charlotte de Corday, devant le Tribunal révolutionnaire. Extraits des Archives impériales et publiés par C. Vatel. Paris, chez Poulet-Malassis. Versailles, chez Dufaure, [1861] XX + 108 p.

*89. [Vatel, Charles] Note et renseignements sur les fac-s mile de la lettre de Charlotte de Corday à Barbaroux. Paris, impr. Jouast, (1861) XXXVII p.

90. Vie privée et ministérielle de M. Necker, directeur-général des finances, par un citoyen. Genève, chez Pellet, impr., 1790, 80 p.

91. Supplément à la vie privée et ministérielle de Monsieur Necker, directeur-général des finances, [redacted] un citoyen. Genève, chez Pellet, impr, 1790, 40 p.

*92. Witt, Pierre de. La jeu[nesse] de [redacted] Marat romancier. Paris, Perrin, 1892, 59 p.

Ответственный редактор: Д. РЯЗАНОВ.

Редакционная коллегия: А. [redacted]ОРИН. И. [redacted]ППОЛ. Д. Р[redacted]ЗАНОВ.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

СТАТЬИ И ИССЛЕДОВАНИЯ

А. Деборин. — Спинозизм и м[illegible] м. (К 250-й годовщине смерти Спинозы.) 3
Д. Рязанов. — Маркс и Энгельс [illegible]ке и семье 13

ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННЫХ РУКОПИСЕЙ К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА

К. Маркс. — Письма об Индии. С предисловием Д. Рязанова 36
Э. Гумбель. — О математических рукописях К. Маркса. (Сообщение) 56

ПИСЬМА И ДОКУМЕНТЫ

Б. Николаевский. — К истории петербургской социал-демократической группы «стариков» (Сообщение) 61
А. Воден. — На заре «легального марксизма» (Из воспоминаний) 67
М. Бакунин. — Письма к графине Е. В. Салиас. С предисловием Ю. Стеклова. 83

КРИТИКА И РЕЦЕНЗИИ

I. Диалектическ[illegible] (указатель [illegible] иностранная литература) 99
II. Естествоз[illegible]ень статей п[illegible] 106
III. Политиче[illegible]к. Наибольший [illegible]рия экономической мысли 114
IV. Марксиз[illegible]ой, дающие [illegible] 126
V. История [illegible] 129
VI. Велика[illegible]ома[illegible]юция 139
VII. Истор[illegible]ных [illegible]жений в России 143

ИЗ ЖИЗНИ КАБИНЕТОВ ИНСТИТУТА

Работы [illegible]тература о нем в кабинете истории Франции 152